ОЧЕРКИ ПОСЛЕОКТЯБРЬСКОЙ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ в СССР

Н. ШАВЕКО

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

ОЧЕРКИ ПОСЛЕОКТЯБРЬСКОЙ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ в СССР

Н. ШАВЕКО

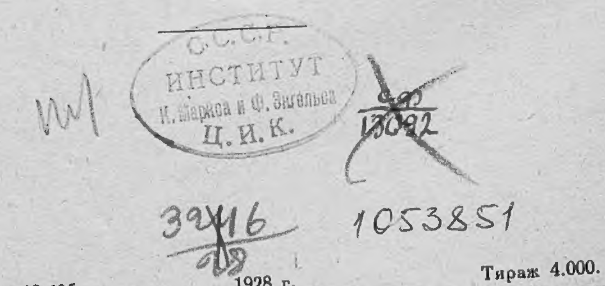
ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

★

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА ★ ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ

Мосгублит № 19.406. 1928 г. Тираж 4.000.

Отпеч. в 7-й тип. „Искра Революции" Мосполиграфа. Арбат, Филипповск., 13.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Работа тов. Шавеко заполняет весьма существенный пробел в исторической литературе: нам неизвестна еще ни одна работа, которая с надлежащей серьезностью и всесторонностью охватила бы данную тему.

Тов. Шавеко работала над сырым материалом, обращаясь, в меру возможностей, к первоисточникам, стремясь вместе с тем дать не «полупродукт», а «продукт», т.-е. дать и необходимые обобщения и политические выводы.

Нам представляется, что, в общем и целом, тов. Шавеко вполне справилась с поставленной перед нею задачей и написала очень полезную, нужную книжку.

Поэтому мы ее охотно рекомендуем, особенно для совпартшкол и комвузов, несмотря на то, что в ряде мест изложение автора не вполне четко отшлифовано. Это обстоятельство отнюдь не меняет того факта, что в общем очерк тов. Шавеко является очень хорошей и серьезной работой на данную тему.

А. Слепков

Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять пред нею, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему.

(Ф. Энгельс.—„Людвиг Фейербах“, стр. 34)

ВВЕДЕНИЕ

Учредительное собрание в нашей революции промелькнуло, подобно тени, на историческом экране и, подобно тени, бесследно отошло в вечность... В цепи великих и бурных событий новой эры, открытой Октябрем, момент созыва Учредительного собрания и его исчезновение стушевались, как ничтожное событие. И, может-быть, этим об'ясняется то, что наша историческая литература, разрабатывающая все этапы русской революции, не посвятила этому событию ни одной специальной работы, — настолько мало оно останавливало внимание исследователей. Между тем, это событие безусловно должно занять подобающее место в истории нашей революции, так как оно воплощает один из интересных моментов в борьбе классов, когда буржуазный парламентаризм пытался вырвать гегемонию у советов. История нашего Учредительного собрания

вскрывает на ярком примере всю ненадежность избирательного бюллетеня в деле выявления воли масс, даже и на другой день после социальной революции; она доказывает, что волю масс недостаточно «отражать»», — ее необходимо «формировать» в самом живом процессе революции. Борьба, разыгравшаяся вокруг Учредительного собрания, была в свое время чрезвычайно напряженной. Это была первая и последняя схватка на мировой арене между двумя полярными мирами — пролетариата и буржуазии, послужившая прелюдией к той героической симфонии, когда пролетариат в огне гражданской войны громил с оружием в руках силы старого мира. В день открытия Учредительного собрания напряженный ток этой схватки не на жизнь, а на смерть жарко накалял политическую атмосферу. Контр-революция нарядилась на сей раз во все защитные доспехи идей демократизма и парламентаризма, чтобы, используя конституционные иллюзии мелкобуржуазного лагеря, поработить снова трудящиеся массы «Его Величеству капиталу». И перед этим-то Учредительным собранием ренегаты типа Каутского предлагали русскому народу пасть ниц, преклоняясь перед святыней голосования, заключенной в избирательной урне, где в консервированном виде закупорена «воля народа». Но наша революция предпочла этим сомнительной свежести консервам живые истоки народной воли, воплотившиеся в советах, динамически пульси-

рующих вместе с пульсом масс. Эти подлинные рабоче-крестьянские рефлекторы наложили свое властное «вето» на попытки фальсфикации их воли в Учредительном собрании, где заседала кучка политических банкротов, потрясающая своими обесцененными мандатами вчерашнего дня революции. Наша социальная революция выполнила завет Маркса, который говорил, что она «не может черпать свою поэзию из прошлого: она должна ее черпать из будущего. Она не может стать сама собой, не отказавшись от всякого суеверного почитания старины». Взвился молот, поднятый рукой пролетариата, и пали стены святилища Учредительного собрания, помогавшего капитализму окопаться под защитой этих стен. Рухнули идолы чистого парламентаризма, чистой демократии, пролетарская диктатура сокрушила их, чтобы на развалинах старого мира строить под знаменами советов великий дворец социализма.

I. ДООКТЯБРЬСКАЯ ФАЗА БОРЬБЫ ЗА СОЗЫВ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Февральская революция на своем знамени начертала лозунг революционный, в пределах буржуазно-демократического ее размаха; этот лозунг конечной целевой установки был: «Учредительное собрание на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования». Все мелкобуржуазные партии, именующие себя социалистическими, несли это знамя; авангардная партия пролетариата, партия большевиков, на данной стадии развития революции считала также необходимым поддерживать лозунг Учредительного собрания. Однако неодинаковость принципиального подхода к вопросу Учредительного собрания ясно сказывалась уже и в этот период, несмотря на кажущееся единодушие. Мелкобуржуазные партии (эсеры, меньшевики, энесы и др.), послушные своей классовой природе, склонной питаться иллюзиями примирения классовых противоречий парламентарным путем, выставляли требование Учредительного собрания как решающей инстанции, которая все и вся рассудит, примирит в священном единении «и волка и агнца», и непременно ко всеобщему благу. Не видя

в вопросе об Учредительном собрании вопроса классовой борьбы, они тем самым возносили его до уровня какого-то надклассового священного явления, к которому нельзя подходить с оружием критики и перед волею которого необходимо лишь смиренно склонить колени. Все эти «социалисты» не владея оружием марксистского анализа и будучи заражены мелкобуржуазными конституционными иллюзиями, не отдавали себе отчета в том, что представительное собрание само по себе еще не делает революции, не творит новых форм социальной жизни, подобно мифическому «демиургу действительности» (по определению Чернова), что оно, в лучшем случае, может лишь подвести итог тем классовым сдвигам, которые кристаллизовались уже в процессе революции, и закрепить в юридических актах то, что на деле уже добыто революционными массами. Демиургом (творцом) новых форм исторической жизни могут быть лишь сами трудящиеся массы в процессе активной классовой борьбы, динамически формирующей сознание этих масс, а не в статическом отражении кривого зеркала парламентаризма. «Святое всеобщее избирательное право, молись за нас!» — иронизировал Маркс в своем «18 брюмера» над мелкобуржуазной демократией Франции, когда плебисцит подарил республике Наполеона II.

«Верующие во всеобщее избирательное право не хотят, разумеется, отказаться от той чудо-

действенной силы, которой они столь многим обязаны, которая Бонапарта II превратила в Наполеона, Савла — в Павла, Симона — в Петра» [1]).

Российская мелкая буржуазия также свято верила в чудодейственную силу избирательного бюллетеня, способного якобы уберечь от всех зол, забывая при этом уроки истории, преподносившие, под видом легко фальсифицируемого всенародного мнения, ключи для диктаторской власти Бонапартов. Совершенно противоположный подход к вопросу видим мы у подлинно пролетарской партии большевиков. «Социал-демократ» писал еще 18 марта:

«Учредительному собранию не удастся провозгласить демократическую республику при засилии цензовой буржуазии. Ни один парламент в мире не делал революции, не творил нового права... Народовластие не может быть установлено только большинством голосов. Надо отказаться от подобной конституционной иллюзии. Полное народовластие на местах должно быть осуществлено до Учредительного собрания. Учредительное собрание лишь утвердит новый порядок, осветит его и достроит верхушку нового здания, имя которому будет «демократическая республика».

---

[1]) Маркс. «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта».

Ленин еще в апрельских тезисах дал лозунг конечной цели, уже лежащей за пределами парламентаризма.

«Не парламентарная республика — возврат к ней от советов рабочих депутатов был бы шагом назад, а республика советов рабочих и батрацких, крестьянских депутатов по всей стране снизу доверху».

Однако на данной стадии развертывания революции лозунг немедленного созыва Учредительного собрания, противопоставленный засилию цензовых элементов во Временном правительстве, стремящихся оттянуть и сорвать выборы в Учредительное собрание, был тогда наиболее близок и понятен массам, а потому и поддерживался большевиками. В рамках той буржуазно-демократической революции, свиток которой должен был развернуть Февраль, — Учредительное собрание занимало место конечного пункта всех революционных достижений. И хотя большевики твердо помнили изречение Плеханова:

«Успех революции — высший закон... Если бы в порыве революционного энтузиазма народ выбрал очень хороший парламент.., то нам следовало бы стараться его сделать долгим, а если бы выборы оказались неудачными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через 2 года, а через 2 недели...»

Однако этот взгляд нисколько не препятствовал политике отстаивания Учредительного собрания, поскольку на данной стадии развития революции лозунг этот был способен сплотить широкие народные массы в единый общедемократический фронт против лагеря буржуазной реакции. Но даже в борьбе за созыв Учредительного собрания большевики проявили тактику, в корне противоположную тактике соглашательского крыла эсдеков и эсеров. Вот как формулировал это Ленин:

> «С самого начала революции наметились два взгляда на Учредительное собрание. Эсеры и меньшевики, насквозь пропитанные конституционными иллюзиями, смотрели на дело с доверчивостью мелкого буржуа, не желающего знать классовой борьбы: Учредительное собрание будет, и баста! Что сверх того, то от лукавого.
>
> А большевики говорили: лишь в меру укрепления силы и власти советов, созыв Учредительного собрания и успех его обеспечен. У меньшевиков и эсеров центр тяжести переносился на юридический акт: провозглашение, обещание, декларирование созыва Учредительного собрания.
>
> У большевиков центр тяжести переносился на классовую борьбу: если советы победят, Учредительное собрание будет обеспечено, если нет,— оно не обеспечено» [1].

---

[1] Ленин, соч. т. XIV, ч. 2. «О конституционных иллюзиях».

Отсюда логически вытекало то обстоятельство, что один и тот же, казалось бы, лозунг Учредительного собрания — в устах меньшевика и эсера усыплял массы в пассивном ожидании «хозяина земли русской», который приедет и всех рассудит, а в устах большевика приобретал остроту классового оружия, активизируя массы на решительный бой с буржуазией за укрепление советов и революции. Итак, вся принципиальная трактовка вопроса была у пролетарской партии отличной от трактовки мелкобуржуазных партий, так как она опиралась на диалектический метод Маркса в оценке социально-экономических явлений исторической жизни, тогда как эсеры и меньшевики оперировали застывшими формулами и мертвыми схемами «вечных истин».

Перейдем теперь к описанию тех этапов борьбы за Учредительное собрание, которая на протяжении 8 месяцев не могла привести к желанным результатам, благодаря умело расставленным буржуазией колючим заграждениям и волчьим ямам, преграждавшим все пути доверчивым парламентариям типа Чернова и Церетели. Еще в первом своем обращении «к населению Петрограда и России» Петроградский совет рабочих депутатов шлет призыв, рожденный в кипящей лаве революции, — бороться за полное устранение старого правительства и за созыв Учредительного собрания (на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования). Временное правительство, составленное цензовиками

IV Думы, насквозь буржуазное, видя единодушие и категоричность этого требования со стороны общедемократического фронта, принуждено было ему подчиниться и в воззвании от 2 марта торжественно декларировало свое обязательство немедленно начать подготовку к созыву Учредительного собрания. Конечно, эта декларация была сделана Временным правительством под давленим революционных масс и звучала так же неоспоримо, как посул «журавля в небе». Как на самом деле расшифровывалось это обещание «немедленной подготовки к созыву Учредительного собрания», можем мы прочитать у члена Временного правительства, министра земледелия Чернова.

> «В наших государственных сферах,— писал он, — немалую силу имела тайная мысль, что с Учредительным собранием лучше бы дождаться конца войны. С ним не торопились, ибо частью не верили в его осуществимость при войне, частью предполагали пустить его в ход, когда все уляжется и спадет первое революционное повышение температуры. Умеренные элементы русской общественности все время стояли за более отдаленные сроки созыва, особенно налегая на безупречность с формальной стороны» [1]).

---

[1]) Сб. «Год русской революции», ст. Чернова «Советы в русской революции».

Картина ясна: спадение революционной температуры у тяжело больного русского народа — вот чего дожидались «кадетские врачи» из Временного правительства, и тогда только готовы были они разрешить выборы в Учредительное собрание, а в ожидании этого счастливого момента реакции тактика буржуазии вылилась в лозунге: «Медлить и тормозить!» В противоположность идеалистическому фетишизму мелкобуржуазных партий, молящихся на святыню Учредительного собрания, кадеты, как трезвая и последовательная партия буржуазии, отчетливо сознавали значение тех социальных условий, при которых будет созвано Учредительное собрание, и потому вся их политика вылилась в оттягивании его созыва до того времени, когда, наконец, сгустятся долгожданные сумерки реакции. Кадетский лидер Милюков недаром тотчас после Февральской революции торжественно заверял английского посла, сэра Бьюкенена, от имени «русского народа», что он — «русский народ» — совершил революцию во имя более успешного продолжения войны в контакте с союзниками [1]). Итак, надо было озаботиться, чтобы боеспособность армии осталась неприкосновенной, иначе мы, чего доброго, прогневим наших «доблестных союзников», которые только при этом условии готовы были признать нашу революцию. Появляется целый ряд кадетских

---

[1]) «Вестник Временного правительства», 1917 г.

брошюр, где на все лады доказывается невозможность выборов во время войны. В унисон этому пела и вся официальная иностранная пресса «доблестных союзников». Зиновьев приводит в своей статье следующий характерный штрих [1]). «Стоило появиться известию о том, что Временное правительство готово назначить выборы в Учредительное собрание через 2 месяца, как влиятельный представитель Франции, Клемансо, поспешил заявить в своей газете: «Последние известия показывают, что правительство готово назначить выборы в Учредительное собрание через 2 месяца. Я мог бы только глубоко пожалеть об этом решении...» Temps — официальный орган французского правительства предостерегает: «Участие мобилизованных солдат в выборах было бы полно риска». Из этих цитат совершенно ясен тот трогательный контакт, который царил на страницах русской и иностранной буржуазной прессы; отсюда же ясно и то, что правительство Милюкова — Гучкова, идущее в полном единении с союзными империалистами, и не помышляло даже о созыве Учредительного собрания. На словах правительство давало направо и налево торжественные обещания «приступить немедленно», но так и не приступило. Сильно волновал буржуазную прессу вопрос о месте созыва Учредительного собрания. «Речь» даже предлагала провести специаль-

---

[1]) «Социал-демократ», № 26 от 7 апреля 1917 г.

ный референдум «Москва или Петроград» по отметкам на избирательных бюллетенях. Газета «Утро России» писала: «кто гарантирует нам, что священнейшее действо свободной России будет в должной мере ограждено в Петрограде от дезорганизующего влияния улицы». Словом, буржуазия не скрывала своих опасений перед революционным давлением, которое мог бы оказать пролетариат Петрограда, внося свои коррективы к парламентаризму. Как же реагировали на эту тактику правительства представительные органы пролетариата, как они оказывали «давление» на Временное правительство? Петроградский совет рабочих депутатов еще в первых числах марта организовал комиссию, по выработке основных положений, на которых должен быть построен избирательный закон Учредительного собрания. С'езд 82 советов 2 апреля утвердил эти основные положения. Однако соглашательское большинство не шло дальше невинных интерпелляций Временному правительству, которое внимательно их выслушивало и обещало «ускорить» и «немедленно приступить» — на этом дело заканчивалось. Когда первое цензовое правительство сменилось 2 мая коалиционным, дело Учредительного собрания на минуту сдвинулось с мертвой точки, чтобы застопориться на новом колючем заграждении. «Козырная шестерка» эсеров и меньшевиков ретиво запряглась в буржуазную колесницу коалиции в твердой надежде осчастливить

«народ» немедленными реформами и побить «простую десятку» буржуазных министров. На деле оказалось, что министры-социалисты окончательно погрязли в буржуазной тине и пошли на поводу у капиталистов. Еще первое цензовое правительство обнародовало 25 марта постановление об образовании Особого совещания по выборам в Учредительное собрание, которое должно было выработать положение о выборах. Состав особого совещания, включавший 10 человек, назначенных Временным правительством, пестрел громкими именами столпов буржуазии в роде Маклакова, Набокова и др. Ольминский в своей брошюре «Учредительное собрание» приводит характерную табличку этого состава, которая проливает яркий свет на тенденции Временного правительства уменьшить в этом совещании удельный вес демократии.

I. Буржуазные представители.

1) По назначению Временного правительства	10 ч.
2) От помещиков и буржуазных партий (националисты, центр., октябристы, прогр., к.-д.)	6 „
3) От национальных групп	9 „
4) Осведомленных лиц. .	3 „
Итого. .	28 ч.
Членов близких к буржуазии	3 ч.
(Совет Кооперативных с'ездов 2 + нар. соц. 1 = 3).	
Всего. .	31 ч.

II. Демократические группы.

От совета рабочих и солдатских депутатов . .	4 ч.
От трудовиков	1 „
От совета крестьянских депутатов	2 „
От с.-д. и с.-р.	2 „
От большевиков	1 „
Итого. .	10 ч.

Таким образом, Временное правительство соблаговолило отвести представителям рабочих и крестьян ¼ мест в совещании. Однако оно просчиталось, надеясь провести «под шумок» этот состав и при попустительстве соглашательского крыла совета провести это постановление в жизнь. Как ни соглашательски был настроен совет рабочих и солдатских депутатов, однако, промолчать такой вопиющий факт значило дискредитировать себя перед лицом масс, тем более, что большевистская пресса подняла кампанию протеста. Ольминский писал в своей брошюре об Учредительном собрании [1]):

> «Промолчать, допустить, чтобы в комиссии защитники крестьян, рабочих и солдат вошли в числе десятка против трех десятков буржуазных представителей — это значит с самого же начала отдать судьбу демократии в руки ее злейших врагов, это значит нанести самим себе удар в сердце».

Конфликт выявился в ультиматуме совета, требующего увеличения представителей от совета вдвое (8 делегатов вместо 4), от крестьян — втрое (6 делегатов вместо 2) и от национальных групп — добавление в виде представителей от социалистических партий. Временное правительство, получив это требование, застопорило в ответ последующий ход дела, используя конфликт для дальнейшего оття-

---

1) Ольминский. «Учредительное собрание».

гивания Учредительного собрания; оно всю ответственность за проволочки возлагало теперь на советы, которые «своими неумеренными требованиями» срывают подготовку к Учредительному собранию. Больше месяца длились бесплодные переговоры, пока, наконец, кризис первого состава правительства дал толчок к соглашению. Коалиционный кабинет № 1 известил 9 мая совет рабочих и солдатских депутатов о своем согласии принять требования демократии, но только на 25 мая было назначено первое заседание Особого совещания. Таким образом, истекло 3 месяца со дня революции, прежде чем, наконец, был сделан первый конкретный шаг для подготовки к Учредительному собранию. Союзная и отечественная буржуазия могла быть довольна умением своих лидеров проводить политику затяжного саботажа. На этом, однако же, не кончается еще период оттяжек и затяжек — он продолжается и дальше, принимая все новые и новые формы, и препятствия, устраненные в одном месте, вырастают в другом — еще более неустранимые, подкрепленные еще более неотразимой аргументаций. Наконец, состоялось торжественное открытие Особого совещания по выборам. Вот как описывает его один из членов совещания к.-д. Винавер: «С внешней стороны совещание имеет вид истинного парламента. Оно заседает в большом зале общих собраний Государственного совета. Председатель, его товарищ, секретарь разместились на со-

ответствующих трибунах. По иронии судьбы, место Щегловитова занимает Кокошкин. Депутаты разместились по секторам, приблизительно, соответственно политическим оттенкам. Только правые скамьи пустуют — точно инстинктивно все от них сторонятся» [1]). Далее Винавер горько жалуется на то, что «неумеренные требования» советов нарушили гармонию столь великолепно задуманного Временным правительством состава совещания. «Не берусь сказать, — говорит он, — кто в этом виноват, слишком ли податливо было Временное правительство, или бурное время требовало жертв в этой сфере...» В этой фразе явственно слышится крик души кадетской, которая с болью решилась принести подобную жертву «бурному времени», в надежде на то, что в будущем все-таки возьмет реванш. Дальше Винавер утешает свою партию: «Единственное утешение кадетов в том, что все специалисты-государствоведы и историки оказались почти сплошь кадетами. Только благодаря этому внесен некоторый корректив в бьющую в глаза неравномерность политического представительства». Ленин в своей брошюре «Надо ли созывать Учредительное собрание?» под рубрикой «к-д» дал остроумный ответ.

«Надо, но срока не назначать. Подольше обсудить с профессорами, юристами, ибо, во-пер-

---

1) «Вестник партии народной свободы», № 14—16 за 1917 г.

вых, еще Бебель сказал, что юристы — самые реакционные люди, а, во-вторых, опыт всех революций учит, что дело народной свободы гибнет, когда его вверяют профессорам».

Это предсказание Ленина сбылось: комиссии, работавшие под руководством кадетских знатоков государственного права, действовали необычайно медленно, разжевывая и пережевывая все статьи будущего закона с профессорской методичностью, словно революция совершенно их не касалась, ведь ей был дан приказ сверху — остановить свой бурный поток и терпеливо ждать «хозяина земли русской» — Учредительного собрания. Впрочем, нужно заметить, что кадеты, мудро учтя обстановку и невозможность провести целый ряд реакционных поправок к избирательному закону, шли на компромисс с демократией, принимая положение о выборах действительно в наиболее совершенной редакции. И только позднее, спустя некоторое время после смерти Учредительного собрания, они откровенно изложили свои соображения на этот счет. Так, Белорусов в «Русских ведомостях» уже весьма непочтительно отозвался о всеобщем избирательном праве, не оправдавшем его надежд: «Всеобщее прямое... голосование солдат, спекулянтов и дезертиров, матрешек и подростков, по указке партийных комитетов... Старая песня» [1]). А в другой

[1]) «Русские ведомости», 31 января 1918 г.

статье того же номера мы уже видим вполне определенно намеченную платформу нового «Национального собрания»: «Необходимо восстановить мажоритарные выборы по округам, лишить армию избирательных прав, повысить возраст, установить ценз прочного местожительства». А Новгородцев (к.-д.) добавлял: «Должна быть сначала установлена в обществе некая средняя равнодействующая, а ее может провести только твердая власть и только после этого может быть созвано Учредительное собрание»[1]). Вот как откровенно заговорили кадеты, когда дипломатия стала уже не нужна. Но в Особом совещании они были вынуждены, при данных условиях времени и места, трудиться в поте лица над составлением, — не шутите, — самого совершенного в буржуазном мире избирательного закона. Действительно, принятая совещанием пропорциональная система выборов, в отличие от мажоритарной системы, господствующей во всех больших капиталистических странах, неизмеримо совершеннее могла выявить преобладающие среди населения политические течения. Не касаясь здесь дефектов буржуазного парламентаризма вообще, мы из двух зол должны отметить меньшее, т.-е. систему пропорциональную. Различие этих двух систем сводится к тому, что при мажоритарной системе в избирательном округе побеждает та

1) «Русские ведомости», 9 марта 1918 г. — «Мечта и действительность».

партия, которая там собрала абсолютное большинство голосов (по сравнению с другими партиями этого округа), и только эта партия-победительница получает право послать делегатов. Что же касается остальных партий, оставшихся в избирательном округе в меньшинстве, то их голоса просто-напросто пропадают[1]). Благодаря такой системе приобретает громадное значение то или иное распределение избирательных округов. Детищем этой системы является так называемая «избирательная география» Бисмарка, который искусственно формировал округа таким образом, что вкрапливал районы промышленные в районы аграрные, с тем, чтобы, разбавив таким образом «пролетарское вино» водицей отсталого крестьянства, не позволить ему собрать абсолютное большинство в избирательном округе. Так, в рамках законности услужливая мажоритарная система давала широкий простор для фальсификации. И не следует думать, что эти методы умерли вместе с Бисмарком. Выборы в Германии в 1898 г., когда центр, обладавший 1½ млн. голосов, получил 101 место в парламенте, а с.-д. при 2 млн. получили 56 мест — достаточно показательны. Национальные меньшинства при этой системе осуждены на совершенно безгласное су-

[1]) Если, например, в данном округе борются 3 партии A, B и C, и за партию A подано 30 тыс. голосов, за B—20 тыс. и за C—10 тыс., то все депутаты в парламент пройдут от партии A, собравшей большинство голосов; меньшинство же останется не представленным.

ществование. И эту-то реакционную систему отстаивала целая четверть всего состава совещания. Доводы ее защитников были весьма характерны. Они говорили: «Уже сами выборы в Учредительное собрание в период войны и внутреннего кризиса представляют собой страшно рискованный опыт со многими неизвестными; следует ли сюда прибавлять еще одно неизвестное, в виде новой системы, не применяемой ни в одной стране...» [1]). К тому же на мажоритарной системе покоятся такие великолепные государственные здания, как Германия, Англия и Франция. И, наконец, «нельзя же кормить младенца изысканной пищей, которой он переварить не в состоянии» [2]). Увы, не суждено было сбыться кадетским мечтам о том, чтобы и в России построить такое же «великолепное здание» капиталистической системы, как их путеводный идеал из Европы, и «младенец» — русский народ доказал в Октябре и подтвердил 5 января, что за время революции он вырос в великана, которому тесны стали детские башмаки буржуазного парламентаризма. Итак, в совещании прошла большинством 27 голосов против 9 голосов другая система, система пропорциональных выборов, заключающаяся в том, что каждая из баллотирующихся партий получает количество депу-

---

[1]) Об'яснительная записка к Положению о выборах в Учредительное собрание.

[2]) Там же.

татских мандатов пропорционально количеству собранных ею в округе голосов [1]). В области всеобщего, прямого, равного и тайного голосования — демократическая часть совещания также ни в чем не поступилась. Однако не обошлось без курьезного казуса. Желая проявить верх олимпийского беспристрастия, совещание решило большинством голосов наградить свергнутого народом тирана-самодержца и всю царскую фамилию активным и пассивным избирательным правом. Хорош был бы избирательный список, где красовался бы черным по белому бывший император всероссийский Николай Романов. Впрочем, у Временного правительства на сей раз хватило политического такта, чтобы не утвердить этого пункта, посчитавшись с «особым мнением» революционной страны. Остановимся теперь на тех органах, которым совещание вручало судьбы избирательной процедуры. Было установлено три ряда избирательных комиссий: участковые уездные и окружные, причем округ обычно совпадал с губернией. Состав окружной по выборам комиссии был следующий: 1) представитель от окружного суда, 2) председатель губернского земского собрания, 3) два лица по выбору губернского города и губернской земской управы. Уездная комиссия составлялась из пред-

---

[1]) Если три партии А, В и С собрали: А—50%, В—30% и С—20% голосов, то и количество депутатских мандатов будет распределено между ними в том же процентном отношении.

седателя — уездного судьи, 2 членов от уездной земской управы, 2 членов от городской управы и 2 мировых судей. Наконец, состав участковых комиссий: 4 лица по избранию городской, поселковой или волостной управы, а также по одному из представителей от каждой из групп, выставивших кандидатские списки. Этот состав важно запомнить для того, чтобы уяснить себе в дальнейшем один из минусов при выборах в Учредительное собрание. Как мы видели, в составе всех этих комиссий заправилами являлись представители земств и городов, полуэсеровский и полукадетский облик которых ярко выявил после Октября свою антисоветскую окраску. В протоколах совещания зафиксировано «особое мнение», которое, к сожалению, не могло собрать большинства, и которое могло бы сыграть благотворную роль при выборах. Это особое мнение указывало на необходимость участия как в окружной, так и в уездных комиссиях по одному представителю от местного совета рабочих и солдатских депутатов и совета крестьянских депутатов, а также от исполнительного комитета общественных организаций. Конечно, это «особое мнение» звучало для к.-д. слишком угрожающе и потому в совещании не прошло, что привело в дальнейшем к различным злоупотреблениям при выборах.

Продолжим теперь наш обзор дооктябрьской фазы событий, связанных с вопросом об Учреди-

тельном собрании. Как мы наблюдали на всех предидущих примерах, дипломатические обращения Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов весьма мало влияли на Временное правительство, только через три месяца после революции соблаговолившее начать подготовительные работы Особого совещания. Но и сейчас оно предпочитало не назначать срока, вручив в надежные руки кадетских юристов и профессоров дело затягивания выборов; что касается меньшевистских и эсеровских министров, то они почивали на лаврах своей святой доверчивости к ученым государствоведам. Но была одна партия, которая далеко стояла от правительства, но зато приобретала все больший вес и авторитет, как руководящий штаб активных движущих сил революции. Это была пролетарская партия большевиков, чутко улавливавшая биение пульса масс и благодаря этому умевшая владеть этим пульсом. И вот, в период I с'езда советов (10 июня) загремели большевистские литавры, зовущие массы на улицу, на смотр — под лозунгами «Долой десять министров-капиталистов», «Вся власть советам». Правда, перепуганные соглашатели, составлявшие $^6/_7$ всего с'езда, немедленно потребовали от большевиков отмены этой манифестации и дипломатически наметили от своего имени другой срок (18) и другие лозунги для манифестации. Однако дело было сделано; шум, поднятый вокруг этой манифестации, даже не состоявшейся,

огромное возбуждение рабочих и солдат — настолько сильно повлияли на Временное правительство, что оно немедленно по телеграфу известило «революционный народ» о сроке созыва Учредительного собрания. Что этот шаг был вызван не интерпелляциями с'езда, а паникой в связи с манифестацией, выболтала впоследствии буржуазная пресса. «Русские ведомости» писали по этому поводу: «Какой смысл в манифестации 18 июня? Скорейший созыв Учредительного собрания, — но это уже декретировано. Мир без аннексий, но эта формула, несмотря на свою внутреннюю противоречивость, пока взята в основу политики (голос крестьянства на этот счет мы услышим только в Учредительном собрании), сплочение всей демократии вокруг советов, но существование советов потеряет всякий смысл с открытием Учредительного собрания»[1]). Мы видим из вышесказанного, какое колоссальное значение имело в данном случае прямое революционное действие масс. Итак, постановление Временного правительства от 14 июня гласило, что выборы в Учредительное собрание будут произведены 17 сентября, а сроком созыва назначается 30 сентября[2]). В один день массы Петрограда добились того, чего не могли добиться тысячи напоминаний эсеров и меньшевиков. По поводу этого срока Ленин писал:

1) «Русские ведомости», 16 июня.
2) «Известия Всероссийской по делам о выборах комиссии» № 1.

«Буржуазия все время вела то скрытую, то явную, непрерывную и неуклонную борьбу против созыва Учредительного собрания. Эта борьба выражалась в желании оттянуть его созыв до окончания войны... Крестьян водят за нос, убеждая подождать до Учредительного собрания. А созыв этого собрания капиталисты все оттягивают. Теперь, когда этот созыв, под влиянием требования большевиков, назначен на 30 сентября, капиталисты снова открыто кричат, что это невозможно, короткий срок, и требуют отложить созыв Учредительного собрания. С землей подожди до Учредительного собрания. С Учредительным собранием подожди до конца войны. С концом войны подожди до полной победы. Вот что выходит. Над крестьянами прямо издеваются капиталисты и помещики, имея свое большинство в правительстве» [1]).

И действительно, тотчас после назначения срока и в Особом совещании и в буржуазной прессе начинается бешеное сопротивление. Левый сектор Особого совещания, опираясь на постановление Временного правительства, стал торопить с окончанием затянувшихся работ по составлению избирательного закона. Кадетское крыло укоряло левых, что они своей поспешностью подвергают «порче» избира-

---

[1]) Ленин, соч. т. XIV, ч. 2. «О конституционных иллюзиях»

тельный закон. В унисон этим воплям, на страницах «Речи» поднялась целая кампания травли левого сектора по поводу этой «порчи» закона. Явно просвечивал во всей этой шумихе страх перед надвигавшимся сроком созыва Учредительного собрания, которое, с одной стороны, могло бы пресечь путь долгожданному «диктатору», с другой — могло принести много неприятных буржуазному сердцу «сюрпризов». Бой по этим вопросам в Особом совещании окончился, однако, поражением правого сектора. После горячего сопротивления был проведен пункт, в силу которого члены комиссии по выборам в Учредительное собрание могли избираться и другими общественными организациями, помимо органов самоуправления. Этот пункт был важен потому, что заминка с выборами в Учредительное собрание особенно грозно вставала вследствие отсутствия на местах новых органов самоуправления, которым было вручено и составление списков и вся избирательная процедура. Помимо того, что составление списков было возложено на органы самоуправления, в основу этих списков нужно было положить уже готовые таблицы избирателей, составленные при выборах в земства и городские думы, занести же заново всю 80-миллионную армию избирателей было делом довольно сложным. Таким образом, судьба Учредительного собрания оказывалась очень тесно связанной с судьбой новорожденного самоуправления.

Какова же, однако, была причина того, что это самоуправление никак не могло родиться на свет в течение 6 месяцев после Февральской революции? Органы самоуправления с широкими полномочиями так же, как и Учредительное собрание, были тем венцом буржуазно-демократического строя, который мог быть вырван у буржуазии лишь дружным натиском общедемократического фронта. Поэтому в полном соответствии с историей созыва Учредительного собрания можно проследить аналогичную картину оттяжек и затяжек в вопросе о местном самоуправлении. Оба эти вопроса настолько тесно связаны между собой, что необходимо остановиться на анализе их взаимного переплета. Материал для этого анализа дает нам эсеровский апологет буржуазно-демократических форм самоуправления, Руднев. Несмотря на то, что в программе к.-д. партии местное самоуправление значится на видном месте, на деле, однако, в период от февраля к октябрю раскрывается картина такого же затяжного саботажа Временного правительства по отношению к нему, как и по отношению к Учредительному собранию. «Совещание по реформе местного самоуправления» было организовано без промедления и уже к 9 апреля подготовило закон об их выборах и компетенции; однако нашелся ряд пунктов, на которые Временное правительство не хотело согласиться, что послужило препятствием к изданию этого закона и на целых 5 месяцев

задержало реформу. Требования советов о том, что кроме органов местного самоуправления на местах не должно быть никаких представителей власти, конечно, не могли найти поддержки у цензовой части Временного правительства. Тотчас после революции первое Временное правительство приказом от 2 марта постаралось связать революционную инициативу мест, назначив своими комиссарами представителей губернских и уездных земских управ. Чтобы оценить по достоинству значение этого шага, нужно вспомнить, что представляло собой «блаженной памяти» цензовое земство эпохи царизма, и какие элементы могли его возглавлять в лице председателей. По куриальной системе выборов, в которой тысячи крестьянских голосов приравнивались к одному голосу помещика, — в среднем в земские гласные проходило около 60% помещиков и 13% разночинцев. Отсюда ясно, что в председатели попадали в лучшем случае кадетствующие либералы, в худшем — самые от'явленные зубры. Руднев приводил любопытные данные о том, какой конфуз получился в некоторых губерниях с циркулярной телеграммой от 2 марта. Революционная инициатива мест уже успела расправиться с особенно ненавистными старорежимными личностями, и под эту рубрику попали многие... председатели земских управ. Так, например, председатели Курской и Витебской губернских управ были после переворота арестованы, а председатель Корчевской

уездной управы Корвин-Литвицкий был сожжен крестьянами вместе с усадьбой. Вот каких ставленников наметило себе Временное правительство для обуздания революции на местах! Революция опрокинула этот хитроумный план насаждения порядка при посредстве правительственных губернаторов, переименованных в комиссары, и Временному правительству пришлось при дальнейших назначениях считаться с мнением местных общественных организаций. Тем не менее, конфликты множились, в связи с требованиями мест выборности комиссаров. «Временное правительство, — пишет Руднев, — несомненно допустило ряд бестактностей по отношению к местным общественным организациям, стремясь из петроградских канцелярий регламентировать местную жизнь. На этой почве возникали ненужные конфликты» [1]). Эти факты не были, конечно, случайны, они воплощали вполне определенную систему тактики Временного правительства — задержать в своих руках через цензовых ставленников-комиссаров все бразды правления на местах и не допустить к власти самочинно возникшие исполкомы общественных организаций. Для нашей российской буржуазии — этого политически проституированного детища царизма, вскормленного под опекой централистического бюрократизма самодер-

---

[1]) Сб. «Год русской революции». Руднев. «Земское и городское самоуправление в 1917 г.».

жавия — эта система казалась спасительным маяком среди бушующих волн революции. И как кадеты ни восхваляли на словах европейские перлы буржуазной демократии, однако они отнюдь не торопились применить их на родине, предпочитая спокойные и удобные формы бюрократического централизма. И только вынужденные давлением революционных масс, они со вздохом сожаления отступали с этих позиций. При обсуждении закона о реформе местного самоуправления — именно этот вопрос о компетенции комиссаров вызвал страстную борьбу. Демократия требовала снятия опеки и надзора комиссаров с органов самоуправления, а также установления зависимости милиции от этих органов; первоначальный проект Временного правительства, наоборот, хотел подчинить милицию комиссару и дать ему право издавать обязательные постановления, что могло легко превратить комиссара в местного царька, который под покровом обязательного постановления может проводить все, что прикажут «свыше». В конце концов Временному правительству пришлось пойти на уступки, хотя в целом ряде оговорок оно сумело взять реванш. Реформа была, таким образом, по словам Руднева, на 5 месяцев задержана, благодаря упорной борьбе вокруг этого вопроса. Вот почему новое самоуправление никак не могло родиться на свет, вот почему созыв Учредительного собрания, тесно сплетенный с выборами новых земств и городских дум, встре-

чал в связи с этим новые помехи и тормозы. Вряд ли может быть сомнение, что одна и та же рука ловкого кадетского политика ставила и здесь палки в колеса, создавая намеренно благоприятные условия для затягивания созыва Учредительного собрания. Вскоре постановлением второго коалиционного правительства от 9 августа была санкционирована новая отсрочка выборов в Учредительное собрание: «Громадная работа по проведению выборов в местные учреждения потребовала времени... Вследствие этого днем выборов назначается 12 ноября и сроком созыва 28 ноября» [1]). Для дальнейших отсрочек и сейчас был обеспечен широкий простор, так как между днем составления списков и сроком созыва необходим был промежуток не менее 50 дней, т.-е. около 2 месяцев, а выборы в земства, особенно волостные, грозили затянуться надолго. Глубоко прав оказался Ленин, когда он еще в июле предсказывал:

> «99 шансов из 100 за то, что в этот срок Учредительное собрание созвано не будет... — 99 шансов из ста опять-таки за то, что оно будет столь же бессильно и никчемно, как первая Дума, — пока не победит вторая революция в России...»

---

[1]) «Известия Всероссийской комиссии по выборам», № 1.

[2]) Ленин, соч., том XIV, ч. 2. «О конституционных иллюзиях».

Первый же захват власти контр-революционной буржуазией (после июльских событий) сопровождается немедленным и очень серьезным шагом против созыва Учредительного собрания. Буржуазия в этот период как раз лелеяла план корниловщины, и вот почему для нее особенно важно было, чтобы снова подальше отодвинуть Учредительное собрание. После окончания с'езда советов ВЦИК организовал особый отдел по подготовке Учредительного собрания. Были разосланы местным советам инструкции, открыты были 2-недельные курсы для подготовки инструкторов по выборам, была усилена издательская работа популярной литературы в связи с выборами в Учредительное собрание. Однако все эти благие начинания упирались в один и тот же тупик — воз не двигался с места, так как начальную работу — составление избирательных списков — некому было проводить (на местах выборы в самоуправление проходили медленно). Соглашательский ВЦИК первого созыва, боясь развязать революционную энергию масс, тушил, как мог, пожар революции и призывал рабочих и крестьян спокойно ждать Учредительного собрания. Ленин, высмеивая их тактику, давал от их имени — на вопрос: «Надо ли созывать Учредительное собрание?» — характерный ответ: «Надо и поскорее, мы уже 200 раз говорили об этом и завтра же поговорим в 201 раз окончательно...» В этом ответе великолепно оттенена вера соглашателей в силу слова,

убеждения, словесного давления. Какая глубочайшая непроходимая пропасть отделяла этих фетишистов, повторяющих «святое всеобщее избирательное право, молись за нас!», от пролетарского авангарда — партии большевиков, зовущей массы к революционному действию для созыва Учредительного собрания. Лозунгом Учредительного собрания они не гасили, подобно эсерам и меньшевикам, народного духа, призывая к пассивному выжиданию, пока разверзнутся врата райские этого высокого учреждения, а, наоборот, будили, зажигали огонь активности в массах, призывая к немедленному осуществлению на деле всех назревших требований революции во имя победы Учредительного собрания.

Панорама коалиционных экспериментов продолжала развертываться, углубляя контр-революцию. Как активный протест масс, уже сбросивших с себя тяжелые цепи соглашательских иллюзий, пронеслись июльские дни, когда при помощи эсеров и меньшевиков, отказавшихся взять власть, берут реванш силы реакции. Июльские дни можно считать водоразделом в ходе революции. Ленин, характеризуя положение после событий 2—3 июля, писал:

> «Перелом 4 июля в том и состоит, что после него об'ективное положение круто изменилось. Колеблющееся состояние власти прекратилось, власть перешла в решающем месте в руки контр-революции...» [1]).

[1]) Ленин, соч., т. XIV, ч. 2. «К лозунгам».

После этого июльского поворотного пункта, когда эсеры и меньшевики окончательно скатились в болото контр-революции, когда при их благосклонном попустительстве палачи капитала стали подвергать разгрому все завоевания революции, отпал на время лозунг «Вся власть советам» (соглашательским советам), но лозунг этот с новой, еще невиданной силой снова прозвучал, как набат к наступлению на врага, когда советы стали повсеместно большевизироваться. Надежды на мирное развитие революции путем изоляции эсеро-меньшевистских элементов растаяли после июльских потрясений, и пролетариат стал готовиться к бою не на жизнь, а на смерть «за власть советов». Все сильнее и сильнее сгущались тучи контр-революции... Нарастали две волны, враждебные и непреклонные. Одна волна — контр-революции — грозной, черной лавиной надвигалась из стана буржуазии, другая — нарастала из тайных глубин массового движения пролетариата, подымалась из непочатых черноземных сил проснувшейся от векового сна деревни, вздымалась из недр сырых солдатских окопов, взмывала через край и шла на приступ с храбростью отчаяния: «за миром, за землей, за волей!». Эти две нарастающих волны неминуемо должны были столкнуться в смертельной схватке... В этой обстановке назревающей последней схватки лозунг «Вся власть советам» по своей активизирующей силе начинает все более оттеснять на задний план лозунг Учредительного со-

брания. Перед лицом близкого уже вооруженного восстания за власть советов лозунг Учредительного собрания бледнеет и меркнет, как звезда с восходом солнца. Партия большевиков не отбрасывает его еще, но мыслит его уже иначе. Учредительное собрание перестает играть доминирующую роль, оно становится лишь вспомогательным средством для того, чтобы наиболее безболезненно укрепить власть советов после их победы. Таким образом, диалектика исторических событий привела к диалектическому изменению и в тактических лозунгах. В дальнейшем этот сдвиг кристаллизуется в ленинской теории «комбинированного типа» государства, как переходной стадии, где Учредительное собрание и советы смогут работать в гармонии и контакте при условии признания Учредительным собранием власти советов.

Грянул, наконец, гром корниловщины. Блестящим организованным контр-ударом ответили массы на черносотенную кадетскую авантюру, победоносно ликвидировав ее. Однако силы реакции стали готовить новый удар в спину революции, еще более страшный, еще более предательский. Уже зрел среди кадетской общественности и верховного генералитета план сдачи Петрограда, чтобы удушить эту пролетарскую цитадель и под видом «спасения родины» наложить цепи на революцию. Твердо намеченный срок созыва Учредительного собрания вновь начинал оспариваться и отодвигаться в ту-

манную даль. Только большевистская печать, вооруженная острым скальпелем марксистского анализа, видела эту опасность и громко о ней заявляла. Что же касается социал-соглашателей, то они мирно почивали на лаврах своих предательств и ждали с верою, когда воссияет заря Учредительного собрания. Вот как характеризовал положение вопроса об Учредительном собрании — на ближайших подступах к Октябрю — тов. Сталин:

«Всего неделю тому назад вожди донского казачества предложили отложить Учредительное собрание ввиду неподготовленности населения. Спустя два дня газета «День», близкая сотрудница кадетской «Речи», проговорилась. что «волна аграрных беспорядков... может отложить созыв Учредительного собрания...» А вчера телеграф принес известие, что общественные деятели в Москве, те самые, которые направляют теперь Временное правительство, тоже находят невозможным выборы в Учредительное собрание. Член Государственной думы Н. Н. Львов указал, что в настоящее время невозможно по техническим соображениям производить выборы ввиду анархии в стране... Очевидно, теперь, когда буржуазия укрепилась во Временном правительстве, создав себе демократическое прикрытие в виде контр-революционного предпарламента — она

считает себя достаточно сильной, чтобы еще раз отсрочить Учредительное собрание» [1]).

Итак, мы видим, что буржуазия вновь готовилась к третьей по счету отсрочке выборов в Учредительное собрание, выставляя теперь новый аргумент — «анархию» в стране и старорежимное правило: «сперва успокоение, а потом реформы». Заканчивая обзор доокотябрьского периода борьбы вокруг созыва Учредительного собрания, мы должны констатировать, что, вне всякого сомнения, оно не было бы созвано в намеченный срок, буржуазия сумела бы оттянуть его до той поры, пока не водворила бы своей диктатуры, и лишь тогда, после наведения порядка, железной рукой сорганизовала бы свою «бесподобную палату» (chambre introuvable). Но даже и в том, мало вероятном случае, если бы Учредительное собрание все-таки собралось, при большинстве социал-соглашателей, — буржуазия могла не опасаться за неприкосновенность своего царства, могла не сомневаться, что ей всеподданнейше будут возвращены ключи от власти, во имя единения всех «живых сил». Ленин в своем «Письме к товарищам», накануне Октябрьского переворота, писал [2]):

> «Как можно доказать, что буржуазия недостаточно сильна для срыва Учредительного собрания? Если буржуазию н е в с и л а х сверг-

[1]) Сб. «Путь к Октябрю», ст. «Кто срывает Учредительное собрание».

[2]) Ленин, соч., т. XIV, ч. 2, «Письмо к товарищам» (16 окт. 1917 г.).

нуть советы, то значит она достаточно сильна для срыва Учредительного собрания, ибо больше помешать некому... Буржуазия не только в силах сорвать Учредительное собрание, если теперешнее правительство не будет свергнуто, но она может и косвенно достигнуть этого результата, сдавая Питер немцам, открывая фронт, усиливая локауты, саботируя подвоз хлеба. Доказано фактами, что по частям все это буржуазия уже делала. Значит, она в силах сделать это и в целом, если рабочие и солдаты не свергнут ее».

II. БУРЖУАЗНЫЕ И МЕЛКОБУРЖУАЗНЫЕ ПАРТИИ ПЕРЕД ВЫБОРАМИ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

«Всякая классовая борьба есть борьба политическая» — говорит «Коммунистический манифест», а политическая борьба на известной ступени своего развития приобретает форму борьбы партий.

Для того чтобы глубже понять итоги выборов в Учредительное собрание, необходимо сначала отчетливо уяснить политический облик тех партий, которые скрестили свои шпаги на выборах. Анализ партии не может никогда исчерпываться указанием на ее происхождение, так как партии динамически формируются в процессе исторической

жизни и далеко не всегда идут по прямой линии от их классового первоисточника.

«Возникши на определенной классовой почве, — говорит М. Н. Покровский, — партия в своем дальнейшем росте может привлекать к себе другие общественные силы, имеющие мало общего с той, которая ее родила. Влияние этих попутчиков может оказаться настолько сильным, что партия попадает даже в прямое противоречие с естественной политикой породившего ее класса... Об'яснять идеологию исключительно происхождением партии было бы слишком грубым приемом, не дающим верного вывода... Задача заключается в том, чтобы показать, как преломляется идеология партии в зависимости от реальных интересов класса, который партию выдвинул. Эти интересы могут быть интересами попутчиков, а попутчики могут оказаться сильнее создателей партии» [1]).

Эта великолепная формулировка М. Н. Покровского приводит нас непосредственно к диалектическому анализу партий, которые в зависимости от «стечения исторических обстоятельств» могут обрастать теми или иными общественными слоями, видоизменяющими их политический облик. Вот почему нельзя ограничиваться статическими опи-

---

[1]) Сб. «На идеологическом фронте борьбы с контр-революцией», ст. М. Н. Покровского «Идеология эсеров за два последних года».

саниями в обзоре партий, а совершенно необходимо проследить их в процессе формирования. Вот почему анализ партии может иметь цену лишь в связи с историческими этапами развития этой партии.

Поэтому постараемся в рамках этой главы дать такой анализ, ограничиваясь, конечно, лишь важнейшими штрихами. Так как партия эсеров явилась победительницей на арене Учредительного собрания, то анализу ее отведено большое место по сравнению с другими партиями.

Начнем с характеристики правого лагеря.

Февральская революция в первые дни своего существования отовсюду получала поздравления с «днем рождения». Среди поздравляющих мы видим не мало самых ярых монархистов. Так, представительная фигура Родзянко красовалась на белом коне, приветствуя прибывающие к Таврическому дворцу войска. Правда, предварительно он вместе со всей помещичье-буржуазной кликой сделал все от него зависящее, чтобы удержать престол российской, если не в руках Николая, то в руках Михаила или, наконец, в руках малолетнего наследника. Видя тщету надежд на удержание монархии, он спешил закрепить свой вес и влияние, выступая с приветствиями перед лицом революционного народа. В своей книжке «Дни» Шульгин красочно описывает конфуз Родзянко, когда в ответной речи солдат вдруг прозвучали нотки осознавшей себя силы; в этой речи говорилось, что призывы «до пол-

ной победы» очень понятны в устах помещика, имеющего в разных губерниях большие имения. К сожалению, этот выступавший недостаточно был знаком с историей, чтобы устроить еще больший конфуз новоиспеченному «вождю народа», приведя выдержку из его речи в Думе в день юбилея дома Романовых.

«Обширны царственные труды и заботы ваши о благе народа и неустанно ваше о нем попечение... Благо русского государя было народным благом, печаль его была народной печалью, и русский народ, как триста лет назад, так и теперь, благоговейно чтит и беззаветно любит своего царя» [1]).

Вот каковы были настоящие черты этих «вождей народа», простившихся со вздохом с любезной их сердцу монархией и надевших на себя после Февральской революции республиканские маски. Про себя они думали другое; их думы обнажил искренний рыцарь монархии Шульгин, когда, глядя на гудящее море революционного народа, с тоской восклицал: «Ах, пулеметов сюда, пулеметов...» [2])

Совершенно ясно, что эти люди не могли измениться после революции, и что тот защитный цвет республиканизма, в который большинство из них перекрасилось, был лишь тончайшим налетом приспособления и ни мало не затрагивал основ идеоло-

---

[1]) «Земля и воля», № 35. Статья, посвященная разоблачению взглядов Родзянко.

[2]) В. В. Шульгин. «Дни».

гии. В этих слоях неискоренимо жила мечта, если не о царе, то о Бонапарте.

Вот как характеризовал Ленин высшие круги монархического дворянства:

> «Изнеженная, развращенная, выродившаяся — эта общественная группа являет собой яркий образец самого гнусного паразитизма... Мастодонты и ихтиозавры обыкновенно выбиваются изо всех сил, чтобы, пользуясь своим придворным всемогуществом, захватить в свое полное и безраздельное владение и официальное правительство — кабинет министров. Обыкновенно в значительной своей части кабинет и состоит из их ставленников» [1]).

Эта-то паразитически загнивающая дворянская камарилья и ссорила с царизмом буржуазию, тоже претендующую на власть. Под высоким покровительством этих кругов — последних могикан дворянской знати — культивировались и опекались русские монархические партии. Союзы русского народа вербовали свои почетные кадры частью среди помещичьих «зубров», частью среди кулацких элементов деревни и темного городского мещанства, не брезгуя и подонками, когда надо было учинить «погромчик». После Февральской революции эти элементы имели свои открытые организации: 1) Союз «Святая Русь»; 2) Прогрессисты-

---

[1]) Ленин, соч., т. XVIII, ч. 2, «Третья дума».

националисты (Шульгин): 3) Союз земельных собственников (Н. Н. Львов, князь Кропоткин, Кривошеин). Особенно энергично работал Союз земельных собственников, организуя все свои силы для защиты «попранных» помещичьих прав. Чернов горько жаловался на несговорчивость этого Союза (которая возросла под влиянием телеграмм Церетели). Он писал: «Возник Союз земельных собственников, развивший лихорадочную деятельность, толкавший помещиков к неуступчивости, к непримиримой охране «системы приобретенных прав» [1]) (Чернов забыл только упомянуть, что эта лихорадочная деятельность развертывалась в бытность его министром земледелия, а следовательно, ответственность за нее несет и он сам).

Но, кроме этих явных союзов, как грибы после дождя, стали плодиться законспирированные союзы. Вера Владимирова [2]) насчитывает их в одном Петрограде целый десяток: 1) Военная лига; 2) Республиканский центр; 3) Союз георгиевских кавалеров; 4) Союз воинского долга; 5) Союз чести родины; 6) Союз добровольцев народной обороны; 7) Союз спасения родины; 8) Организация духа; 9) Общество 14-го г.; 10) Общество государственной карты (под руководством Пуришкевича и Сумарокова). Из этих союзов наибольшую активность раз-

---

[1]) «Дело народа», 6 октября 1917 г., ст. Чернова «Единственный выход».

[2]) В. Владимирова. «Корниловщина».

вивала Военная лига, формируя добровольческие отряды и устраивая патриотические манифестации, возглавляемые, как и в доброе старое время, иконами, хоругвями и попами (для комплекта нехватало лишь царского портрета). Отношение Временного правительства к этим организациям было достаточно снисходительное и даже благосклонное. Примером тому могут служить два факта, приведенные В. Владимировой: 21 июня Временное правительство дает разрешение Военной лиге формировать свои добровольческие роты, а обществу Организации духа отпускает субсидию в 200 тыс. руб., согласно постановления военного министерства [1]). Так, Керенский, двинув войска в наступление, организовывал народный дух. Формирование добровольческих рот вовсе не было невинной патриотической забавой; здесь скрывалось стремление сорганизовать в армии фашистский кулак, на который можно было бы рассчитывать. Вот как об этом писала газета скрытых монархистов — «Фонарь»:

«Надлежит кликнуть клич, отдать приказ по армии и собрать воедино всех сознающих необходимость защиты родины, сформировать из них отдельные батальоны и затем каждый из таких батальонов влить в зараженные большевизмом полки. Тогда треть солдат, сплоченная в батальонную организацию, проникнутая чувством истинного патриотизма,

---

1) В. Владимирова. «Корниловщина».

послужит примером и недвусмысленной угрозой для других ненадежных солдат»[1]). Аналогичный проект был выставлен высшим командным составом 16 июля на совещании в Ставке (накануне корниловского мятежа). Пункт 7 этого проекта гласил: «Создать в резерве начальников отборные законопослушные части трех родов оружия, как опору против военного бунта...»

Конечно, опора эта нужна была для назревающего контр-революционного переворота, и эта мера «разбавления» революционных войск законопослушными, фашистски настроенными отрядами была задумана весьма умно; только одного не учли планирующие генералы, что в отряды эти никто из солдат (кроме монархического офицерства) не пойдет, а этой каплей огня не потушить. Какие же идеалы руководили этими махровыми черносотенцами, доставшимися революции в наследие от царизма? Чем яснее становилось, что революция не желает улечься в берега законности кадетских государствоведов, тем больше откатывались к своим прежним позициям все правые элементы, тем больше мечтали они об удачном заговоре и о грядущем диктаторе.

Вот какие строки встречаем мы. например в «Фонаре»:

«Будем надеяться, что монархия, к которой мы придем в итоге, будет уже не прежняя, — монар-

[1]) «Фонарь», № 5.

хия эта будет прежде всего строго конституционная, — что царем у нас будет не печальной памяти свергнутый царь, а государь просвещенный и лойяльный, государь, уважающий конституцию и права граждан» [1]). Вот золотые слова, под которыми с удовольствием мог бы расписаться весь правый лагерь.

Рядом с этим крайним правым флангом и тесно примыкая к нему стояла партия бывших октябристов, выступавшая в III и IV Думе, как партия правительственная. Вот как ее характеризовал Ленин:

> «Конкуренцию допотопному хищнику, хищнику крепостной эпохи, составляет в данном случае хищник эпохи первоначального накопления — тоже грубый, жадный, паразитический, но с некоторым культурным лоском и — главное — с желанием также ухватить добрый кусок казенного пирога в виде гарантии, субсидии, концессии, покровительственных тарифов и т. д. Этот слой землевладельческой и промышленной буржуазии, типичной для эпохи первоначального накопления, находит себе выражение в октябризме и примыкающих к нему течениях. У него много интересов, общих с черносотенцами sans phrases — хозяйственный паразитизм и привилегии, квасной патриотизм» [2]).

---

1) «Фонарь», № 10.
2) Ленин, соч., т. XVIII, ч. 2. «Третья дума».

Итак, классовая подоплека октябризма заключалась в блоке помещичьего землевладения с хищниками эпохи первоначального накопления, т. е. торговой и частично промышленной буржуазией. Недоразвитость капитализма в России приводила к тому, что непропорционально большим весом в государстве пользовался торговый капитал.

Этот хищник первоначального накопления выступал в тесном единении с помещиками, так как их интересы близко соприкасались. Торговый капитал так же, как и помещики, был заинтересован в экономическом зажиме крестьянства, который давал ему возможность наживать изрядные барыши на дешевом крестьянском зерне и великолепно спекулировать на кабале и нищете мужика. Но, кроме этого экономического принуждения, торговому капиталу важно было сохранить в целости и ту спасительную систему принуждения внеэкономического, которую осуществляло на местах самодержавие. Вот почему «хищник первоначального накопления» представлял из себя на ряду с помещиком оплот и социальную базу царизма. Какова же была программа этой группировки?

> «Интересы капитализма, — пишет Ленин, — хотя бы и грубо хищнического, паразитического, не мирятся с безраздельным господством крепостнического землевладения» [1]).

---

1) Ленин, соч., т. XVIII, ч. 2. «Третья дума».

Поэтому у черносотенцев стоит в центре программы: «Долой проклятую конституцию», а у октябристов — «Куцая конституция». Большая неоднородность этой партии, об'единившейся на почве благосклонного отношения к царизму, вызвала, однако, раскол этой партии в IV Думе. Часть из них стала блокироваться с кадетами, другая часть отошла к националистам (умеренные монархисты) и, наконец, третья обособилась под названием земцев-октябристов (туда вошли Гучков, Родзянко, Хомяков и др.). После того как «народные вожди» типа Родзянко и Гучкова вынуждены были удалиться из правительственных сфер, все они сгруппировались вокруг IV Думы, которая никак не желала расстаться с жизнью, все еще надеясь на то, что вернутся для нее «красные денёчки». Это последнее издание парламентарного творчества царизма стало открытой цитаделью организующейся контр-революции. Милюков глубокомысленно вещал: «Не настало еще время признать, что Временное правительство никакой власти не имеет, но когда это время наступит Государственная дума сыграет свою роль». Чернов приводит в своей статье характерный отрывок из речи Масленникова (прогрессиста) на заседании Государственной думы 18 июня, в которой он нарисовал целую программу: «Благодаря Думе, — говорил он, — совершилась революция. Но к революции примазалась кучка сумасшедших фанатиков, проходимцев и предате-

лей, назвавших себя Исполнительным комитетом рабочих и солдатских депутатов; эта компания занялась растлением русского солдата, русского рабочего, русского народа. Спасти Россию может только Государственная дума. Надо вызвать всех членов Думы, потребовать, чтобы сюда явилось все правительство целиком. Государственная дума укажет этому правительству что делать, как и кем это правительство пополнить и заменить» [1]) Итак, Государственная дума претендовала на миссию самостоятельного конструирования правительства, и, несомненно, в случае удачи корниловской авантюры, именно сюда, в это гнездо реакции, направила бы свои стопы буржуазная диктатура за санкцией «избранников народа».

Голос Пуришкевича опять раздавался с думской трибуны, требуя немедленного введения военной диктатуры, ареста советов, предания суду Временного правительства, а также введения генерал-губернаторов и полиции [2]). В довершение картины прибавим, что этот контр-революционный штаб печатал свои стенографические отчеты в 200 тысяч экземпляров бесплатно в государственной типографии (!); здесь же печатались и брошюры подобного

---

[1]) Сб. «Год русской революции», ст. Чернова «Советы в русской революции».

[2]) Там же.

характера, наводняя страну бесплатной внеочередной отправкой 10 пуд. литературы в день [1]).

Вот как истолковывалась знаменитая свобода печати! В то время, когда пролетарская пресса была сдавлена за горло, когда целыми пачками конфисковались большевистские газеты,—контрреволюционная литература печаталась и рассылалась на государственный счет. Временное правительство, несмотря на целый поток резолюций, требующих упразднения этого «цензового парламента», этого воскресающего мертвеца отжившей эпохи, хранило Государственную думу, как зеницу ока, и только 3 октября, с открытием подготовительных работ по выборам в Учредительное собрание, она была, наконец, распущена.

Посмотрим теперь, как относились эти правые группировки к Учредительному собранию. Вот что писал по этому поводу «Фонарь»: «Для всякого человека, мало-мальски образованного и не лишенного здравого смысла, совершенно ясно, что ничего путного предстоящее Учредительное собрание не учредит, ничего не образует, ничего не рассудит... Главнейшей причиной никчемности Учредительного собрания явится, страшно сказать, всеобщее и прямое избирательное право. Применение всеобщего и прямого избирательного права, вероятно, будет последним политическим экспериментом

---

[1]) В. Владимирова. «Корниловщина».

наших доморощенных политиков. Будем надеяться, что этот эксперимент будет последним, и Учредительное собрание закончит круг безумств нашей восьмимесячной революции; люди протрезвеют и возмужают, и наступит необходимая для спасения государства реакция — сначала в умах, а затем на деле» [1]).

Эта цитата, интересная по своему откровенному тону, наглядно показывает, с каким страхом относились правые круги к Учредительному собранию; они бы, несомненно, предпочли, чтобы совсем избежать этого опасного эксперимента или же обезвредить его тем или иным цензом. В № 10 того же «Фонаря» дается еще более полная расшифровка вышесказанного: «Только лучшие граждане способны избрать себе лучших, а не худших вождей. Ясно, что не девять десятых русского населения, состоящих из безграмотных людей, а лишь одна десятая грамотных могла бы избрать собрание, достойное культурного государства... Не темным мужикам и бабам, в долгие темные ночи на полатях своих грезящих о том, как хорошо было бы похозяйничать в барских закромах... выбирать в Учредительное собрание, а лишь тем, кого счастливый случай приобщил к источникам знания и всякой культуры». Мы слышим в этих строках ужас помещика, который до смерти боится, что

---

[1]) «Фонарь», № 5, 2 октября 1917 г.

«темный мужик» придет в Учредительное собрание наводить свои порядки, которые прежде всего коснутся «землицы»... Этим правым кругам Учредительное собрание рисовалось в виде какой-то «седьмой казни небесной», и как спасительный клапан им мерещился ценз, пропускающий к урнам лишь одну десятую благонамеренных сливок общества. Однако приходилось мириться с печальными итогами Особого совещания по выборам в Учредительное собрание, в котором не прошли спасительные «поправки»; приходилось подумать о том, за кого голосовать. Вот какой призыв несется со страниц того же «Фонаря»: «Республиканец ли вы или монархист, стоите ли вы за парламент или ваши политические идеи не идут дальше представительной монархии, сторонник ли вы государственного устройства на основе всеобщего избирательного права или политической конструкции, вмещающей цензовые начала, стоите ли вы за отдачу земли крестьянам без выкупа или по справедливой оценке,— вы все равно должны отдать свой голос кадетской партии».

Пожурив немного кадетов за недостаточную твердость в борьбе с левым лагерем, — «Фонарь» зовет всех голосовать за кадетский список.

И, действительно, громадное большинство правого фронта (особенно в городах) сплотилось вокруг партии к.-д., так как она к моменту выборов успела уже растерять все свои либеральные за-

машки и перед лицом грозной опасности, что море революции выйдет из буржуазных берегов, оформила вполне программу реакционной реставрации при посредстве диктатуры. Весь буржуазно-помещичий лагерь был одержим этой мечтой, которая с каждым днем все крепла. Вот какой сладкий бред наполнял их сердца: «Он придет, он придет этот мощный человек... Наш Бонапарт? Быть может, Луи Филипп? Кто знает? Но он должен притти. История неумолимо жестоко переворачивает страницы своей полной тайн книги... Атомы души этого неведомого мощного человека носятся вокруг нас. Они уже зародились, они растут, и они сольются в мощную фигуру. Кто он? Откуда придет?.. Неизвестно. Но он должен притти» [1]).

Этот идеал сближал весь правый фронт и помогал сплочению вокруг кадетской партии.

Однако не все правые группировки согласились положиться на кадетский список при выборах в Учредительное собрание. Это сделала лишь левая часть октябристов; что касается Союза земельных собственников (куда входили правые октябристы) и крайне правых, то они мыслили все-таки удержаться на своих позициях при помощи собственных списков. Не желая вверить дело земельной реформы в кадетские руки, они во всех избирательных округах выступили со своими отдельными списками,

---

[1]) «Фонарь», № 10.

но этим вызвали только дробление голосов и их безрезультатную пропажу. Кроме этих двух основных списков, на выборах фигурировали еще другие организации, тоже весьма правого уклона, как то: старообрядцы, казаки, националисты (евреи, мусульмане, башкиры, латыши, поляки, немцы, белоруссы) и разные более мелкие организации. Что касается октябристов, то они, как правило, отдельных списков не выставляли, голосуя частью за к.-д., частью влившись в Союз земельных собственников [1]).

Впрочем, их переименованная партийная вывеска все-таки существовала как Национально-демократический республиканский союз. В Москве они пробовали выступить с самостоятельным списком, но неудача заставила их смириться и в других местах воздержаться от этого. Заканчивая обзор деятельности этих наиболее правых группировок, нужно указать, что хотя численность их союзов и партийных групп была велика, однако кадры этих союзов были весьма сомнительного качества. Золо-

---

1) Так, например, по Воронежской губ. в списке № 11 Союза земельных собственников — кандидаты: 1) М. В. Алексеев, б. верховный главнокомандующий; 2) Шидловский—чл. Государственной думы — октябрист (помещик); 3) А. А. Голостенов — помещик Острогожского уезда; 4) Е. П. Ковалевский — чл. Государственной думы — октябрист (помещик); 5) С. И. Павлов — городской судья гор. Воронежа; 6) В. И. Раевский — председатель губернской земской управы (помещик); 7) А. И. Стемпковский — б. чл. Государственной думы — октябрист (помещик). «Голос труда», № 911. Воронеж.

тая молодежь, прожигающая жизнь в ресторанах, деморализованные элементы офицерства, последыши дворянско-помещичьей знати с печатью вырождения, темные подонки городского мещанства и богатеньких хуторян, — вот кто заполнял все эти «союзы». Союзы эти не могли, конечно, найти доступ к подлинным народным массам и поэтому не могли иметь сил, достаточных для желанного переворота. Солдат-рядовик был уже достаточно сознателен, чтобы наотрез отказаться строиться в добровольческие батальоны фашистской марки, темный землероб прозрел уже настолько, чтобы различить контр-революцию в ее неприкрытой классовой сущности, о рабочем и говорить нечего. Таким образом, все эти союзы и общества висели в воздухе с их всевозможными конспиративными планами и заговорами, но все-таки не теряли надежды улучить момент для переворота. Однако к моменту выборов в Учредительное собрание партии эти имели столь ничтожный удельный вес в общей массе населения и столь мало сторонников в этих массах, что никакой опасности не представляли.

Посмотрим теперь, что представляла собой партия к.-д., которая достигла громадных успехов в городах, вобрав в себя, как губка, все буржуазные круги, часть либеральничающих помещиков, а также большую долю городского мелкобуржуазного мещанства и квалифицированной интеллигенции.

Эта партия сложилась в 1905 г., когда проект создания Булыгинской думы дал стимул для ее консолидации в связи с началом «парламентской эры». В нее вошли две организации: 1) Союз освобождения, включивший в себя широкие круги либеральничающей буржуазной общественности (часть из них затем перешла к к.-д., часть к н.-с., часть к трудовикам) и 2) Союз земцев-конституционалистов (помещики, группировавшиеся вокруг земских с'ездов).

На учредительном с'езде 12 октября 1905 г. была утверждена программа и устав партии. Это была авангардная партия развивающейся русской буржуазии, ясно осознавшая необходимость конституционных реформ для капиталистического процветания России. Она стремилась привести к власти свой класс, разорвав тенета феодально-помещичьего засилия, продолжавшего в контакте и содружестве с хищником первоначального накопления (торговым капиталом) держаться у власти.

Это была наиболее левая из всех буржуазных партий, которая своим левым крылом (Кулебякин, Мандельштам) захватывала даже и демократические прослойки городского населения. Однако и она, так же как и октябристы, правым флангом захватывала более прогрессивных представителей крупного землевладения. Основное же руководящее ядро — центр — составляли идеологи прогрессивной буржуазии (Набоков, Гессен, Милюков, Винавер).

Партия к.-д. и партия октябристов были фактически двумя половинами единого буржуазного фронта, расположенного между царским абсолютизмом и демократией. Вот как об этом писал Ленин:

> «Этот буржуазный либерально-монархический центр, который еще больше боится последовательной демократии, чем так называемой «реакции», очень давно появился на русской политической арене... Этот центр наметился вполне явственно в эпоху падения крепостного права. За тот, почти полувековый промежуток, который отделяет ту эпоху от 1905 г., либерально-монархическая буржуазия и в земствах, и в городском представительстве, и в школе, и в печати выросла и сложилась в достаточно определенную величину» [1]).

При анализе классового содержания правых партий бросается в глаза тот факт, что в условиях российской действительности оба эксплоататорских класса — помещики и буржуазия,— несмотря на их антагонизм в борьбе за первенство у власти, не размежевываются по отдельным партиям, а мирно уживаются под одним кровом. Мы уже видели это в партии октябристов и то же самое находим и в партии к.-д. Где же кроется причина этого единения, несмотря на борьбу за власть? В России оба эти класса встретились на грани всемирной эпохи

---

[1]) Ленин, соч., т. XII, ч. 1. «Блок кадетов с прогрессистами и его значение».

финансового капитала и потому нашли благоприятную почву для экономического, а следовательно, и политического сращивания между собой. Тесное переплетение экономических интересов этих двух хищников, из которых один исторически призван был сменить другого, не могло бы существовать без наличия новых форм капитализма в последней стадии финансового капитала.

В эпоху Великой французской революции, на заре развития промышленного капитала, феодально-помещичий и буржуазный лагери противостояли друг другу в своем чистом виде, как два непримиримых врага. Молодая промышленная буржуазия выступала там как боевая революционная сила, сражаясь в борьбе с отжившим феодальным строем рядом со своим меньшим собратом — мелкой буржуазией. Но с тех пор утекло много воды в потоке истории. Маркс еще в «Коммунистическом манифесте» писал, что чем дальше на восток, тем трусливее и подлее проявляет себя буржуазия. Причина кроется в том, что буржуазия на Востоке нарождалась не в эпоху восходящей звезды своего класса, когда этот класс выполнял свою революционную миссию, разбивая твердыни средневековья, а в тот период, когда звезда капитализма, достигнув зенита своей исторически намеченной орбиты, стала неуклонно двигаться к закату. Именно то обстоятельство, что день рождения российской буржуазии совпал с закатным периодом отца ее — все-

мирного капитала, — и вызвало специфическую склонность нашей буржуазии к сращиванию с царизмом, к низкопоклонническому ее угодничеству перед «сильными мира», к отсутствию в ней боевых сил, к стремлению блокироваться и итти на компромиссы с феодально-дворянскими группами. Экономические корни такого буржуазно-помещичьего переплета мы видим на многочисленных примерах того, когда капиталисты, вкладывая свои капиталы в имения, эксплоатируя их, тем самым сплетаются своими шкурными интересами с помещиками. С другой стороны, как отметил Маркс («18 брюмера»), — «крупная земельная собственность, вопреки своим феодальным замашкам и своей родовой спеси, насквозь обуржуазилась». Кроме того, верхи банковской буржуазии экономически связаны с судьбами помещичьей земли, так как питаются процентами по закладным заложенным в банках имений. А, как известно, в залоге у банков было около трех четвертей помещичьей земли с площадью около 58 млн. гектаров; закладных бумаг под залог этих имений обращалось на рынке на сумму 5½ млрд. (из них почти половина принадлежала частным банкам). Отсюда ясно, какое бешеное сопротивление оказывали банковские круги «черновским» проектам (к Временному правительству была направлена специальная делегация от банков, доказывавшая гибельность для «народного хозяйства» воспрещения земельных сделок) и как разорительна

была бы для них операция безвозмездной передачи помещичьей земли в руки крестьянства. Другая причина закоренелого консерватизма буржуазии в этом вопросе заключалась в недоразвитии капитализма в России, благодаря чему хищник первоначального накопления — торговый капитал — занимал в среде буржуазии большое место; а он-то как раз экономически был заинтересован в том, чтобы сохранить крестьянство на той нищенской стадии, которая позволяла ему выжимать оттуда соки. С другой стороны, наша отечественная промышленная буржуазия, которая была заинтересована в относительном благосостоянии крестьянства, ввиду расширения внутреннего рынка, была в процентном отношении не столь многочисленна, так как наша промышленность в огромной мере развертывалась иностранным капиталом.

Вот почему самая левая из буржуазных партий, партия к.-д., была всегда злейшим врагом последовательно-демократической аграрной реформы, стремясь обезвредить ее громадным кабальным выкупом; в противоположность временам Великой французской революции, когда буржуазия была заинтересована в наиболее радикальной земельной реформе, чтобы сломать на местах власть феодализма, — наша буржуазия, наоборот, не могла итти в этом вопросе на коренную ломку.

Итак, мы видим, что наша эпоха внесла большие изменения в отношения буржуазии к помещикам

и к крестьянству; не меньше изменений внесла она и в отношения к пролетариату. Страх буржуазии перед ростом классовой сознательности пролетариата еще больше усиливал ее консерватизм и спайку помещичьего блока. Вот что писал об этом Ленин:

«Российская буржуазия тысячами экономических нитей связана и со старым поместным землевладением, и со старой бюрократией. Кроме того, рабочий класс России показал себя достаточно самостоятельным и способным постоять за себя, — мало того: способным руководить демократией вопреки либерализму. Вот отчего буржуазия наша стала либерально-монархической и антидемократической, противонародной. Вот отчего она больше боится демократии, чем реакции... Если октябристы стали партией правительственной (с разрешения и под надзором Пуришкевича), то кадеты стали терпимой оппозицией» [1]).

Посмотрим, как определяли свою партию сами к.-д. «Эта партия, — писал проф. Лосский, — отличается тем, что заботится о всех гражданах, а не об одном каком-нибудь классе, и вместе с тем заботится о чести и процветании всего государства российского. Она старается соблюсти права и интересы всех граждан... Иными словами, партия народной

[1]) Ленин, соч., т. XII, ч. 1. «Блок кадетов с прогрессистами и его значение».

свободы имеет внеклассовый характер—не буржуазный и не пролетарский, а всенародный» [1]).

В дополнение к этому приведем еще одну цитату из «Спутника избирателя»:

«Партия народной свободы не задается разрешением конечных идеалов социально-политического и экономического устройства человечества и предоставляет своим членам иметь какие угодно взгляды, не указывая никакой программы-максимум и предлагая своим членам лишь определенную программу-минимум, т.-е. программу ближайших требований... Поэтому партия допускает в свои ряды людей разного миросозерцания — и социалистов, и индивидуалистов, и приверженцев анархического идеала...» [2]). Как видим, программа задумана с весьма тонким политическим расчетом замаскированного лицемерия, с расчетом улавливания в свои сети шатающейся обывательской гущи мелких собственников, в теории слегка зараженных социалистическим поветрием, но экономически тяготеющих к царству капитала. Партия к.-д., великолепно понимая значение для парламентской механики счастливого улова мелкобуржуазных душ (особенно в нашей стране, где они преобладают), специально для этого создала растяжимый пункт программы-

---

[1]) «Москвич-избиратель», № 6, 17 июля 1917 г., ст. Лосского.

[2]) «Спутник избирателя», ст. Корнилова «О программе партии народной свободы»

максимум. Благодаря этому пункту любой обыватель, любой интеллигент, прекрасно болтающий о социализме, мог примирить здесь свою «левую» фразу с реакционной программой действия. И действительно, весь «цвет» интеллигенции в лице ее наиболее квалифицированной верхушки, сросшейся с капитализмом своим материальным благополучием (инженеры, адвокаты, врачи, профессора), — все они нашли себе в этой партии уютное местечко. Все они любили полиберальничать и за чашкой чая покритиковать правительство и посочувствовать «народу», но на деле жаждали только буржуазного господства, организованного на европейский лад. «Нашу партию ведут ученые, — с гордостью провозглашали «Русские ведомости» в предвыборную кампанию в Московскую городскую думу,— и среди кандидатов в гласные вы насчитываете 16 имен профессоров и преподавателей высших учебных заведений...» [1]). Действительно, ученый мир в лице привилегированной профессорской касты дал буржуазии солидные кадры для обслуживания ее лицемерной идеологии, скрывавшей под маской демократизма физиономию своего вдохновителя — капиталиста европейской формации. Гораздо более опасный характер приобретала игра кадетов в демократизм в отношении тех демократических слоев мелкой буржуазии, которые из-за своей малосозна-

[1]) «Русские ведомости», № 17 от 23 июня 1917 г.

тельности попадали в тенета их левой фразеологии. Немало сил и энергии потратила партия большевиков, и в частности Ленин, чтобы разоблачать ложь кадетской фразы и вырывать из-под ее влияния неустойчивые демократические элементы мелкой буржуазии. Вот что Ленин писал по этому поводу:

«Кадеты, называя себя демократами, обманывают себя и обманывают народ. На деле кадеты — контр-революционные либералы... Широкие еще массы населения, тяготея к демократии, не отличают либерализма от демократизма, подчиняются руководству либералов. Пока это не изменится и поскольку это не изменяется, ни о каком демократическом преобразовании России нечего и толковать».

Недолго, однако, пришлось этого дожидаться, — революция 1917 г. сбросила партию к.-д. с пьедестала «внеклассовости» и «всенародности», разоблачив на деле ее буржуазно-реакционную сущность перед широкими массами.

Остановимся теперь на некоторых штрихах из истории партии к.-д.

«Вся история кадетской партии, — писал Ленин, — есть одна сплошная издевка над ее программой, одно сплошное «приспособление» к обстоятельствам в самом худшем смысле слова» [1]).

[1]) Ленин, соч., т. XII, ч. 1. «Блок кадетов с прогрессиста и и его значение».

После революции 1905 г., где кадеты достаточно ярко проявили свою контр-революционную сущность, они выступили на арену парламентаризма, как победители в I и II Думах. Их поведение в этот период лишний раз доказало, что от самой либеральной части буржуазии нельзя ожидать активности в борьбе с абсолютизмом. Вынужденная лавировать между помещиками и крестьянством, побуждаемая к аграрной реформе интересами развивающегося капитализма и останавливаемая интересами своей спайки с помещичьим землевладением, партия к.-д. своим аграрным законопроектом, внесенным в Думу, не удовлетворила ни тех, ни других. В этом проекте предлагалось произвести отчуждение в первую очередь тех земель, которые не эксплоатируются самими владельцами (т.-е. находящихся в аренде у крестьян), причем правила отчуждения должны были устанавливать паритетные комиссии из крестьян и помещиков (перевес помещикам давал председатель, назначаемый правительством). Затем этот закон подвергался переработке в Думе и, наконец, в Государственном совете. Можно себе легко представить, какой бы из этого получился закон. Правда, в проекте красовалось слово «принудительное отчуждение», но на это Ленин остроумно возражал:

> «Весь вопрос в том, кто кого принудит; если помещики принудят крестьян заплатить втридорога за плохие земли, наподобие преслову-

того выкупа 1861 г., то подобное принудительное отчуждение будет помещичьей реформой, выгодной для помещиков и разорительной для крестьян».

И действительно, в 1917 г. партия к.-д. разработала аграрную часть своей программы, по которой крестьянство запрягалось в кабалу для уплаты ежегодных процентов по выкупным свидетельствам. Правда, уплата основного долга помещикам возлагалась на государство, но только наивных можно было этим обмануть; на самом деле государство для уплаты долга помещикам усилило бы налоговый пресс на то же крестьянство, так что фактически вся сумма выкупа тяжелым бременем придавила бы крестьянина. Вообще кадеты, благодаря этому пункту своей программы, раз и навсегда отрезали себе путь к крестьянству, и как они ни заигрывали с трудовиками, но их привлечь не смогли, а после 1917 г. крестьянство еще лучше раскусило сущность кадетской политики и за кадетов в Учредительное собрание не голосовало.

Посмотрим теперь, какую форму правления требовали кадеты в своей программе. На I с'езде к.-д. республиканское крыло было, в связи с событиями 1905 г., довольно сильно, однако внести в программу страшное слово «республика» им не удалось: над § 13 поставлена была фигура умолчания; правое крыло едва согласилось на то, чтобы вместо «Российская империя» писать в программе «Россий-

ское государство». Интересно послушать, как мотивировали к.-д. свою боязнь республиканской формы правления: 1) «В такой обширной стране, как Россия, монархический строй может лучше гарантировать об'единение разнородных элементов, нежели республиканский; 2) против республики будут широкие народные массы, сохранившие взгляд на царя, как на защитника...»[1]). К.-д., видите ли, сохранили в программе царя только ради «народа». Поистине они и здесь осуществляли свой девиз: «Все для народа и все через народ». На II с'езде к.-д. (после революции 1905 г.) § 13 прояснился: «Россия должна быть конституционной и парламентарной монархией». Наконец, на VII с'езде, после Февральской революции, § 13 вступает в свою третью фазу: «Россия должна быть демократической парламентарной республикой». Окраска республиканизма продержалась, однако, недолго, и в период гражданской войны мы снова видим к.-д. в роли пособников единоличной диктатуры. Так менял свою окраску хамелеон буржуазной общественности, гибко приспособляясь к обстоятельствам.

В феврале буржуазия приняла участие в революции, с целью стать у кормила правления во имя победы в мировой войне.

После Февральской революции кадеты, облачившись в тогу республиканизма, надеялись обма-

---

[1]) «Спутник избирателя», ст. Корнилова.

нуть этим и привлечь на свою сторону демократические слои населения; однако, в период революционной бури нельзя так ловко маскировать свои ходы, как в мирные будни истории, ибо революция, обнажая до дна классовые противоречия, властно заставляет классы проявлять на деле свою природу. Партия к.-д., на протяжении периода от февраля к октябрю, ярко вскрыла свою сущность и тем заставила отшатнуться от нее все демократические слои населения, —зато она собрала под своими знаменами весь правый лагерь, который и голосовал за нее в Учредительное собрание. Партия к.-д. играла руководящую роль во всех коалиционных правительствах, ведя на поводу министров-«социалистов», которых особенно пугала мысль, что все «живые силы страны» — в лице кадетов — могут их покинуть. На этой струнке и наигрывали ловко буржуазные лидеры, захватывая, под угрозой своего ухода, одну позицию за другой.

Все реформы в любой из областей государственной жизни встречали с их стороны бешеный отпор, и нужно отметить, что партия народной свободы правела не по дням, а по часам, об'ятая ужасом перед развертыванием революции, и, все теснее обрастая истинно-правыми элементами, сплеталась с правым лагерем в дружных об'ятиях; благодаря этому даже невинные буржуазные реформы встречали в ней врага. Любопытны те речи, которые ли-

лись на VIII с'езде к.-д. (9—21 мая 17 г.[1]). С'езд единогласно выбрал председатлем своего лидера Милюкова, которого недавно «ушли» из правительства, и солидаризировался всецело с его взглядами. Князь Трубецкой высоким штилем вещал: «Милюкову, нашему лидеру, мы не в состоянии высказать ни одного упрека. Его линия поведения — от начала до конца — была наша. Он ушел только потому, что был верен нашим заветам». А Винавер вторил этому: «Первый народный министр иностранных дел, высоко державший знамя достоинства и чести России, должен был, будем надеяться — ненадолго, покинуть пост». Милюков же в ответной речи подчеркивал: «Назрел нарыв, и все равно необходимо пройти через тяжелую операцию — пусть же эта операция произойдет возможно скорее». Это был уже явный намек на готовящийся переворот — искали только подходящих условий и подходящей личности. С'езд поручал своему очередному рулевому во Временном правительстве как можно сильнее давать «задний ход» кораблю революции и готовиться к выполнению «тяжелой операции», т.-е. переворота. Эта операция была неудачно произведена в корниловские дни, и хотя кадетская партия из дипломатических соображений открещивалась от участия в этой авантюре, однако совершенно несомненна ее близкая причастность к ней. Позд-

---

1) «Вестник партии народной свободы». Отчет о VIII с'езде партии народной свободы.

нее, в период гражданской войны, партия к.-д. в белогвардейских оазисах служила торжественные панихиды по «незабвенном герое» Корнилове. Мы уже указывали в первой главе, как относились к.-д. к Учредительному собранию в дооктябрьский период революции. Однако после октябрьского крушения всех своих позиций правый лагерь единогласно стал взывать к Учредительному собранию, как к последнему оплоту в бурю, — такова была ирония истории. В городах к этому времени позиция к.-д. очень сильно укрепилась, и на выборах в городские думы к.-д. что называется отбивали у эсеров всех мелкобуржуазных избирателей города, жаждущих вернуться в лоно твердого буржуазного правопорядка. Успеху к.-д. способствовало то обстоятельство, что в эпоху господства финансового капитала — когда, с одной стороны, мелкая буржуазия, все сильнее вытесняемая из роли производителя, низводится на ступень посреднических функций, а с другой — множатся слои держателей акций и облигаций мелкого масштаба, тесно связанные нитями своей заинтересованности с капиталистическим строем, — противоречия между крупной и мелкой буржуазией сглаживаются и затушевываются. Гильфердинг в «Финансовом капитале» по этому поводу пишет:

«При империализме исчезает старая противоположность между буржуазией и мелкой буржуазией. Последняя практически стано-

вится охранным войском крупного капитала. В конце концов все буржуазные слои все более об'единяются общностью интересов против поступательного движения рабочего класса».

Это обнаружилось в нашей революции на примере всех мелкобуржуазных партий, составивших «охранное войско» капитализма. Однако совершенно иную картину давала у нас деревня, загнанная в аграрный тупик всем предшествующим развитием истории. К ней кадеты не могли даже и подступиться, поскольку они, будучи тесно спаяны с помещичьими интересами, не могли поступиться пунктом о передаче земли «по справедливой оценке». Маркс в своей книге «18 брюмера» прекрасно оттенил, какие изменения внес XIX век в отношения буржуазии и крестьянства.

«Во время Великой французской революции, — говорит он, — даже предоставление особых преимуществ крестьянству лежало в интересах нового буржуазного строя... Крестьянский класс был вездесущим протестом против только что низвергнутой поземельной собственности». Но на протяжении XIX века «...место феодала занял городской ростовщик, место тяготевших на земле феодальных повинностей заняли ипотеки, место аристократической поземельной собственности занял буржуазный капитал».

У нас, в России, благодаря двойным тенетам помещичьего паука и паука «первоначального

накопления» — торгового капитала — способы эксплоатации крестьянства были особенно бесчеловечно азиатскими. Нельзя забывать при этом, что сами-то родовитые пауки-помещики были опутаны тенетами более сильного паука-капитала, который пожирал значительную долю их добычи под видом процентов по земельному кредиту под залог имений. Над всей системой эксплоатации крестьянства возвышалась «алхимическая реторта капитала» [1]), которая в конечном счете при посредстве помещичьих щупальцев высасывала соки с крестьянских полей. Между тем, если допустить гипотетический случай (при наших исторических условиях — невозможный), что буржуазия во Временном правительстве пошла бы на коренную аграрную реформу без выкупа (что нисколько теоретически не противоречит буржуазному развитию, которое в своих рамках может вместить даже и национализацию земли) и произвела бы, таким образом, «чистку под капитализм», направляя крестьянство на путь американского фермерства, — тогда сразу ситуация изменилась бы в сторону, очень опасную для социальной революции. Боевой пыл крестьянства был бы этим подрезан, и реставрация могла бы тогда легче найти себе дорогу. Из всего вышесказанного мы приходим к выводу, что спайка буржуазных и помещичьих интересов была безусловно одним из важных слагаемых, обеспечивших

1) Определение К. Маркса.

успех Октябрьской революции. Эта спайка сделала русскую буржуазию совершенно импотентной даже в пределах размаха последовательных буржуазно-демократических реформ — выявила ее полнейшую историческую бездарность.

> «Итак, — говорит Маркс, — интересы крестьян находятся уже не в гармонии с интересами буржуазии, капитала..., а в противоречии с ними. Крестьяне поэтому находят себе естественного союзника и вождя в городском пролетариате, призванном ниспровергнуть буржуазный строй» [1]).

Высокая сознательность и организованность авангарда русского пролетариата сумела закрепить этот союз с многомиллионным крестьянством, которое убедилось, что единственно только пролетарская власть способна защитить его интересы и стать вождем его «будущего», и благодаря этому пролетарская революция получила тот «хор, без которого его соло во всех крестьянских странах превращается в лебединую песню» [2]).

Октябрьская революция дала, наконец, достойную оценку кадетам, как штабу контр-революции, и декретом ВЦИК они были об'явлены врагами народа. Так и не пришлось кадетам заседать в Учредительном собрании, но их интересы нашли себе

---

1) К. Маркс. „Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта“.
2) Там же.

достойного выразителя в лице партии эсеров, над которой неотступно витал дух буржуазии, превращая все пункты ее программы в архиреакционные.

Посмотрим теперь, что же представляла из себя эта «ручная партия», на которую возлагал свои надежды весь капиталистический мир. Страна, с таким обширным мелкобуржуазным морем, как Россия, не могла не создать и партии достаточно яркой и типичной в этом смысле. Мелкая буржуазия, включающая, с одной стороны, крестьянство, с другой — городское мещанство и интеллигенцию, — настолько неоднородна в своем социально-экономическом составе, что и партия, отражающая ее интересы, не может представлять из себя такого цельного монолита, как, например, чисто буржуазная или чисто пролетарская партия. Крестьянство одним своим флангом крепко связано с буржуазией, а другим, бедняцким флангом, примыкает к пролетариату. То же самое можем мы наблюдать и в городском ремесле, где мелкий хозяйчик встречается наряду с кустарем, стоящим на грани нищеты. Интеллигенция распадается также на целый ряд групп, которые, в зависимости от квалификации и служебного положения, либо крепко срастаются с буржуазно-капиталистическим механизмом, либо сближаются по своему жизненному уровню с угнетенными массами. Мелкий буржуа, обладая средствами производства, хотя зачастую и ничтожными, — тем самым в качестве

собственника склонен оказывать поддержку тому строю, который зиждется на частном присвоении, но трудовая жизнь роднит его с миром эксплоатируемых. И так как мелкий собственник, по своей экономической сущности, корнями взрастает в глубины трудящихся масс, а вершиною тянется к буржуазному миру, то отсюда у него, как у двуликого Януса, — два лица: одно из них обращено к буржуазии и воплощает его «предрассудок», его «прошлое», другое, обращенное к пролетариату, отражает его «будущее», его «рассудок» [1]).

В огне неугасимой классовой борьбы буржуазии и пролетариата — мелкая буржуазия вследствие своего промежуточного положения склонна искать примирения и гармонии «всенародных интересов» там, где лозунгом может быть только борьба не на жизнь, а на смерть. Благодаря этой склонности занимать некую примиренческую позицию, мелкая буржуазия в лице ее партии явилась неоценимым кладом для класса эксплоататоров, поскольку она ядом своих соглашательских иллюзий отравляет сознание трудящихся масс, расслабляет их волю к борьбе с буржуазией. Любая программа мелкобуржуазных партий отличается тем, что в ней, по словам Маркса, все

> «...социальные требования пролетариата лишаются «своего жала» и получают «демократи-

---

[1]) Взятые в кавычках слова принадлежат Марксу.

ческую окраску», что она «требует демократически республиканских учреждений не для того, чтобы уничтожить обе крайности — капитал и наемный труд, а для того, чтобы ослабить и превратить в гармонию существующий между ними антагонизм. Какие бы меры ни предлагались для достижения этой цели, как бы революционно ни окрашивалась самая цель — суть остается та же: перестройка общества демократическим путем, но перестройка, остающаяся в рамках существования мелкой буржуазии» [1]).

Эта бессмертная характеристика Маркса вскрывает глубочайшую сущность мелкобуржуазных партий. Наличность большого количества этих промежуточных элементов чрезвычайно затрудняет развертывание пролетарского движения, так как мелкобуржуазная идеология, внездившись среди его квалифицированных групп и среди его вожаков, ведет его от поражения к поражению во имя призрачной гармонии интересов в капиталистической системе. С другой стороны, мелкая буржуазия, уже утратившая свое былое производственное значение, занимает еще непропорциональное место по своей численности, создавая во всех буржуазных парламентах солидный оплот для капитализма. Все мелкобуржуазные партии тяготеют к господствующему капиталистическому строю, не верят в силу

[1]) Маркс. «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта».

масс и влекут их под иго гибельных компромиссов. И только на другой день после победы пролетариата, после того как он, разрушив капиталистическую машину, на деле докажет широким слоям мелкобуржуазной массы все огромные преимущества нового строя, — только тогда возможно вовлечь эти массы в орбиту влияния пролетарского солнца. До тех же пор все партии мелкой буржуазии являются злейшими врагами пролетарской революции и в об'ективном ходе исторической жизни играют роль приводного ремня, подчиняющего массы маховому колесу капиталистического механизма. Однако было бы упрощением думать, что все эти партии состоят сплошь из бесчестных предателей. Суб'ективно они убеждены в спасительности для общества пути притупления классовых противоречий, так как «их мысль не выходит за пределы жизненной обстановки мелкой буржуазии»; от этого, однако, не меняется об'ективный факт их предательской роли в отношении пролетарского движения.

В России мелкая буржуазия главный свой контингент имела в крестьянстве, — вот почему разновидность мелкобуржуазных партий, именующая себя социалистами-революционерами, искала опоры именно в нем. Приведем блестящую характеристику крестьянства, данную Марксом (в «18 брюмера»):

> «Мелкие крестьяне образуют огромную массу, члены которой живут в одинаковых

условиях, не вступая, однако, в разнообразные взаимные отношения. Способ производства изолирует их, а не связывает путем взаимных отношений... Клочок земли — крестьянин и его семья; рядом другой клочок земли — другой крестьянин и другая семья... Они поэтому не способны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени, будь то через посредство парламента или конвента. Они не могут представлять себя, их должны представлять другие...»

Этот-то класс взяла под свою опеку разночинная интеллигенция в лице партии эсеров. Мы увидим ниже, насколько эта партия оправдала в 1917 г. свою претензию на звание крестьянской партии, насколько она доказала свою преданность интересам крестьянства; теперь же остановимся на некоторых исторических этапах развития этой партии.

Предшественницей эсеровской партии была прославленная своей героической борьбой с царизмом «Народная воля». Это был героический взлет мелкой буржуазии в тот период, когда на арене исторической жизни России не было еще пролетариата, единственно способного возглавить массовое движение против самодержавия. И хотя единоборство с царизмом было a priori обречено на неуспех, однако беззаветных борцов этого движения пролетариат чтит, как первую ласточку, которая хоть не делает еще весны революции, но как вестник грядущего

взвивается со своей новой песней среди молчания скованных еще зимним сном полей.

Своей теории народники придавали социалистическую окраску, хотя и пропитанную насквозь чистейшей воды утопизмом. Во главу угла эта теория ставила исконную революционность русского мужика, призванного построить социализм. Крестьянской общине, этому архаическому пережитку исторической отсталости, сохранившемуся под опекой царизма, они приписывали магическую силу — вывести русского мужика прямехонькой дорогой к социализму, минуя все подводные камни капитализма. Кроме того, доминирующей чертой народничества была переоценка роли личности, которая творчески призвана формировать в своих руках послушную глину широких масс. Обе отмеченные черты и отмечали позднее эсеровскую идеологию. После того как группа честных, идейных борцов с самодержавием, в лице «Народной воли», сошла со сцены, русская разночинная интеллигенция, шедшая под знаменем народничества, впадает в длительный политический маразм. Проходят почти два десятилетия, прежде чем начинается консолидация рассыпанной храмины народничества в лице партии эсеров. В 90-х годах прошлого столетия мы видим нарождение небольших кружков и групп молодежи, которая пытается воскресить народничество в подновленном виде. В эту пору мы наблюдаем, как марксизм с неодолимой силой за-

воевывает позиции среди рабочего класса. «Поветрие» марксизма захватывает и интеллигентские группы, однако они быстро искажают его, приспособляя к своей классовой природе, лишая его «революционного жала». Впрочем, некоторые народнические кружки настолько пропитываются марксизмом, что их программу трудно отличить от с.-д. Так был составлен «Манифест» Южного союза с.-р., сложившегося к 1900 г., по поводу которого «Искра» писала: «Русская революционная мысль все более направляется в сторону социал-демократии» [1]). Однако это «поветрие марксизма» недолго владело мелкобуржуазными умами. Лучшие элементы из этих кружков перешли к социал-демократии (например, группа молодых народовольцев в Петербурге), а оставшиеся вскоре переменили фронт и вернулись к исходным пунктам народничества. Мещеряков различает в этот период среди эсеровских кружков четыре основных направления: 1) легальное народничество (т.-е. типичный буржуазный либерализм); 2) бывшие народовольцы с террористическими симпатиями, со склонностью выставлять на первый план борьбу за политическую свободу и прятать социализм в глубокий карман (Северный союз, Заграничный, группа старых народовольцев); 3) тяготеющие к массовой борьбе и к марксизму (Южный союз с.-р.) и 4) Аграрно-социалистическая лига, «пытавшаяся набальзамировать труп аграр-

[1]) Мещеряков. «Партия с.-р».

ных теорий 70-х годов с добавлением к ним западно-европейских теорий ревизионизма»[1]). Вся эта пестрота оттенков и оттеночков чрезвычайно типична для социального строения мелкой буржуазии, представляющей систему градаций между двумя полюсами — пролетарским и буржуазным. Однако победительницей среди этих течений вышла наиболее ретроградно настроенная Аграрно-социалистическая лига. Поворот фронта в сторону этих идей наблюдается под влиянием крестьянских бунтов в Харьковской и Полтавской губерниях, которые, по словам Мещерякова, «подействовали на эсеров, как труба на полкового коня». И вот те самые эсеры, которые так недавно толковали о гегемонии пролетариата в революции, о том, что на работу в деревне не стоит тратить сил, теперь вновь загорелись старыми народническими традициями. Теория Аграрно-социалистической лиги, начинающая доминировать в эсеровских кружках, представляла собою сколок со старого оригинала народничества. Снова на арену выступает община, подкрепленная лозунгом «социализации земли», — снова деревня намечается в революционные путеводители городу, снова под спасительную сень словечка «народ» прячутся классовые противоречия, и личность вновь выпячивается, как доминирующее начало, в лице террористов.

---

[1]) Мещеряков. «Партия с.-р.».

Приспособляя программное эклектическое блюдо на всякий вкус, столь разнообразный у основного потребителя этого блюда — мелкобуржуазной интеллигенции, — эсеры вносили, конечно, и некоторые коррективы «в марксистском стиле», однако лишь в такой степени, чтобы не затронуть основную оппортунистическую подоплеку. В 1901 г. происходит об'единение Северного союза с Южным, и этим формально закладывается база для партии, окончательно оформившейся в начале 1906 г.

В период 1902—1905 гг. мы видим в партии с.-р. развертывание деятельности боевых террористических дружин (убийство Плеве Сазоновым в 1904 г., убийство великого князя Сергея Александровича Каляевым 4 февраля 1905 г.). Тип эсера-террориста — дитя интеллигентского индивидуализма, склонного всегда к актам единоличного характера. Террор, как тактика, представлял из себя никчемное оружие перед лицом зреющих сил массового революционного действия; к тому же, как правильно указал Луначарский, у эсеров он играл роль «вымогательства у правительства более либерального курса [1]), в противоположность террору народовольцев, стремившихся дать сигнал для выступления народной стихии. На ряду с этим формировался в партии эсеров тип прекраснодушного либерала, начиненного социалистическими стремлениями — на словах, и типично буржуазными наклонно-

1) А. В. Луначарский. «Бывшие люди».

стями — на деле. Нужно отметить, что весь руководящий штаб партии эсеров наводнялся именно этими университетски образованными лицами, имевшими тесный контакт с Союзом освобождения [1]). В прессе эсеры восхваляли русский либерализм. Так, например, они писали:

«Русский либерализм никогда не был классовым... Все наши либералы отстаивают чисто народные интересы» [2]).

Троцкий в своем предисловии к процессу эсеров писал:

«Уже в те времена целая пропасть отделяла молодого питерского ткача эсера, готового в любой момент отдать свою жизнь за дело рабочего класса, от интеллигента типа Авксентьева, гейдельбергских и иных студентов-философов, кантианцев, ницшеанцев, которые ничем не отличались уже тогда от мелкобуржуазных радикалов Франции, — ничем иным, кроме несколько большего количества иллюзий и меньшей культурности».

У этих правых элементов партии эсеров все более крепнет связь с либеральной буржуазией, и, наконец, в 1904 г. связь эта закрепляется так на-

---

[1]) Союз освобождения организовался в 1902 г. из кругов либеральной буржуазии; впоследствии он распался, дав лидеров партии к.-д. (Струве, Милюков).

[2]) «Вестник русской революции», № 1. (Цитата по Мещерякову).

зываемым Парижским блоком[1]). Хотя блок этот в конце концов потерпел крах, однако самая попытка к об'единению с буржуазией весьма характерна для будущих коалиционеров 1917 г. Нет ничего удивительного, что в 1903 г. на II с'езде социал-демократия признала эсеров буржуазно-демократической фракцией и осудила всякие блоки социал-демократов с эсерами.

В 1905 г. обстановка боевых революционных действий захватила своей мощной волной эсеров, и поскольку они шли за этой волной, не выявляя самостоятельной тактики, постольку возможны были временные соглашения пролетарской партии с ними. Эсеры руководили в этой революции союзами интеллигентов и учащейся молодежью и поэтому играли в этой революции положительную роль. Их революционный заряд был еще не истрачен, поскольку необходимо было завоевать у царизма политическую свободу.

Перейдем теперь к анализу партийной программы эсеров, принятой на I с'езде партии на грани 1905 и 1906 гг. Ленин так характеризовал эту программу:

> «Принципиальная часть нового проекта программы составлена, как окрошка, — смесь всего что угодно с чем угодно: немножко классовой

[1]) Туда были приглашены представители от национальных организаций социалистов и от буржуазных либералов типа польских народовцев и русских освобожденцев.

борьбы (О! Мы за борьбу классов!), с немедленной добавкой (поправкой) из теории «героев и толпы» (Да здравствует террор!), плюс удивительная одновременно триединая (как един бог в трех лицах) точка зрения пролетариата, крестьянства и интеллигенции; немножко от теории концентрации, немедленная «поправка к поправке», далеко, дескать, не везде и совсем отсутствует в сельском хозяйстве России» [1]).

На с'езде в основу теории с.-р. был положен старый народнический хлам, подправленный марксизмом, а в основу тактики выдвинут террор. Несмотря на то, что доклады с мест о состоянии работы среди крестьянства показали полную ничтожность связей эсеров с деревней, — они все-таки продолжали твердить, что «пролетариат слишком узкая база», что «ждать от города инициативы нельзя и возбуждающим моментом может явиться лишь деревня» [2]). Пресловутая эсеровская социализация земли, скрывавшая под громким названием просто-на-просто уравнительный передел земли после конфискации крупных имений, — взятая изолированно, не заключала в себе, конечно, ничего социалистического. При условии буржуазного господства, эта мера носила характер буржуазно-демократической реформы, расчищающей путь капиталистическому развитию.

---

[1]) Цитировано по Мещерякову.
[2]) Протоколы I с'езда эсеров (дел. Рощин).

Между тем эсеры расценивали «социализацию земли» как начало новой эры, которая откроет ворота к социализму. Стоит только провести социализацию, как тотчас откроется возможность методически и размеренно реформировать общество по пути к социализму. Этот типичный реформизм, не высказанный прямо в программе, сквозил, однако, вполне явственно из-за мнимо-социалистической фразы. Вскоре после с'езда у эсеров начинаются расколы; чуть успевшая оформиться партия дает уже трещины по всем швам. Справа отделяются от нее народные социалисты, жаждущие легального существования; слева — максималисты, выдвигающие требование социализации фабрик и заводов одновременно с социализацией земли, т.-е. уравнение в правах на социализм города с деревней, а также стремящиеся применить в деревне так называемый «аграрный террор». Таким образом, и справа и слева отпадают от партии эсеров наиболее ярко выраженные элементы; однако, несмотря на это, в этой партии продолжает царить пестрота всевозможных течений, какую мы видели в зародыше на заре ее зарождения. Вся дальнейшая работа эсеров все более и более концентрируется вокруг террора. Орган ЦК «Знамя труда» (№ 45) признавался впоследствии: «В нашей партии было течение, отлагавшее всякую социалистическую работу на следующий день после победы и возвеличивавшее боевую работу над всякой другой».

Благодаря тому ореолу, которым ЦК окружил боевую организацию, она становилась на позицию вполне самодовлеющую, надпартийную. Такая политика способствовала той провокаторской паутине, которую сплел вокруг этой организации Азеф, благодаря бесконтрольному положению боевой организации. Когда вскрылась ужасная картина предательства Азефа, когда обнаружилось, что вся боевая организация фактически плясала по указке охранки, — в партии наступила тяжелая реакция. Судебно-следственная комиссия по этому делу констатировала «преувеличенное значение, какое при основании партии с.-р. придавалось руководящими ее сферами террору и боевой организации, требования которой удовлетворялись при недостатке средств в ущерб другим отраслям партийной деятельности, и с другой стороны — в преувеличенной оценке тех членов, которые умели вести боевое дело». Благодаря такой политике Азеф мог стать «единственным властелином организации». Провокация бывала во всех партиях, но только в партии эсеров могла она сыграть такую роль благодаря тому, что массовой работы эсеры не вели, и вся их тактика была построена на терроре. Поэтому после раскрытия предательства Азефа (в 1908 г.) партия эта начинает катиться под уклон, работа в ней на долгие годы почти замирает, ликвидаторское крыло усиливается и крепнет. Вот как характеризовала

свою партию откровенная брошюра, изданная группой парижских социал-революционеров:

«Партийная масса была воспитана на официальном катехизисе и дисциплинирована в чувствах слепого преклонения перед центром партии, как единственным источником партийной мудрости... С монополией идейного руководства соединялась монополия организационного руководства. Управление сосредоточилось в руках проникнутой бюрократическим духом касты... В партии появились нравы непотизма и кумовства... Рост партийной бюрократии и рост бюджета обусловили друг друга. В партии особенно ценными начинают казаться лица, имеющие денежные средства или могущие доставить денежные средства. Они возвышаются до самых верхов партийной иерархии» [1]).

Эта ценная характеристика, с одной стороны, ярко выявляет перед нами картину олигархических нравов в партии эсеров, с другой — подчеркивает преклонение партии перед лицами, приносящими ей денежные средства, т.-е. перед выходцами из богатых буржуазных семейств, которым она предоставляет руководящие посты. Эти-то видные партийные руководители сложились в особую касту,

---

1) Спиридович. «Партия с.-р. и ее предшественники».

которая, сидя в ЦК, дирижировала направо и налево. Налево располагались те последовательно-демократические слои рабочих и крестьян, которые были искренними, хотя и малосознательными революционерами, направо стояли либерально-буржуазные элементы, для которых партия эсеров была лишь временным полустанком по пути к кадетам. Общественная реакция, наступившая после разгрома революции 1905 г., особенно сильно сказалась на неустойчивых элементах мелкой буржуазии, которая провозгласила теперь «культ малых дел» в рамках царизма. Это ликвидаторское крыло стало доминировать в партии эсеров. Вот как об этом пишет в своих воспоминаниях «Из недавнего прошлого» эсер Зензинов: «Смысл нашего существования мы видели лишь в том, чтобы пронести идею партии через глухое время до времен лучших. Мы старались прежде всего, чтобы тлеющий огонек нашей партии не погас окончательно в это глухое время». Прогрессирующий упадок партии эсеров завершился в 1914 г. расцветом оборончества. За границей сложилась организация «починовцев», ведущих позорную патриотическую агитацию за примирение классов во имя успеха войны (Авксентьев, Бунаков, Лебедев и др.). Так происходила консолидация руководящего штаба партии эсеров на буржуазной платформе, готовя в будущем предательские удары тому крестьянству, интересы которого на словах ставились партией во главу угла программы.

Мы видели, в каком оппортунистическом соку варилась партия эсеров накануне Февральской революции, — к подготовке этой революции эсеры во всяком случае не были причастны. Когда рабоче-крестьянский молот свалил гнилые стены самодержавия, эсеры сразу вынырнули на поверхность политической жизни и успешно стали захватывать позиции. Изобилие мелкой буржуазии в России не могло не дать расцвета этой партии. С одной стороны, в партию эсеров, благодаря расплывчатости ее программы и терпимости к разным оттенкам внутри партии, сразу хлынули аморфные массы городского мещанства, обывателей, вчерашних офицеров, чиновников и даже генералов, заполняя и усиливая своим веским баластом правое крыло партии; с другой — героическое прошлое партии, заманчивые лозунги «Земли и воли», уравнительный передел земли, столь близкий и понятный крестьянству, вызвали в нем широкое тяготение к этой партии (нужно к этому добавить еще и то, что партия эсеров, располагая значительными денежными средствами и обилием мелкобуржуазных интеллигентских работников в деревне, сумела ловко и быстро раскинуть везде на местах свои сети). В партии все более обнаруживался, таким образом, рост полярных тенденций; с одной стороны, низовые кадры, последовательно-демократически настроенные, с другой — верхи, все более переполняющиеся элементами буржуазными, прикрывающими свои аппе-

титы левой фразой. Когда-то Ленин с изумительной прозорливостью оттенил этот контраст, говоря о трудовиках в Думе:

«Интеллигенты-народники тяготеют к примирительной или «общечеловеческой» фразе. В них всегда чувствуется либерал. Точка зрения классовой борьбы им органически чужда. Они резонеры. Они тянут демократическое крестьянство назад, от живой и непосредственной борьбы с его классовым врагом к туманной, вымученной, бессильной якобы социалистической фразе.

Крестьяне-народники в обеих первых думах — огонь, страсть. Они полны стремления к непосредственному и решительному действию. Они темны, необразованы, наивны, но против своего классового врага они поднимаются с такой прямотой, непримиримостью, ненавистью, что вы ощущаете серьезнейшую общественную силу.

Другими словами: интеллигенты-народники из рук вон плохие социалисты и размагниченные демократы. Крестьяне-трудовики вовсе не играют в социализм, который им абсолютно чужд; но они «нутряные», искренние, горячие и сильные демократы... совершенно несомненно, что может победить трудовическое крестьянство только

вопреки тем тенденциям, которые привносит в его движение народническая интеллигенция (курсив мой. — *Н. Ш.*). Жизненная, свежая, искренняя демократия в состоянии победить при благоприятной исторической обстановке, — а «социалистическая» фраза, народническое резонерство никогда победить не может» [1]).

Нельзя понять того колоссального, хотя и непродолжительного успеха, который выпал на долю партии эсеров, если не учесть наличия в ней этих двух столь различных струй, которые вмещались в ее гостеприимных берегах. Струя подлинно демократическая, в лице левых элементов партии, тесно сплеталась с деревней, приобретала на местах доверие крестьянства и руководила его борьбой; струя либерально-буржуазная, вовлекая все больше буржуазных попутчиков, прочно обосновалась в центральном штабе партии и давала своему рулевому директиву забирать все более вправо. Мы видели выше, что этот генеральный штаб партии эсеров прошел уже великолепную школу ликвидаторства, которая его чрезвычайно сблизила с буржуазным лагерем, а по своему социальному составу он был также тесно спаян с миром капитала. Бухарин в своей речи на процессе эсеров отмечал [2]):

---

[1]) Ленин, соч., т. XII, ч. 2. «Что делается в народничестве и что делается в деревне» (февраль 1913 г.)

[2]) Процесс эсеров. Речь защитников II группы.

«При беглом анализе партии с.-р. поражает один замечательный факт: ни в одной псевдореволюционной или революционной группировке вы среди руководителей командного состава не найдете столько миллионеров, сколько вы найдете в командном составе партии с.-р. Ни в одной партии вы не найдете такого группового явления, как в партии с.-р.: Гоц — торгово-промышленная фирма, Фундаминский — торговля брильянтами, Рабинович — крупная фирма, Зензинов — владелец больших чайных плантаций и пр. Факт определенный. Кадровый состав высших руководителей партии с.-р. — это есть выходцы не просто из семейств разночинного интеллигента, а выходцы из семейств крупного капитала».

Немудрено, что кадеты могли шутливо спрашивать у эсеров, как сделал это Кривошеин на Ясском совещании: «Скажите, пожалуйста, какой ценз требуется для поступления в вашу партию?» (он обращался в данном случае к Титову и Фундаминскому [1]). Вопрос был в том: которое крыло в партии победит и станет у кормила — последовательно-демократическое или буржуазно-либеральное. История нам дала уже на это исчерпывающий ответ — победило течение буржуазное: во-первых, потому, что оно колоссально выросло, обогатившись в лице «мартовских» эсеров типично буржуазными попут-

[1] Маргулиес. «Мемуары». Сб. «Борьба за Урал и Сибирь»

чиками, во-вторых, потому, что оно уже давно стояло у руля партии в лице общепризнанных вождей, и, в-третьих, потому, что левое крыло, состоящее из распыленных на периферии элементов, с трудом поддавалось организационному оформлению, вследствие отсутствия вожаков. Победой правого крыла об'ясняется вся послефевральская политика партии эсеров, продавших интересы крестьянства за чечевичную похлебку коалиции с буржуазией. В сущности, выражение «правое и левое крыло» несколько искажает картину — вернее будет сказать, что в центре партии группировались типично буржуазные тенденции, а на периферии в распыленном состоянии были рассеяны левые элементы низовых работников, которые именно вследствие этой своей распыленности (свойственной мелкобуржуазному укладу жизни) не могли организованно влиять на решения своего ЦК. Крестьянские массы, введенные в заблуждение левой фразой партии эсеров, не разбираясь в хаосе ее полярно-противоположных тенденций, пошли на приманки эсеровской программы и обеспечили ей успех во всех крестьянских комитетах. На I с'езде крестьянских депутатов, а затем и в Исполнительном комитете царили вожди типа ликвидатора-оборонца Авксентьева, мартовского эсера Керенского и бессменного члена ЦК Чернова, искушенного в способах балансирования между правыми и левыми. После кризиса первого цензового правительства партия

эсеров совместно с меньшевиками спасает пошатнувшееся положение буржуазии, вступая с ней в коалицию; этим шагом они впряглись в буржуазный воз и потащили его под прикрытием социалистических фраз на торную дорогу капиталистической реставрации.

> «Как и для их французских предшественников (радикалов *Н. Ш.*) — пишет М. Н. Покровский — для наших эсеров пагубно было прикосновение к власти. Власть приводит радикала в непосредственное соприкосновение с крупным капиталом. А мещанин не может видеть крупного капиталиста рядом с собой в одной плоскости, чтобы не поддаться его обаянию. Ему, — «социалисту» кажется, что без капиталиста он погиб и все погибли...» [1]).

Действительно, все то судорожное цепляние эсеров за «коалицию всех живых сил», за то «священное единение» классов, которое одно только способно привести революцию к гармоническому процветанию, — изобличает страх мелкого буржуа перед перспективой остаться без столь могучего союзника, каким в его глазах является крупный капитал. С другой стороны, мелкий буржуа прежде всего по своей социально-экономической природе индивидуалист и не в состоянии поэтому понять и оценить

---

[1]) Сборник «На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией», ст. М. П. Покровского «Идеология эсеров за два последних года».

значение творческих сил масс, в движении которых он способен усмотреть лишь хаос и анархию. Чернов признавался на IV с'езде: «Мы переоценили силы буржуазии и недооценили сил демократии, и это имело фатальное значение» [1]).

Зажатый в тиски этого двойного страха мещанин в лице эсера или меньшевика готов был итти на какие угодно компромиссы с буржуазией.

«Секретная болезнь всей мелкой буржуазии, — писал Ленин, — во-первых, в полной неспособности к самостоятельной политике, во-вторых, в боязни довериться революционному пролетариату и поддержать его самостоятельную политику беззаветно; в-третьих, в неизбежно вытекающем отсюда скатывании к подчинению кадетам и буржуазии» [2]). На протяжении коалиционной чехарды от Февраля к Октябрю эсеры поддерживали вместе с кадетами империалистические поползновения Временного правительства в виде наступления 18 июня (в то время как их делегаты раз'езжали по Европе в виде запоздалых аргонавтов за золотым руном мира); вместе с к.-д. они призывали рабочих к воздержанию от «неумеренных требований» контроля над производством в то время, когда цепь локаутов уже готова была схватить за горло пролетарские кадры; вместе с к.-д. они тормозили аграрную ре-

---

[1]) Протоколы IV с'езда. Речь Чернова.

[2]) Ленин, соч. т. XIV, ч. I «Из какого классового источника приходят и придут Кавеньяки».

форму до Учредительного собрания и посылали карательные экспедиции в непокорные деревни. Наконец, ответственность за корниловщину ложится также на них, ибо после событий 2—3 июля они сдали добровольно позиции надвигающейся реакции во имя подавления анархии и победы на фронте. Мы не имеем возможности останавливаться на всей этой эсеро-меньшевистской эпопее, остановимся лишь на вопросе, непосредственно касающемся нашей темы: как складывались в этот период отношения эсеров с крестьянством. Положение о земельных комитетах, изданное в редакции Шингарева и постановлявшее передавать крестьянству те земли, которые помещики не смогут сами обработать, а в остальном дожидаться Учредительного собрания, — естественно, не могло удовлетворить крестьян, и под их давлением земельные комитеты стали явочным порядком брать в свои руки все те земли, которые до сих пор на кабальных условиях сдавались помещиками в аренду. Приход к власти «селянского министра» Чернова не мог внести никакого изменения к лучшему. Наоборот, как он сам признается в своей статье, в бытность его министром реакция в деревне все более наглела, выступая в лице Союза земельных собственников:

«Это было время, когда воскрес и возродился щедринский «дикий помещик», типичный «зубр», поднявший голову, ободрившийся, решивший взять реванш за все времена недавней

уступчивости. Началась эпоха заносчивого помещичьего максимализма, аррогантского и брутального... Возник Союз земельных собственников, развивший лихорадочную демагогическую деятельность, побуждавший помещиков к неуступчивости» [1]).

Что же было создано «селянским министром» в противовес этому засилью реакции? Временное правительство оказывало возродившемуся зубру полную поддержку, и в то время как Чернов в поте лица трудился над составлением десяти неотложных законопроектов, которые, увы, никак не могли осуществиться, — на места, как из рога изобилия, сыпались циркуляры за циркулярами в защиту незыблемых прав помещичьей собственности и с угрозами против революционных действий наиболее «левых» земельных комитетов. Сезон уборки сена вызвал, ввиду недостатка кормов, попытку некоторых комитетов распределить помещичьи сенокосы, — а это еще более обострило отношения. Земельные комитеты стали подвергаться репрессиям и арестам; в деревни, проявившие самочинную инициативу, поскакали карательные отряды. Арефьев на II крестьянском с'езде рассказывал, как Церетели и Пешехонов одновременно издали 20 июля циркуляры, обвиняющие земельные комитеты в потворстве захватам и сводящие их деятельность к нулю: «Цир-

1) «Единственный выход». «Дело народа». 6 октября.

куляры были разосланы по телеграфу, тогда как обычно распоряжения, облегчавшие хоть немного положение трудящихся, доходили лишь через месяц. Эти циркуляры вызвали огромное смятение в рядах крестьян, которые поняли, что даже министры-социалисты гнут на руку помещикам».

В результате такой политики крестьянин, который на I с'езде рукоплескал Черновым и Керенским, который со смиренной покорностью соглашался ждать до Учредительного собрания, вручив защиту своих интересов партии эсеров, начинает понимать, как далеко от эсеровских посулов до действительности. В эсеровских земельных комитетах, которые были организованы так, что их демократичность убывала по мере расширения круга их компетенции, — сложилась такая картина, что низовые волостные комитеты, обслуживаемые низовыми же эсеровскими работниками, были настроены гораздо революционнее, чем уездные и губернские. Вот оценка самих эсеров: «Текущая земельная политика сосредоточилась в волостных земельных комитетах, которые менее склонны были считаться с устаревшими нормами закона. Роль высших местных инстанций свелась к разбору жалоб помещиков, которыми они были буквально завалены» [1]).

Мы здесь видим уже прослеженную нами полярную противоположность в деятельности низо-

---

[1]) «Известия Всероссийского крестьянского с'езда», № 11.

вых демократических слоев партии эсеров и ее интеллигентской верхушки. Конечным завершением этой картины предательства крестьянских интересов является проект Маслова, который для успокоения крестьян хотел создать куцый арендный фонд, а земельные комитеты превратить — по остроумному определению Ленина — в «сборщиков арендной платы для господ благородных помещиков».

По этому поводу Ленин писал:

> «Эсеры, получившие благодаря бессознательной доверчивости крестьян большинство во Всероссийском исполнительном комитете советов крестьянских депутатов, изменили крестьянам, предали советы крестьянские, перешли на сторону помещиков» [1]).

Володарский на чрезвычайном крестьянском с'езде очень метко вскрыл двурушническую тактику партии эсеров: «Чернов говорил, что за исполнение его приказов арестовывали. Но кто же арестовывал? — Авксентьев! А Исполнительный комитет крестьянского совета протестовал. А председателем Исполнительного комитета был тот же Авксентьев. Он и арестует, он же и протестует. Как председатель Исполнительного комитета ходатайствует об освобождении, как министр — отказывает» [2]). Но как же реагировало на все это само крестьянство,

---

[1]) Ленин, соч., т. XIV, ч. 2. «Новый обман крестьян партией эсеров».

[2]) Черненков, ст. в сб. «Год русской революции».

неужели эти убедительные уроки не разочаровали его в партии эсеров? Послушаем, что об этом говорили сами эсеры: «В первых числах августа при Исполнительном комитете совета крестьянских депутатов в Петрограде с'езд представителей крестьянских организаций от армии и флота подверг резкой критике деятельность Временного правительства... Созванный с'езд представителей губернских советов крестьянских депутатов прошел чрезвычайно бурно. Почти половина с'езда (левые эсеры) обвиняла Временное правительство и Исполнительный комитет в том, что они продались буржуазии, требовала однородного социалистического министерства, немедленной передачи всей земли в ведение земельных комитетов и немедленного созыва Учредительного собрания. Той солидарности, какая царила в мае (на I с'езде. — *Н. Ш.*), уже не было». Мы видим, как сильно назрело уже в крестьянстве недовольство двусмысленной политикой эсеров. На авансцену выступало теперь уже левое крыло партии, успевшее оформиться в значительную силу (половина с'езда шла под их знаменем).

Как показали доклады с мест на I с'езде левых эсеров, движение шло с периферии, с самых низов, и очень долго не могло организационно сформиться из-за отсутствия вождей. Вся интеллигентская верхушка партии эсеров, за немногими исключениями, осталась верна правому течению. Уже на

III с'езде партии организовалось особое бюро левых эсеров. Орган Северного областного комитета «Земля и воля» перешел всецело в руки левых эсеров, где они 9 июня поместили свое воззвание от имени «организационного бюро левых эсеров». После этого ЦК потребовал ликвидации бюро, что во избежание раскола было ф о р м а л ь н о выполнено. Однако борьба все усиливается. В Финляндии левые эсеры, Устинов и Прошьян, развивают работу, и ЦК исключает их из партии [1]). На VII совете партии левое крыло выступает еще определеннее и резче и, наконец, в предпарламенте оно уже и при голосовании фракционно обособляется и голосует вместе с большевиками. В октябре левые эсеры подвергаются исключению из партии за то, что они остались на II с'езде советов после того, как их партия этот с'езд покинула. Мы видим, что раскол назревал давно и что только политикой ЦК, избегающего раскола до последнего момента из боязни лишиться поддержки масс, — об'ясняется противоестественное сожительство под одним партийным флагом Авксентьева и Камкова. После исключения из партии левые эсеры собирают свой с'езд, где они об'являют себя настоящей партией эсеров в противовес оппортунистическому ее течению. Интересна характеристика очевидцев этого с'езда [2]): «Первое, что

[1]) Покровский. «Очерк истории Совета крестьянских депутатов» (Сб. «Год русской революции»).

[2]) «Известия Чрезвычайного всероссийского крестьянского с'езда», № 12.

бросается в глаза, — это его серый, демократический состав. Почти отсутствует интеллигенция, нет внешнего блеска и яркости в речах. Сюда пришла масса крестьян, рабочих и солдат, которые жаждут правдивого революционного слова». Из всех сообщений с мест выявлялось, как сама трудящаяся масса, попавшая в тенета эсеровской западни, пробивала себе новые пути при полном почти отсутствии интеллигентских вожаков. В таких организациях, как ленинградская, кронштадтская, вся рабочая и матросская масса, вовлеченная в партию эсеров, всецело перешла к левым эсерам. Серый демократический состав с'езда, пришедший с той периферии партии, где находились все последовательно-демократические элементы, не желающие компромисса с капиталистами и помещиками, — пришел сюда, чтобы сбросить путы эсеровского обмана и найти новое революционное руководство. Однако и здесь эта заблудившаяся рядовая масса не могла обрести вождей, столь неуклонно революционных, каких она искала. Все, кто выступал в эти дни в качестве вождей рядовых левых элементов партии, — все они были питомцами этой партии и потому впитали в себя массу предрассудков и иллюзий этой партии. Так, например, Камков говорил: «Мы боролись со стремлением большевиков осуществить диктатуру пролетариата и противопоставляли ей диктатуру демократии, но, несогласные с методами большевиков, мы

не могли остаться праздными зрителями той борьбы, которую вели рабочие и солдаты против буржуазии».

В период своих примиренческих попыток левые эсеры хотели протащить к власти тот соглашательский концерн, который за собою тянул все ту же опрокинутую коалицию «живых сил». Вопросы «генерального штата свобод», [1]) вопросы допустимости террора — все вопросы «чистой демократии» решались левыми эсерами в плоскости их мелкобуржуазного мировоззрения. Поэтому политика левых эсеров не могла итти всецело в ногу с политикой пролетарской партии, и в конце концов они снова сорвались с правильного пути под влиянием националистических предрассудков (восстание левых эсеров). Однако в момент Октябрьской революции за ними признается большая заслуга, что они временно возглавили трудовое крестьянство и повели его за пролетариатом во имя осуществления аграрной реформы. Они послужили тем мостиком, по которому крестьянство прошло на сторону советов в решительные дни Октября; но это же крестьянство уже не пошло за ними, когда, повинуясь националистическим предрассудкам, они выступили с восстанием против советской политики мира. Пройдя по лево-эсеровскому мостику на сторону советов, крестьянство больше не нуждалось в этом мостике — оно сомкнулось в единый стан под руководством

---

[1]) Определение Маркса.

пролетарской партии — большевиков. Наряду с этим левым крылом существовало в партии эсеров особое организационное бюро из крайне правого крыла, которое имело особый печатный орган «Воля народа». Воленародовцы были совершенно тождественны по своим лозунгам с народными социалистами и группой единства, и недаром они поэтому с ними коалировали (на Западном фронте они составили общий список к выборам в Учредительное собрание, игнорируя список своей партии). Несмотря на постановление своего ЦК, воспрещавшее отдельные списки в Учредительное собрание, они, обвиняя ЦК в циммервальдизме и пораженчестве, выступают во многих местах со своими отдельными списками, а Аргунов в «Воле народа» грозно восклицал: «Ни одного голоса спискам, подобным № 3, где на ряду с правыми эсерами включены и левые эсеры, ибо они не наши кандидаты-избранники, а наши врати»[1]). Зензинов в своем отчете на IV с'езде говорил: «ЦК проявлял большую терпимость. Стоя перед угрозой раскола, он блюл единство партии»[2]).

Да, поистине ЦК блюл единство партии, — но во имя чего это делалось? Не во имя ли обмана народных масс, которые не могли разглядеть его двурушничества? Бухарин великолепно охарактеризовал эту партию:

---

1) „Воля народа“, № 168.
2) Краткий отчет IV с‘езда.

«Партия с.-р. представляла такой конгломерат, который состоял из различных социальных частей... Но посреди, как некоторый регулирующий принцип, как некое абстрактное божество, которое тем не менее было воплощено в весьма конкретных лицах, сидела некая клика, сравнительно очень узкая, которая дирижировала теми и другими и расставляла на шахматной доске своих политических геройских актов разные персоны с той точки зрения, как это было нужно этой клике» [1]).

Вот одним из таких выигрышных номеров в игре на два фонта с левым и правым крылом и получилась у партии эсеров победа при выборах в Учредительное собрание. Однако трудовые массы, в лице своих советов, не позволили этой партии использовать плоды своей фальсифицированной победы для того, чтобы в союзе с буржуазией снова надеть цепи капитализма на революционный народ.

Мы не будем останавливаться здесь на партиях-лилипутах, вроде народных социалистов (правого ответвления эсеров), и группы «Единства» (последователей Плеханова). Все эти мелкие группировки без веса и значения путались возле буржуазных партий, помогая им своим неистовым лаем мелких дворняжек капитализма в травле советов. На выборах в Учредительное собрание они собрали совер-

[1]) Процесс эсеров. Речи защитников II группы.

шенно ничтожное количество голосов. Такая же плачевная участь постигла и партию меньшевиков, которая быстро потеряла кредит у пролетариата в процессе коалиционных потуг. Из рассмотрения буржуазных и мелкобуржуазных партий мы можем сделать тот основной вывод, что ни одна из этих партий не была способна завершить революцию даже в пределах буржуазно-демократического ее размаха. Только одному пролетариату было под силу произвести грандиозную чистку феодально-помещичьего порядка для того, чтобы в дальнейшем строить на расчищенном месте великий дворец социализма.

III. ПОЗИЦИЯ СОВЕТСКОГО И АНТИСОВЕТСКОГО ЛАГЕРЯ В ОТНОШЕНИИ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ

Еще задолго до Октябрьского переворота, когда уже ясно наметилась установка на захват власти советами путем вооруженного восстания, лозунг Учредительного собрания предстал в ином освещении. Раньше — лозунг этот звучал, как набат, зовущий к собиранию сил общедемократического фронта в борьбе с засилием буржуазии во Временном правительстве. Учредительное собрание тогда противопоставлялось не советам, а диктатуре буржуазии, которая при содействии «министров-социалистов» уже готовилась железным кольцом сдавить

за горло революцию. Когда же с каждым днем стали крепнуть ряды под большевистскими знаменами с лозунгом «Вся власть советам!», когда массы осознали измену соглашателей и отшатнулись от них, когда вследствие этого на очередь дня встал вопрос вооруженного восстания,— тогда лозунг Учредительного собрания померк и перестал играть самостоятельную роль; перед лицом будущей Республики советов Учредительное собрание приобретало значение лишь подсобного оружия для наиболее безболезненного перехода к советскому режиму. Само собой разумеется, что рассуждая теоретически, в Учредительном собрании надобности не было после Октябрьской революции, которая открыла новую эру государственного управления советами, неизмеримо лучше, полнее и динамичнее отражавшими подлинное настроение рабоче-крестьянских масс; но необходимо было учесть его значение с точки зрения тактики данного исторического момента. Созыв Учредительного собрания мог бы оказаться совершенно ненужным лишь в том гипотетическом случае, если бы весь пролетариат целиком был бы столь же сознателен, как его авангард, и если бы ему, кроме того, не противостояло то огромное море мелкобуржуазной массы, которое необходимо было завоевать. Этого, конечно, не могло быть в условиях русской действительности, и вот почему нужно было думать не о доктринерской принципиальности, а о диалектическом видо-

изменении лозунга Учредительного собрания в приемлемую форму. Каков бы ни был исход выборов в Учредительное собрание—получили бы большевики большинство или этим большинством завладели бы антисоветские партии — совершенно необходимо было выявить на деле этот исход и сделать его понятным для широких масс. По многим признакам, накануне выборов в Учредительное собрание можно было надеяться, что нарастающая волна большевизации широких масс даст и в Учредительном собрании советское большинство. (И действительно, как увидим ниже, такой исход был очень близок к осуществлению, не будь некоторых привходящих моментов, отрицательно сказавшихся на выборах). В этом случае должна была временно выступить на арену политической жизни «комбинированная форма государственности», в виде дружного сосуществования и совместной работы органов советской власти и Учредительного собрания. В этот переходный момент Учредительное собрание, провозгласив незыблемой власть советов, подтвердив все ее декреты и наметив вехи для дальнейшего социалистического строительства, мирно закрылось бы, завершив этим круг своей работы. Смешно было бы думать, что советская власть нуждалась в санкции Учредительного собрания. Власть, рожденная в огне и буре революции, получила высшую санкцию в процессе самой революции, в лице непосредственной живой поддержки масс, которые

затем подтвердили свою волю в лице советов, но в глазах мелкобуржуазных партий, зараженных парламетарными предрассудками, эта санкция Учредительного собрания могла сыграть немалую роль, обезоруживая до известной степени их антисоветскую позицию и, тем самым, смягчая ужасы предстоящей гражданской войны (как известно, впоследствии все антисоветские выступления прикрывались лозунгом Учредительного собрания). К тому же санкция Учредительного собрания могла произвести значительное впечатление на империалистические правительства Европы. Следовательно, на карту было поставлено слишком многое, чтобы можно было отказаться от созыва Учредительного собрания, как от ненужного осложнения. С другой стороны, даже и в том случае, если бы в Учредительном собрании победил антисоветский лагерь,— созыв его был необходим, чтобы дать возможность массам на опыте убедиться в контр-революционной сущности его. В своей речи на II конгрессе Коминтерна Ленин говорил по этому поводу:

«Мы прошли через период диктатуры буржуазной демократии. Мы быстро прошли через нее в то время, когда мы были вынуждены агитировать за выборы в Учредительное собрание. И впоследствии, когда рабочий класс уже получил возможность захватить власть, крестьянство еще верило в необходимость буржуазного парламента.

Считаясь с этими отсталыми элементами, мы должны были об'явить выборы и показать массам на примере, на фактах, что это Учредительное собрание... не выражает чаяний и требований эксплоатируемых масс. Тем самым конфликт между советской и буржуазной властью стал вполне ясен не только для нас, для авангарда рабочего класса, но и для громадного большинства крестьянства, для мелких служащих, мелкой буржуазии и т. д.» [1]).

Действительно, если мы предположим на минуту, что партия большевиков стала бы в данном случае на точку зрения «левой оппозиции» и отказалась бы от созыва Учредительного собрания, то тем самым она сыграла бы только на руку контр-революции, укрепив ее шансы на сто процентов. Эсеры и меньшевики получили бы тогда широкий простор для демагогической агитации, окутывая Учредительное собрание ореолом святости перед лицом малосознательного крестьянства и отсталых слоев пролетариата, спекулируя на том, что-де большевики лишили «народ» единственного в своем роде целительного бальзама от всех бед. Но после того как Учредительное собрание заседало только один день, вскрылась с полной очевидностью его антисоветская позиция, растаял, как дым, сплетенный вокруг него мираж величия и погас ореол преклоне-

---

[1]) Ленин, т. XVII. «О парламентаризме».

ния перед ним даже у отсталых масс. В партии большевиков были различные оттенки мнений в отношении Учредительного собрания, отклоняющиеся от основного ленинского стержня. Один из этих уклонов, исходя из неправильной предпосылки о недостаточной еще зрелости почвы для вооруженного захвата власти советами, склонен был преувеличивать значение Учредительного собрания. Представители этого уклона говорили: «Советы должны быть револьвером, приставленным к виску правительства с требованием созыва Учредительного собрания». На это Ленин отвечал:

> «...револьвер без пули? Если да, то это прямой переход к Либерданам, которые тысячу раз об'являли советы «револьвером» и тысячу раз обманывали народ... А если револьвер «с пулей», то это и есть техническая подготовка восстания...» [1]).

Далее Ленин беспощадно бичует заблудившихся товарищей:

> «Мы усиливаемся с каждым днем, мы можем войти сильной оппозицией в Учредительное собрание, к чему нам все ставить на карту...
>
> Довод филистера, который «читал», что Учредительное собрание созывается и доверчиво успокаивается на легальнейшем, лой-

[1]) Ленин, соч. т. XIV, ч. II «Письмо к товарищам».

яльнейшем, конституционом пути... Живая жизнь исчезает — остается только бумажка о созыве Учредительного собрания... Вместо того, чтобы напасть на заговорщиков и сломить их ряды победой советов рабочих и солдатских депутатов, будем ожидать Учредительного собрания, где голосованиями победятся все международные заговоры».

Другой уклон впадал в излишнюю левизну... тов. Сталин говорит:

«Характерно, что т. Троцкий не понимает этой особенности большевистской тактики, фыркая на теорию сочетания Учредительного собрания с советами, как на гильфердинговщину. Он не понимает, что допущение такого сочетания при лозунге восстания и вероятной победе советов, связанное с созывом Учредительного собрания,— есть единственно революционная тактика, не имеющая ничего общего с гильфердинговской тактикой превращения советов в придаток Учредительнгого собрания, что ошибка некоторых товарищей в этом вопросе не дает ему основания хулить совершенно правильную позицию Ленина и партии — комбинированную государственность при известных условиях» [1]).

---

1) Сталин. «Путь к Октябрю».

Однако эти уклоны не были настолько сильны, и победоносная ленинская линия кристаллизировалась устойчиво в основном ядре партии. Путеводная звезда гениального вождя провела и на этот раз корабль революции единственно верной дорогой.

Посмотрим теперь, какую позицию занимали после Октября другие партии в вопросе об Учредительном собрании. Начнем с партии эсеров, мечтавшей о победе на арене парламентаризма, после того как она потерпела поражение в живом потоке истории. После восьмимесячного хозяйничанья «вкупе и влюбе» с кадетами, эсеры были низвергнуты «как нечестные опекуны революционного наследства, как ходатаи буржуазных интересов, как пособники капитализма» [1]), а теперь они надеялись взять реванш парламентским трюком. Как мы уже видели выше из анализа партии эсеров, эта партия, будучи неустойчивым конгломератом почти полярных элементов, начиная с последовательно-революционных в демократическом смысле мелкобуржуазных низов и кончая типично буржуазными представителями верхов, все больше обрастала слоем буржуазных попутчиков. Руль партийной тактики держали именно последние, их интересы стали доминирующими и совершено поглотили интересы широких крестьянских масс, которым партия эсеров давным-давно изменила.

1) **Из речи Клары Цеткин на процессе эсеров.**

Интересы этого крестьянства требовали самой решительной и коренной ломки буржуазного строя, открывавшей эру социальной революции, но этой ломки совершенно не хотели ни буржуазные верхи партии, в лице ее правого крыла, ни те широкие слои городского мещанства мелкобуржуазной обывательщины, которая с корнями приросла к буржуазному строю, с ним связывала все свое благополучие и к нему взывала в бурное время. Программа партии эсеров в ее демократической части постепенно выветривалась и превращалась в пустое место, поскольку ни грана из этой программы эсеры, будучи у власти, не смогли осуществить. Мы уже видели, каким пугалом для буржуазии было это Учредительное собрание, сколько дипломатических увертох пускали в ход кадеты, сколько энергии потратили они, чтобы затормозить и отсрочить эти выборы до той поры, когда сумерки реакции позволят им создать свою «бесподобную палату». Эсеры оказались и в этом вопросе в плену у своих буржуазных путеводителей и ничего не сумели сделать для ускорения выборов в Учредительное собрание. В центре коалиционного созвездия царило солнце буржуазии, а эсеры и меньшевики, как спутники, вращались в его орбите, фатально прикованные законом социальной инерции. И если бы не достаточная зрелость русского пролетариата, сумевшего, в лице своего авангарда — партии большевиков, раздробить это капиталистическое созвездие, поли-

тика эсеров, в конце концов, несомненно, проложила бы дорогу всероссийскому диктатору, как это в меньшем масштабе случилось на поучительном примере Самарской учредиловки и Колчака.

После Октябрьской революции партия эсеров открыто стала центральным штабом контр-революции, группирующейся под знаменем Учредительного собрания. Суб'ективно — эсеры искренне верили в спасительную силу «чистого парламентаризма» и «чистой демократии», которые должны были проявить свою целительную мощь при посредстве «всенародной воли», консервированной в избирательных урнах. Маркс ядовито высмеивал эту веру мелкого буржуа: «Дух народа глаголет им из глубины избирательных урн, как бог пророка Езекииля мертвым костям: «так рек господь бог своим костям: я вдуну в вас дух, и вы будете жить». [1]) Вот этот-то «дух народа», таящийся в глубине избирательных урн, обожествляли эсеры в своем слепом преклонении перед святыней парламентаризма. Вся эта суб'ективная оценка необходима для мещанина, как идеалистический флер, скрывающий от него пропасть классового антагонизма, которую он жаждет затушевать в гармоническом примирении — в стенах парламента. Об'ективно же, налицо был совершенно ясный факт об'единения вокруг знамени Учредительного собрания, — а следовательно, во-

[1]) Маркс, «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта».

круг партии эсеров — всех без исключения контр-революционных сил, сплоченных своей ненавистью к пролетарской диктатуре. Лозунг «Вся власть Учредительному собранию» в процессе диалектического развития событий превратился в послеоктябрьские дни из боевого лозунга демократического фронта против буржуазии в свою антитезу — в знамя контр-революции, под которым собирались все силы противодействия пролетарской власти. Злая ирония истории заставила не только Милюковых, но и Пуришкевичей подымать теперь здравицу за то Учредительное собрание, о котором раньше они не могли думать без ужаса. Когда юный гигант Октябрь, в лице пролетариата, зашатал по-настоящему столбы капиталистического здания, Учредительное собрание приобрело значение последнего спасительного оплота буржуазного мира.

> «Банкир, кричащий во все горло: «Вся власть Учредительному собранию», — писала в эти дни «Правда», — представлял бы уморительно комическую фигуру, если бы в этом подозрительном припадке демократизма не было глубокого и верного понимания буржуазных интересов... Только политические младенцы могут думать, что победоносное восстание против советской власти под лозунгом: «Вся власть Учредительному собранию» завоюет власть этому учреждению и политическим партиям его большинства. Победа антисоветского дви-

жения поставит у власти не мелкобуржуазных соглашателей, а самую подлинную буржуазную контр-революцию. Черновы будут отброшены напором справа, как были отброшены напором слева в Октябрьские дни... Как версальское собрание низвергло Парижскую коммуну, так наше Учредительное собрание, по мысли наших маленьких Тьеров, свергнет советскую власть. Но история не повторяется...» [1]).

Действительно, в эти дни вся буржуазная пресса, начиная с «Нового времени», была переполнена призывами: «Вся власть Учредительному собранию». То Учредительное собрание, которое до Октября переполняло страхом сердце помещиков и буржуазии, теперь среди бушующих волн Октября, грозящих смыть их господство, предстало перед ними как всеспасающий маяк. Нужды нет, что там по всем признакам могут получить главенство «тоже социалисты» эсеры. С этой-то партией капитализм может ужиться недурно, как выявилось в процессе коалиции. После своей победы эта партия, согласно своим традиционным позициям, немедленно выставит лозунг сплочения всех «живых сил страны» и «всенародного единения» во имя спасения «родины и революции», а под этим лозунгом она протащит восстановление капиталистического порядка. Во имя «единения» будут удовле-

---

[1]) «Правда» от 20 декабря 1917 г.

творены все «справедливые требования» помещиков и капиталистов, во имя «единения» рабочие и крестьяне будут призваны к спокойствию и умеренности, а непокорные обузданы «железом и кровью», а там постепенно будет расчищена дорога для долгожданного всероссийского диктатора, который «мощною рукою Россию вздернет на дыбы». Вот какие блестящие перспективы рисовались перед буржуазной общественностью, когда она призывала всех сплотиться вокруг Учредительного собрания. В связи с этим, на страницах «Речи» мы видим характерные строки [1]: «Знамя Учредительного собрания до сей минуты есть честное и незапятнанное знамя, и охрана его вручена эсерам, а посему — да здравствуют эсеры!» И далее: «Или берите в свои руки управление государством, и тогда на нашей стороне и право, и сила, и вечная благодарность всего русского народа (читай — буржуазии. — *Н. Ш*). Или исчезайте скорей, как освистанные актеры... Этот экзамен вы должны выдержать...» Пафос этого кадетского органа не может оставлять никаких сомнений в отчетливой и сознательной заинтересованности буржуазии, чтобы к власти пришла эта «ручная партия» эсеров, которую так легко впоследствии можно будет прибрать к рукам и затем в один прекрасный день вышвырнуть диктаторским сапогом.

---

[1]) Цитата по ст. «Наш экзамен». «Дело народа», 5 декабря 1917 г.

В 1884 г. Энгельс в своем письме к Бебелю предсказал будущую роль партии мелких буржуа:

«Так было во всех революциях, к власти приходит партия самая ручная, сохраняющая еще способность управлять, именно потому, что побежденные господствующие классы только в ней видят возможность спасения. Конечно, нельзя ожидать, чтобы к моменту кризиса за нас было большинство избирателей, большинство нации. Весь буржуазный класс, остатки феодального владеющего класса, большая часть мелкой буржуазии и сельского населения группируются тогда вокруг этой крайней буржуазной партии, которая тогда на словах выставляет себя крайне революционной. Я считаю весьма вероятным, что она займет место во временном правительстве и даже, возможно, останется там временно в большинстве... Во всяком случае, во время кризиса и на другой день после него, нашим единственным противником явится вся реакционная масса, об'единяющаяся вокруг чистой демократии, и этого, как я полагаю, ни в каком случае упускать из виду нельзя» [1]).

Какой смысл придавала буржуазия лозунгу «Вся власть Учредительному собранию», вскрывает в

---

[1]) Цит. по В. Быстрянскому. «Меньшевики и эсеры в русской революции».

своей статье газета «День»: «Вся власть Учредительному собранию!». Но власть — это не этикетка, не название и не резолюция. Власть — это борьба, власть — это победа... Образовав орган власти, Учредительное собрание формально ликвидирует власть большевиков. С этой точки зрения Учредительное собрание не хозяин, наводящий порядок в своих владениях, а пока только вождь народа, штаб его в борьбе за овладение хозяйством, которое надо привести в порядок. И в этой борьбе нет никаких половинчатых решений. Или Смольный или Таврический. Так и только так стоит вопрос» [1]. Итак, Учредительное собрание не хозяин, а лишь боевой штаб для овладения властью... буржуазией. Конечно, эсеры могут пригодиться в борьбе, как боевой штаб, а после победы настоящие хозяева в лице буржуазии найдутся и приберут к рукам народное хозяйство. В унисон с голосами Милюковых и Пуришкевичей звучали в стройном хоре и голоса всех «тоже социалистических» партий: меньшевиков, народных социалистов, группы «Единство», интернационалистов и других... «Новая жизнь» и та призывала советы подчиниться воле Учредительного собрания. Широкие слои мелкобуржуазной массы, втянуты в орбиту буржуазного влияния, ослепленные конституционными иллюзиями, летели, как бабочки на огонь, на приманку

[1] «День», 30 ноября 1917 г.

вожделенного парламентаризма, который так уютно и без всяких потрясений водворит их в привычное русло капитализма и предоставит возможность мирно вышивать безвредные реформистские узоры на фоне буржуазной действительности. «Воля народа» после Октябрьского переворота выходила ежедневно с широким аншлагом «Вся власть Учредительному собранию», трогательно сплетенным с аншлагом «Долой советскую власть». Эти два лозунга накануне Учредительного собрания слились воедино и являлись путеводной нитью для всего контр-революционного стана. Разоблачения личного секретаря Брешко-Брешковской, Бакрылова, показали, как дружно помогали за такую верную службу «Воле народа» отечественные капиталисты, от которых она получила 100 тыс. (с тем, чтобы в газете проводилась мысль, что все законы могут быть проведены лишь Учредительным собранием), а также американский дядюшка, отваливший Брешко-Брешковской, совместно с Керенским, 2 миллиона на культурно-просветительную борьбу с большевизмом [1]).

IV. НАКАНУНЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Когда на гребне волнующегося моря многомиллионных масс зажглась красная звезда советов, пробил решительный час размежевания на два стана.

---

[1]) Вера Владимирова. «Год службы социалистов капиталистам», «Знамя труда», № 199.

Восторженно встреченный пролетарскими и крестьянскими массами Октябрь, пробудил бешеную ненависть помещичье-буржуазного блока.

Но этот блок был слишком слаб численно, слишком лишен опоры в массах, чтобы действовать самостоятельно. На выручку ему устремились все промежуточные элементы мелкой буржуазии, всем своим существом свыкшиеся и сросшиеся с буржуазным строем, который они так долго обслуживали и с которым в их представлении связано было все их благополучие. Великая буря Октябрьской революции казалась им разгулом анархии, и последние содрогания разбитого буржуазного государства они воспринимали, как землетрясение, при котором все и вся погибнет. Вся чиновничья служащая масса, которая получала от капитализма крохи относительного благополучия, упорным саботажем пыталась теперь ставить палки в колеса пролетарского строительства. Служащие всех министерств, банков, почты, телеграфа и др. — все они под руководством своего боевого центра «Союза союзов» вступили в борьбу с советской властью в полном контакте с «Комитетом спасения родины и революции, организовавшим солидный стачечный фонд для оплаты бастующим. Совершенно понятно, что и «Всероссийская по выборам в Учредительное собрание комиссия», организованная после окончания работ Особого совещания, приняла участие в этом всеобщем саботаже. На эту комиссию, присту-

пившую к работе еще 7 августа, возложено было верховное руководство выборами. Ею был выработан календарь выборов, охватывающий период с 12 по 28 ноября. После Октябрьской революции Всероссийская комиссия считала выше своего достоинства входить в какие-либо сношения с советской властью. Совнарком дважды (6 и 13 ноября) обращался к ней с предложением сообщить сведения о ее работе, но наталкивался на глухую стену. Вот как об этом сообщает печатный орган Всероссийской комиссии (№ 6): «Слушалось отношение Совета народных комиссаров с предложением сообщить сведения о работах комиссии и тех мерах, которые ею принимаются для проведения выборов в назаначенный срок. Согласно постановления комиссии от 6 ноября, оставить без рассмотрения».

Таким образом, комиссия хранила гордое молчание, а между тем за недостатком средств все выборное производство на местах разрушалось и застопоривалось. «Воля народа» в номере от 1 декабря сообщала об этом: «Выдача денег Всероссийской комиссии фактически прекращена с 13 ноября, с момента захвата большевиками казначейства. Благодаря отсутствию средств, окружные избирательные управления не могут продолжать свою работу, и выборы в Учредительное собрание таким образом сорваны». Саботаж Всероссийской комиссии вызывал на местах недовольство и создавал благоприятную почву для демагогической агитации, что

большевики хотят сорвать Учредительное собрание. К тому же Всероссийская комиссия, ставя себя выше органов советской власти и отказываясь войти с ними в деловую связь, тем самым хотела поставить и Учредительное собрание в особые рамки, не имеющие никакого отношения к верховной власти. Такое положение не могло быть терпимо, и Совнарком, исчерпав все возможности к мирному улажению конфликта, вынужден был прибегнуть к аресту комиссии (23 ноября ст. ст.), чтобы на допросе выявить ее позицию. На допросе выяснилось, что большинство членов комиссии признает лишь «преемственную власть Временного правительства» и наотрез отказывается работать в контакте с советской властью и под контролем комиссара по выборам в Учредительное собрание. 27 ноября члены комиссии были освобождены, но когда на заседании 28 ноября Всероссийская комиссия по выборам в Учредительное собрание категорически отказалась от подконтрольности своей работы комиссару Урицкому — не оставалось ничего иного, как распустить ее, что и было сделано на следующий день. Этот конфликт показывает, что советская власть вынуждена была прибегнуть к роспуску комиссии лишь после того, как были исчерпаны все другие средства. Между тем, как это правильно отметил на допросе Сталин, под крылышком комиссии могли происходить на местах всевозможные злоупотребления.

«Разве вы можете гарантировать, — говорил он, — что кадеты и оборонцы не устраивали за вашей спиной секретных заседаний?» [1]). В «Правде» от 22 ноября помещено было сообщение Военно-революционного комитета всем советам Р., С. и Кр. депутатов, где приведена мотивировка ареста комиссии, вследствие ее саботажа. Несмотря на многочисленные сведения, поступающие с мест о недобросовестном производстве выборов, «Совнарком не считает возможным приостановить выборную работу кадетов и соглашателей и отсрочить созыв Учредительного собрания... и предлагает доводить до сведения его о всех нарушениях избирательных прав и интересов трудящихся со стороны центральных или местных избирательных комиссий, чтобы обезопасить народную волю от фальсификации». Буржуазная и эсеро-меньшевистская печать изо всех сил раздувала этот конфликт, печатались воззвания и от имени Всероссийской комиссии и от имени фронтовой комиссии при Всероссийской комиссии. Однако отклики с мест поступали туго. Массы верили решениям своих советов и их вождей-большевиков.

Приближался день созыва Учредительного собрания. В Петроград прибывало все больше депутатов, и эсеровская фракция устроилась коллективно в общежитии на Болотной улице, где она, верная

1) Описание допроса в «Известиях Всероссийской комиссии».

заветам парламентаризма, сразу же приступила к бесконечным заседаниям. Каких только комиссий у нее не было! Тут были комиссии и по разработке вопросов государственно-правового характера и комиссии законодательных предположений (аграрная, международная, социально-экономическая, по национальному вопросу) и даже комиссия первого дня Учредительного собрания. Эсеровские парламентарии воображали себя на горных высотах великой миссии создания новой конституционной эры и полагали свою единственную заботу в том, чтобы не упустить ни одной стороны государственного строительства. «Прения в этих комиссиях,—пишет в своих любопытных воспоминаниях Соколов [1]) (эсер, депутат в Учредительное собрание и председатель военной комиссии ЦК), — нередко бывали весьма продолжительные и оживленные. Иногда казалось, что все идет прекрасно, что нет никакого большевистского правительства, что нелепы слухи о возможном разгоне Учредительного собрания, и что тихая парламентская жизнь потечет после 5 января. Ведь столько заготовлено законопроектов...» На вопросы недоумевающих и сомневающихся в целесообразности этой работы ответ гласил: «Мы убеждены, что большевики не осмелятся посягнуть на прерогативы высокого учреждения, выбранного всем

[1]) Соколов. «Защита Всероссийского учредительного собрания» в сб. «Октябрьская революция».

народом». Вот это-то убеждение в невозможности такого, по мнению эсеров, «святотатства», как роспуск Учредительного собрания, и делало этих сугубых парламентариев достаточно безвредными в своем «пассивном величии».

Такие видные лидеры, как Чернов и Церетели, не допускали даже мысли, что Учредительное собрание может быть низвергнуто в пучину небытия волею того же народа, который его выбирал, но чаяний которого оно не отразило. Наоборот, эсеровская фракция Учредительного собрания, неосознавшая еще своего банкротства, тешила себя иллюзией, что стоит только посягнуть на Учредительное собрание, и народные массы, как один человек, поднимутся на его защиту. Бессмертное определение Маркса, что «ни одна партия не преувеличивает своих средств больше, не оценивает положения легкомысленнее, чем демократическая» [1]), вполне приложима в данном случае к эсерам. Миссию защиты Учредительного собрания взяли на себя низовые работники партии, еще не утратившие своего боевого темперамента и искренно последовательные в своих заблуждениях. Верхи партии умели ловко состряпать лозунги, но всякую ответственность стремились заранее снять с себя, чтобы сохранить «партийные ризы в чистоте». Так было и в данном случае, когда лозунг защиты Учредительного собрания

---

[1]) Маркс. «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта».

был дан сверху из ЦК партии эсеров, но сам он предпочел спрятаться за спиною внепартийного об'единения Союза защиты, как раньше он прятался во время юнкерских восстаний за спиною Союза спасения родины и революции. Ту же линию поведения видим мы и в эсеровской фракции Учредительного собрания, вобравшей в себя весь «цвет» партийных верхов, которая, охраняя чистоту своих парламентских риз, парила в фимиаме своего конституционного творчества. Боевик Соколов [1]) с горечью говорил, что даже на митинги эти парламентарии редко удостаивали спускаться со своих олимпийских высот. «Неоднократно, — пишет он, — раздавались жалобы из районных комитетов, что нельзя заполучить никого с Болотной улицы (общежитие фракции — *Н. Ш.)*. Депутаты выступали неохотно и редко». Впрочем, причину этого нужно искать не только в «сугубом парламентаризме», где ее ищет Соколов, а также и в той глубокой оторванности от масс, которую не могли не сознавать эти обанкротившиеся вожди. Эсеровский депутат Климушкин в своих воспоминаниях искренно сознается; «Вначале нас встречали везде враждебно. Нам не давали говорить. Были случаи, когда нас совсем не принимали на собрания» [2]). Немудрено, что депутаты предпочитали воздержаться от высту-

---

[1]) Статья. «Защита Всероссийского учредительного собрания».

[2]) Климушкин. «Правда об Учредительном собрании».

плений перед «разложившейся» рабочей массой, в чаянии того счастливого момента, когда, наконец, загремят их речи на всю Россию с трибуны Учредительного собрания. Итак, эсеровская фракция, которой телеграф приносил все новые и новые трофеи на выборах, была в разгаре своего парламентарного творчества, и Марк Вишняк «с упоением целые часы посвящал докладам о конституции российской» [1].

Посмотрим теперь, какие реальные боевые кадры, кроме этого «пассивного величия», числились в активе антисоветского лагеря, сгруппировавшегося под лозунгом защиты Учредительного собрания.

Союз защиты Учредительного собрания был достойным преемником распавшегося Союза спасения родины и революции. После неудачных юнкерских восстаний в Петрограде и Москве, протекавших, как известно, под руководством эсеров, все надежды антисоветского фронта сконцентрировались вокруг Учредительного собрания. Учитывая это, Союз спасения счел нужным перестроить свои ряды и сплотиться под новым знаменем, как Союз защиты Учредительного собрания. Это было пестрое межпартийное об'единение, куда входили представители социалистических партий, кооперативных союзов и профессиональных организаций (саботажни-

---

[1] Соколов. «Защита Всероссийского учредительного собрания».

ков-служащих), делегаты от городской думы, а также от существовавших еще несмотря на истечение срока полномочий ЦИКа советов Р. и С. депутатов (первого созыва) и Исполкома крестьянских депутатов (оборонческого). Как ни пестр весь этот букет, однако он представлял единое целое по тому антисоветскому аромату, который он распространял. Этот Союз, пользуясь легальными возможностями, развил весьма энергичную деятельность и стал пунктом притяжения для всех активных контр-революционных сил; он стал лихорадочно развивать агитацию на заводах, в казармах, выпускал тысячи листовок и воззваний, наполненных демагогическими выпадами против советской власти. Перечитывая теперь эти листовки и воззвания, невольно удивляешься, как терпела советская власть подобную пасквильную литературу, вливавшую свою долю яда в те места, где были царапины хозяйственной разрухи. Вообще вся пресса свободно изливала грязь своей клеветы против пролетарского строительства, и диктатуру пролетариата можно бы в это время упрекнуть скорее за излишнюю умеренность, чем за жестокость в отношении вражеского контр-революционного лагеря. Правда, это были первые шаги советской власти, когда еще не выявилось на деле бешеное упорство буржуазного лагеря, сломить которое смогла лишь туго зажатая узда в руках победоносного пролетариата. Нужно учесть еще и то, что большевиков связывал отчасти в этот период вре-

менный блок с левыми эсерами, которые яростно защищали пресловутую свободу печати. С другой стороны, допустив созыв Учредительного собрания, приходилось временно терпеть на легальной почве и союзы для его защиты, хотя эти союзы и проявляли себя как подлинные центры контр-революции [1]). Союзы защиты стремились вливать зловредный яд своей агитации в недра рабочего класса и в солдатские массы; до некоторой степени им удавалось влиять на наименее сознательные элементы, утомленные и ослабленные гнетом хозяйственной разрухи, изжить которую было не так легко; под влиянием агитации Союза, Учредительное собрание в их глазах приобретало характер какой-то сверх'-естественной силы, которая одним взмахом даст удовлетворение всем назревшим потребностям. На многих заводах имелись ячейки Союза защиты и хотя они были не так многочисленны, но все-таки подобные группировки внедрялись диссонансом в мощный единый фронт пролетариата. По примеру Петроградского союза возникли союзы в Москве, Одессе, Самаре и других городах, и везде они, действуя в контакте с городскими думами и земскими управами, были организационными центрами для сплочения антисоветского лагеря. В конце декабря

[1]) Наиболее деятельные представители Союза защиты от времени до времени подвергались арестам, но обычно через несколько дней выпускались на свободу. Производились и обыски в помещении Союза защиты, но все это были пока лишь полумеры.

Петроградский союз защиты открыл свою конференцию, на которой присутствовали представители от групп Союза, организованных в армейских частях и на фабриках. Так, например, на первом заседании 18 декабря присутствовало: представителей социалистических партий — 26 человек, заводских коллективов — 69, военных организаций — 13, районных дум — 8, ЦИК I созыва — 8 [1]).

На этой конференции намечен был, между прочим, план манифестации ко дню открытия Учредительного собрания — 5 января. Однако, если посмотреть на все эти потуги Союза не с точки зрения успеха его в отдельных небольших группах, а в рабочих массах, мы увидим, что никакой базы в этих массах у Союза не было, и те случайные островки, которые он временно захватывал под свое влияние, не отличались активностью и легко были вырваны из этой атмосферы после ликвидации Союза. Вот как говорит об этом Соколов, боевой защитник Учредительного собрания: «Я присутствовал на одной из этих конференций и, признаюсь, был поражен ее многолюдством и темпераментом ее участников. Несмотря на всю свою энергию, комитету все же удалось о ч е н ь м а л о п р о н и к н у т ь в н у т р ь р а б о ч и х м а с с, и пропаганда его в этом направлении была ничтожна и, боюсь сказать,

---

1) «Известия Союза защиты», № 2. Таких заседаний-конференций состоялось 5.

почти бесследна. Еще менее удалась работа в петроградском гарнизоне. Среда, в которой семена, посеянные комитетом, *дали богатую жатву*, *была обывательская*... Потому ли, что эта среда была наиболее близка и родственна (!) комитету, но, во всяком случае, работа, сделанная последним в этом направлении, была весьма значительна и реальна» [1]).

Эта убийственная характеристика роли Союза защиты, как организатора распыленного *обывателя* — мелкого буржуа, написанная не врагом, а другом Союза, действительно совершенно правильна. Это к ней, к обывательской массе взывал Союз в своей передовице: «Об'единяйтесь вокруг Союза защиты Учредительного собрания! Молчать и выжидательно сидеть каждый в своем углу в эти тяжелые дни величайшего позора никто не имеет права!.. Идите же стройными и тесными рядами на тяжелую борьбу за права единственного хозяина земли русской. Об'единяйтесь вокруг Союза Учредительного собрания. Несите Союзу *свои силы и свои средства*. Молчать больше нельзя. Бездействовать нельзя!» [2]) Не жалели энергии активисты Союза защиты и на организацию всевозможных митингов, устраиваемых повсеместно. «Известия Союза» так и пестрят об'явлениями

---

[1]) Соколов. «Защита Всероссийского учредительного собрания».

[2]) «Известия Союза защиты», № 2».

об этих митингах. Недовольный новыми порядками обыватель наводнял эти митинги, жадно слушая антисоветские речи и отводя душу в аплодисментах.

Следует отметить, что Союз был озабочен, наряду с мирной агитацией также и организацией по линии военной силы; у него был специальный военный отдел, однако все его попытки в этом направлении были безрезультатны. Была у Союза бутафорская попытка опереться на военные дружины нацменьшинств, но делегаты последних резонно заявили, «что не могут выступать с оружием на защиту того Учредительного собрания, которое, неизвестно еще как отнесется к автономии» [1]), и вся эта затея потерпела жалкое фиаско.

Союз защиты не был одинок в своей контр-революционой деятельности: в контакте с ним работали две организации: ЦИК советов I созыва и Временный комитет правоэсеровской части II крестьянского с'езда, отколовшийся в особую организацию. Обе эти организации все еще мечтали сплотить вокруг себя оборонческое крыло и решили, в противовес советским с'ездам (назначенным на 8 и 15 января), созвать свои с'езды тоже на 8 января. В «Известиях Союза защиты», № 2 мы читаем обращение ЦИК I созыва, в котором говорится, что все живое в стране должно встать с оружием

---

[1]) Соколов. «Защита Всероссийского учредительного собрания».

в руках на защиту Учредительного собрания, и раздается призыв ко всем сочувствующим войти в немедленную связь с ним. Считая «неправомочным» II с'езд советов, ЦИК приглашал на «чрезвычайное совещание» все «фракции советов», стоящие «на платформе защиты Учредительного собрания». Этот с'езд мог быть фактически лишь с'ездом местных ячеек Союза защиты, группировавшихся вокруг городских дум и земских управ (полукадетских, полуэсеровских), так как советы давным-давно совершенно твердо сплотились под стягом большевизма. Но мудрые политиканы из ЦИК I созыва все еще продолжали льстить себя надеждой, что наступит «просветление», а Чернов выступал на собраниях с фантастическими проектами создания каких-то «новых советов», стоящих на платформе защиты Учредительного собрания [1]).

Так, политические мертвецы, похоронившие давно весь свой авторитет и получившие в массах кличку «предателей», с упорством безнадежных политиканов продолжали раздувать мыльные пузыри своих замыслов. На средства, незаконно задержанные ЦИК (составившиеся из взносов советов), печаталось и рассылалось по губернии огромное число воззваний с призывами на с'езд; словом, социал-предатели напрягали все свои силы. Таково же было поведение и Временного комитета совета крестьянских депутатов (оборонческого), в котором со-

1) Доклад его на конференции Союза защиты.

брались эсеровские вожди кулачества и наименее сознательного крестьянства. И они также вели лихорадочную подготовку к с'езду на 8 января. Кроме того, намечался с'езд представителей городских и земских самоуправлений. И вся эта мобилизация антисоветских сил приурочена была ко дню созыва Учредительного собрания, чтобы при первой возможности, мобилизовав все свои силы, вырвать власть у пролетариата. Мы увидим дальше, с какой позорной легкостью сорвалась вся эта трескучая увертюра зарвавшихся политиканов, давно утративших почву под ногами. Ответ этим парламентским мечтам зрел в это время в недрах пролетарских и крестьянских масс, которые все теснее смыкались крепким кольцом вокруг своих советов и готовились дать достойный отпор желтому знамени парламентаризма. Но этого чутья народных масс не было ни у буржуазных, ни у мелкобуржуазных партий, и вот почему они продолжали себя обольщать несбыточными надеждами.

Между тем, достаточно внимательно присмотреться к тем резолюциям сочувствия, которыми украшали свои страницы «Известия Союза защиты Учредительного собрания», «Бюллетени Всероссийского Учредительного собрания», чтобы увидеть всю безнадежную скудость базы, на которую опиралось Учредительное собрание в своих домогательствах на «всю полноту власти». Вот, например, перечисление приветственных телеграмм с мест в № 1

«Бюллетеня Учредительного собрания»: от Глазовской городской думы, Слободской городской думы, Витебской губернской земской управы, Ярославской губернской земской управы, Уфимского биржевого о-ва, служащих телеграфа, Самарского крестьянского совета, Козловской уездной земской управы, Смоленского губернского совета крестьянских депутатов, от общего собрания чинов управления начальника снабжения Северного фронта. Из этих телеграмм мы ясно видим базу Учредительного собрания: главное место занимают городские думы, выбранные еще в период соглашательского поветрия, и земские управы, куда выборы происходили при сильнейшем абсентеизме крестьянства, изверившегося во всяких властях под градом репрессий Временного правительства. Следующую группу составляют союзы служащих, об'ятых саботажем, и, наконец, губернские советы крестьянских депутатов старого оборонческого состава, которые уже теряли постепенно доверие широких крестьянских масс, но продолжали еще, по инерции, оказывать на них известное влияние.

О приветствиях же от самих масс не только рабочих, но и крестьянских или армейских, мы здесь, конечно, не услышим. Впрочем, в целях дополнения картины, мы должны привести единственное заявление от самого крестьянства из села Равница, Ливенского уезда; оно гласит: «выслушав телеграмму Союза защиты Учредительного собрания,

мы единогласно, как имеющие 1.247 голосов, постановляем — командировать двоих на защиту Учредительного собрания, в чем и подписуемся: грамотных 51 чел., неграмотных 1.196 чел. За неграмотных, по их личной просьбе, подписался сельский совет» [1]). Вот этих-то неграмотных крестьян, за которых расписался кулацкий сельсовет, и стремились уловить в свои сети воззвания Союза защиты. Однако верный классовый инстинкт крестьянства уже начинал пробивать себе надежное русло союза с пролетариатом. II Всероссийский с'езд советов крестьянских депутатов принял резолюцию по поводу Учредительного собрания, что «всякую попытку вступить в борьбу с советами Р. С. и Кр. депутатов, как органов революционной власти, с'езд будет рассматривать как посягательство на завоевания революции». То же самое видим мы и в резолюциях с мест: «Несколько дней тому назад губернский с'езд крестьянских депутатов в Пскове постановил предложить избраннику крестьянства этой губернии Покровскому (Покровский — правый эсер. — *Н. Ш.)* — сложить с себя звание члена Учредительного собрания». «Крестьянский с'езд 12-й армии постановил отозвать эсеров Авксентьева, Гоца, Лихача и Колерова». От Смоленского совета Р., С. и Кр. депутатов поступила телеграмма с требова-

1) «Бюллетень Всероссийского учредительного собрания», № 1.

нием отзыва Брешко-Брешковской и Арбузова [1]). А вот, например, образец тех резолюций, которые принимались на с'ездах крестьянских депутатов армии: «Требуем от Учредительного собрания немедленного утверждения и проведения в жизнь всех декретов советской власти. В случае же, если Учредительное собрание поведет политику, подобную бывшему коалиционному правительству, то мы заявляем категорически: немедленно разогнать его и верховная власть должна быть в руках ЦИК советов Р. С. и Кр. депутатов (от II с'езда крестьянских депутатов 8-й армии) [2]). Ясность и четкость в постановке вопроса об Учредительном собрании выявляется в этой резолюции с достаточной убедительностью. Крестьянские письма, помещенные в «Голосе трудового крестьянства», дают нам возможность услышать живой голос деревни. Одно из них, например, гласит: «Учредительное собрание, знамо дело, затирать грех, открыть немедленно, а только пускай оно наших советов не трогает, потому советы есть власть народная, наша, мужицкая». В другом письме мы находим следующие строки: «Хотим, чтобы Учредительное собрание с'ехалось немедля, да только оно пущай служит народу, что народ прикажет». О том же говорят и многочисленные наказы кресть-

---

[1]) «Бюллетень Всероссийского учредительного Собрания», № 2.

[2]) «Известия Всероссийского крестьянского с'езда», № 14.

янства Учредительному собранию. Вот некоторые выдержки [1]): 1) «От Исполнительного комитета совета крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний в п. 3: «Требовать, чтобы Учредительным собранием в первую очередь были закреплены декреты, изданные Советом народных комиссаров». 2) Наказ от Калужского исполнительного комитета совета крестьянских депутатов: «Учредительное собрание должно работать в контакте с советами». От 191-й пехотной дивизии: «Признание власти народных комиссаров и созыв Учредительного собрания в назначенный срок... Если остальные партии не станут на платформу, выдвинутую большевиками, то мы признаем Совет народных комиссаров, как законную власть». На II крестьянском с'езде, на котором правая часть делегатов стремилась создать обструкцию, а затем его покинула, выступил с глубокопрочувствованной речью делегат с'езда 12-й армии, призывая к единению Учредительного собрания с советской властью:

«От имени 700 тысяч усталых солдат, от жителей сырых ям, которые пухнут от голода и холода, мы пришли сказать вам, что мы думаем. На армейском с'езде мы порешили: «возврата к прошлому быть не может (аплодисменты, крики «ура»!), 12-я армия заявляет: «нет власти, кроме власти народных комиссаров.

[1]) «Голос трудового крестьянства», № 48.

Учредительное собрание должно все сделать для совместной работы с советами, ибо другой власти быть не может. Разве одна часть только на с'езде признает Учредительное собрание? Неправда! Все признают его, и все мы живем надеждой на него. И от вас, правых эсеров и меньшевиков, зависит — станет ли Учредительное собрание возглавлять движение, и тогда мы пойдем с вами, или вы поплететесь в хвосте революции, и революционная волна пойдет мимо Учредительного собрания... На армейском с'езде мы раскололись, и угрожала гражданская война... Но мы нашли общее знамя. На нашем знамени: «Да здравствует власть народных комиссаров и Учредительного собрание!». Надо совместить власть советов и Учредительное собрание. Если не сумеют этого сделать — мы заставим (голоса: «штыками»?) — Нет, не штыками, — единой, ясно выраженной народной волей» [1]).

Эту длинную выдержку мы привели потому, что в ней свежо и остро пульсирует то доминирующее настроение масс, которое сквозь дебри конституционных иллюзий, разжигаемых социал-реформистами, нащупывало правильные пути сочетания Учредительного собрания и власти советов и об'единяло массы под этим знаменем.

[1]) «Известия Всероссийского крестьянского с'езда».

Совершенно аналогичную картину рисует в своих воспоминаниях эсер Соколов, участник Юго-западного фронтового с'езда. Большинство этого с'езда, приблизительно $^2/_3$ (по словам Соколова), еще шло тогда по инерции за партией эсеров. На с'езд специально приехал герой юнкерских восстаний, председатель Комитета спасения родины и революции, Авксентьев (скрывшийся из Петрограда и сбривший бороду), со специальной целью укрепить своим красноречием позиции своей партии. Однако не тут-то было, жестокое разочарование ждало Авксентьева. Классовое чутье крестьянства, одетого в солдатскую шинель, уже начинало рвать тенета эсеровской паутины и пролагало новые пути к смычке с пролетарской властью. Большинство твердо стояло на той позиции, что, «так как Временного правительства не существует, а Учредительное собрание еще не успело открыться, то вся власть в стране должна принадлежать советам» (характерно, что эту позицию солдаты называли «черновской», еще не осознав его предательской политики). «Сколько энергии пришлось затратить Авксентьеву, — пишет Соколов, — чтобы убедить своих единомышленников по фракции, что нельзя совмещать и сливать воедино два лозунга: «Вся власть советам» и «Вся власть Учредительному собранию». И когда, наконец, большинство фракции согласилось с положением, защищаемым Авксентьевым, то меньшинство откололось, образовав несу-

ществующую до сих пор на с'езде фракцию левых эсеров. И фронтовой с'езд, большинством, правда незначительным высказался за формулировку, предложенную большевиками: высказался за власть советов, власть по существу большевистскую». Вот что творилось в этот переходный период на тех с'ездах, где до сей поры царила невозбранно эсеровщина и где ²/₃ делегатов еще «числились» в рядах партии эсеров. Не решаясь рвать окончательно с той партией, с которой он так долго был связан, солдат-массовик самостоятельно находил тот средний путь, который примирял лозунг «Вся власть советам» с лозунгом «Вся власть Учредительному собранию». В дальнейшем он приходил логически к выводу, что «если Учредительное собрание пойдет против советов, то нам его не надо». На последних примерах ярко проявляется глубокая продуманность лозунга партии большевиков о комбинации советов и Учредительного собрания; в этом лозунге не было теоретического измышления, а изумительное чутье к настроению масс, к биению их пульса со стороны пролетарской партии, и вот почему эта тактика вполне себя оправдала.

Между тем похороненное историей Временное правительство, утверждая, что «и в этом неполном составе своем» оно является «единственной в стране законной властью», выступило с воззванием к населению, где оно призывало всех граждан армии и тыла к единодушной защите Учредительного

собрания «для обеспечения ему возможности властно и твердо выразить народную волю» и постановляло «назначить открытие Учредительного собрания в Петрограде в Таврическом дворце 28 ноября в 2 часа дня». Удивительная твердость линии и четкость срока! После того как в течение восьми месяцев Временное правительство не могло удосужиться созвать Учредительное собрание, оно теперь из замогильного мира вещает о сроке его созыва! Однако подобная нелепая бутафория расценивалась на вес золота в антисоветских кругах. Так, например, «Воля народа», поместившая это воззвание на видном месте, писала: «Этот декрет имеет первостепенное значение. Через 12 дней Временное правительство, будем надеяться, в полном своем составе сможет открыть Учредительное собрание, к которому обращены надежды русского народа». Мечты не новы, и судьба их известна. Однако под этими мечтами таились конкретные планы — открыть Учредительное собрание, помимо советской власти, а затем, путем парламентского трюка, осуществить переворот, опираясь на мобилизованные к этому дню силы контр-революции. Временное правительство в его «неполном составе» было вскоре арестовано во избежание дальнейших авантюристических попыток.

Сигнал к выступлению, данный от имени бывшего Временного правительства, был подхвачен Союзом защиты и ЦИК I созыва, которые ре-

шили испробовать свои силы под флагом празднования дня открытия Учредительного собрания 28 ноября. К этому дню они готовились устроить генеральную репетицию будущего восстания, задуманного ими в связи с созывом Учредительного собрания. Готовились они с исключительным усердием к организации массовой демонстрации, однако рабочие и солдаты, следуя воззванию Петроградского совета, не приняли в ней участия, и она составилась из чиновников и обывательской массы, во главе которой шествовали Городская дума, центральные комитеты «социалистических» партий, партии к.-д. (на этот раз решившейся выступить из тени), а также ЦИК I созыва.

Делегаты Учредительного собрания в количестве 42 человек прорвались через охрану Таврического дворца и, об'явив себя частным совещанием, решили собираться ежедневно с тем, чтобы самостоятельно открыть Учредительное собрание, когда наберется достаточное число делегатов. Конечно, советская власть не могла терпеть подобных самочинных действий, и в дальнейшем стены Таврического дворца строже охранялись от авантюризма «учредителей» [1]). Вскоре после этого последовал декрет Совнаркома, об'являвший кадетов врагами народа и привлекавший к суду революционного трибунала все руководящие учреждения этой пар-

---

[1]) Изложено по письму членов Учредительного собрания к народу, «Воля народа», № 188.

тии. Ленин по этому поводу говорил 1 декабря во ВЦИК'е II созыва:

«Кадетский центральный комитет — это политический штаб класса буржуазии. Кадеты впитали в себя все имущие классы; с ними слились элементы, стоявшие правее к.-д... Мы делали переворот для того, чтобы иметь гарантии, что Учредительное собрание не будет использовано против народа, чтобы гарантии эти были в руках правительства... Пусть разберут наше обвинение против партии кадетов по существу, пусть докажут, что партия к.-д. не штаб гражданской войны, заведомо безнадежной, заливающей страну кровью...» [1]).

Итак, кадеты дождались, наконец, достойной квалификации и были лишены возможности легально ковать цепи для революционного народа и заседать в Учредительном собрании, но не так-то легко было справиться с проводником их буржуазной политики — эсерами. Против них ВЦИК'ом выдвинуто было право отвода и отзыва делегатов по постановлению мест. Ленин говорил об этом на заседании ВЦИК'а:

«Всякий раскол в партии должен внести хаос, если не предусмотрено право отзыва. Большим влиянием пользовалась партия с.-р. Но после составления списков произошел рас-

---

[1]) Ленин, соч. т. XV. «Об'явление кадетов врагами народа».

кол. Изменить списки нельзя, отсрочить Учредительное собрание — также. И народ фактически голосовал за партию, которая уже не существовала» [1]).

Как мы видели выше, крестьянство уже выносило постановления об отзыве правых эсеров, однако в дальнейшем тактический путь пошел по непосредственно революционному руслу, и отпала нужда в отводах и поправках к избирательному закону. Для того чтобы ко времени созыва Учредительного собрания с совершенной очевидностью прозвучал голос масс, — был назначен на 8 января III с'езд советов. «Правда» писала об этом: «Мы всецело приветствуем идею ЦИК советов Р. С. и Кр. депутатов — созвать III с'езд советов одновременно с открытием Учредительного собрания, чтобы сам народ, в лице рабочих, крестьян и солдат, мог следить за работами высокого учреждения и, в случае надобности, оказал бы вразумительное давление».

V. ПОДГОТОВКА ЭСЕРОВ К ВООРУЖЕННОМУ ВЫСТУПЛЕНИЮ В ДЕНЬ СОЗЫВА УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Посмотрим теперь, как развивала свои военные приготовления партия эсеров, которая готовилась вступить победительницей в стены Таврического

[1]) Ленин, соч. т. XV. «О праве отзыва».

дворца, во всеоружии своих избирательных мандатов на всенародную гегемонию. Растеряв весь свой политический капитал на протяжении длинного пути к Учредительному собранию, но еще не понимая своего банкротства, эта партия воинственно потрясала бутафорским оружием своих картонных мечей. Для анализа этой странички из жизни партии эсеров ценный материал дают воспоминания двух видных руководителей военного отдела: Семенова (руководителя петроградской военной комиссии) и Соколова (председателя военной комиссии при ЦК партии эсеров). В конце ноября ЦК партии эсеров реорганизовал и усилил деятельность военной комиссии, которая до этого времени влачила довольно жалкое существование. В нее вошли представители военных депутатов, эсеровской фракции Учредительного собрания, 2 члена ЦК, а также ряд военных, отличавшихся своей боевой активностью (в президиум ее вошли Сургучев, член ЦК, и Соколов, на правах председателя [1]).

Во главе петроградской военной комиссии был поставлен Семенов. «Центром работы, — пишет Семенов, — военная комиссия считала подготовку почвы и организацию военных сил в Петрограде для вооруженной защиты Учредительного собрания и вооруженной ликвидации большевистской власти».

Далее Семенов рассказывает, какими путями шла подготовка в этом направлении. Они подослали

[1]) Семенов. Военная и боевая работа партии с.-р.

в штаб Красной гвардии офицера-фронтовика с поддельным письмом; этот офицер сумел проникнуть на важный пост и благодаря его предательству военной комиссии удалось провести не мало «своих людей» на ответственные посты. Таким путем эсер Тесленко занял пост начальника штаба дивизии, полковник Карпов (эсер) попал в командиры артиллерийской бригады и т. д. Все эти командиры в дальнейшем получили возможность подбирать исподволь контр-революционный комсостав в своих частях. Но особенно энергично работали эсеры в двух петроградских полках — Семеновском и Преображенском, где при царском режиме подбирался особенно тщательно «благонадежный» состав и где не мало было поэтому элементов, зараженных духом старорежимных традиций, в особенности в лице «георгиевских кавалеров». (Как оказалось впоследствии, эти полки остались совершенно неисправимыми: один из них, Семеновский, был разоружен, а другой, хитростью избежав разоружения, позднее перешел в бою на сторону Юденича). В этих-то полках начал плести свои сети эсеровский паук, улавливая неустойчивые элементы, воспитанные царским режимом.

Но эсеры не ограничивались агитацией — они пытались повернуть в свою сторону не столь податливый состав этих полков, путем вливания в него антисоветских кадров и увольнения в длительные отпуска солдат, настроенных большевистски. «В про-

должение декабря, — пишет Соколов, — прибыло с фронта свыше 600 офицеров и солдат, которые были распределены между отдельными ротами Преображенского и Семеновского полков... Некоторых из вызванных нам удалось провести в члены как ротных, так и полковых комитетов... Таким образом, в конце декабря мы значительно увеличили, как боеспособность, так и антибольшевизм вышеупомянутых частей» [1]). Вот к каким хитрым приемам прибегали эсеры, чтобы искусственно создать себе недостающую базу, но во всех этих конспиративных манипуляциях явственно сквозило их глубокое внутреннее бессилие и моральное разложение партийной тактики, скатывающейся все глубже в омерзительное болото контр-революции. И на собраниях военного отдела при ЦК слышались уже недвусмысленные предложения — прибегнуть к денежному займу у союзников на нужды военной работы, и речи эти принимались сочувственно [2]).

Итак, эсеры обладали двумя позициями в воинских частях; однако-же, несмотря на контр-революционный дух, царивший в Семеновском и Преображенском полках, несмотря на то, что их полковые комитеты были искусственно подобраны и шли в полном контакте с эсерами, оба они далеко не были расположены к активным решительным выступлениям. Несмотря на то, что к солдатам, как

1) Соколов. «Защита Учредительного собрания».
2) Семенов. «Военная и боевая работа партии с.-р».

зараза, прилипла классово чуждая им идеология, прививаемая агитаторскими приемами эсеров, она не могла настолько сильно внедриться в них, чтобы придать им боевой дух, — наоборот, они не решались выступить первыми и условием своего восстания против советской власти ставили непременное наличие аналогичных выступлений в других военных частях.

Единственной безоговорочной и твердой позицией военная комиссия располагала в лице 5-го броневого дивизиона, о котором Семенов сообщал: «Пятый броневой дивизион был всецело в нашем распоряжении; командир, комиссар дивизиона и весь дивизионный комитет были всецело нашими, и дивизион готов был выступить по первому нашему требованию и быть застрельщиком выступления».

Кроме того, у военной комиссии были еще ячейки в полках: Гренадерском, Измайловском, моторно-понтонном, запасном электротехническом, химическом и саперном батальонах. «Командир одного из батальонов моторно-понтонного полка, прапорщик Мавринский, товарищ председателя полкового комитета Семеновского полка и член комитета химического батальона Усенко — входили в военную комиссию. Численность каждой ячейки была от 10 до 40 человек» [1]). Раз в неделю собирались гарнизонные совещания, которые проходили в обсуждении

[1]) Семенов. «Военная и боевая работа партии с.-р.».

настроений в полках, а также намечали план будущей работы.

Но военная комиссия не ограничивалась этим. В своих конспиративных ухищрениях она задумала создание фиктивного солдатского университета с тем, чтобы набрать 1½—2 тысячи эсеровски настроенных вооруженных солдат, которых она надеялась тайно вызвать с фронта, под видом командировок в университет. Для вида составлена была невинная программа курсов по вопросам Учредительного собрания, приглашены были в качестве преподавателей лица лойяльные, и, таким образом, контр-революционный замысел получил легальный облик. Общежитие было оборудовано на 200—300 человек. Но эсеры не учли главного, а именно того, что на фронте к тому времени уже веял свежий ветер Октября, сдувая последние налеты эсеровщины, и что среди солдат не так много уже оставалось бесстрашных рыцарей эсеровского знамени, готовых подставлять свою голову под их рискованные авантюры. И вместо ожидаемых 2 тысяч приехало всего несколько десятков, вооруженных бомбами, ружьями и ручными гранатами. Бомбы были сложены на курсах Лесгафта, а курсанты сосредоточены в общежитии.

Посмотрим теперь, каковы были успехи военной комиссии в рабочих кварталах при формировании военных дружин. Соколов искренно сознается, что «рабочие относились без особого энтузиазма к по-

ступлению в эсеровские дружины», что даже те, которые туда вступали, «были проникнуты духом безразличия и апатии». Характерной иллюстрацией настроения рабочих, даже идущих на удочку эсеровских приманок по части Учредительного собрания, является картинка митинга, зарисованного Соколовым с натуры. На собрании рабочих Франко-русского завода и нового адмиралтейства, сочувствующих защите Учредительного собрания, после зажигательных речей ораторов-эсеров, было внесено предложение о записи в боевые дружины; собрание приняло это предложение чрезвычайно холодно, и в ответ полились речи такого характера: «Не довольно ли кровь проливать?», «А по-моему, надо, товарищи, подумать не о том, чтобы ссориться с большевиками, а как с ними сговориться. Все же, ведь, они защищают интересы пролетариата». В результате на этом довольно многолюдном собрании в дружину записалось всего человек 15. Вот каково было, следовательно, подлинное лицо этих якобы «антибольшевистски» настроенных рабочих, на самом деле лишь временно отклонившихся от правильного пути, которых эсеры спешно записывали себе в актив. Однако, когда пришлось подводить баланс, эти цифры актива оказались сплошь дутыми цифрами. На бумаге... дружинников числилось до 2 тысяч, на деле, — по словам Семенова, — их насчитывалось всего человек 60, причем только половина из них снабжена была оружием. Аналогичное

свидетельство об отношении рабочих масс к «учредителям» вскрывает в своих воспоминаниях депутат Учредительного собрания от эсеров Климушкин. «Вначале нас встречали везде враждебно. Нам не давали говорить; были случаи, когда нас совсем не принимали на собрания... В общем должен откровенно сказать: большинство рабочих и солдат остались верны Совету народных комиссаров. Привлечь их на сторону Учредительного собрания так и не удалось» [1]). Но даже и те слои рабочего класса, которые, по разным причинам, временно отклонились от правильной пролетарской линии, временно пошли на удочку «Учредительного» — даже и у них против советской власти рука не поднималась, как не могла подняться против рабочего вождя — Ленина — рука рабочего Усова, намеченного эсерами для выполнения этого террористического акта. На этих примерах, прослеженных нами и в отношении солдат и в отношении рабочих, выявлялся основной закон классовой борьбы. Отдельные прослойки классов, менее сознательные, могут в иные моменты исторической жизни попадать в водоворот чуждой им идеологии; однако это обстоятельство делает их тогда пассивными, неспособными действенно выступать против своего класса, с которым, несмотря ни на что, они неразрывно спаяны социально-экономической скрепой своих классовых интересов. Поэтому такие временные отклонения и не могут дать до-

1) Климушкин. «Правда об Учредительном собрании».

статочно прочной базы для контр-революции. Вся наша гражданская война дала многочисленные примеры, подтверждающие это правило, и исход ее, победоносный для трудящихся, дал тому блестящее доказательство.

Кроме всей этой боевой подготовки к выступлению, действовала еще, совершенно конспиративно от других, группа эсера Онипко, которая поставила себе целью перед созывом Учредительного собрания «срезать большевистскую головку». Эта организация сумела проникнуть в различные отделы Смольного и сплела свою паутину вокруг Ленина и Троцкого. Одному из членов этой организации удалось попасть в шоферы на автомобиль, в котором ездил Ленин, и уже был намечен день, когда Ленина готовились «из'ять» (сперва предполагалось его увезти, а затем поступить в зависимости от обстоятельств). Однако этой предательской затее не суждено было осуществиться, так как ЦК партии эсеров, из страха перед взрывом негодования среди рабочих и солдатских масс, а также из боязни сорвать этим актом Учредительное собрание, приостановил эти действия, и организация Онипко была ликвидирована [1]).

Но вот, наконец, был назначен срок открытия Учредительного собрания. В среде эсеровских парламентариев этому предшествовала затяжная борьба за самостоятельное назначение срока. Эсеры созы-

[1]) Соколов. «Защита Всероссийского учредительного собрания».

вали дважды межфракционное совещание, на котором стремились, помимо ВЦИК, установить этот срок, но так как левые эсеры заявили, что они признают срок, выработанный совместно с Совнаркомом, то фракции правых эсеров пришлось подчиниться. Кроме того, разыгрался конфликт по вопросу о пред'явлении мандатов комиссару Урицкому для подписи. Эсеры упорно отказывались выполнить эту формальность, желая тем подчеркнуть свою полную независимость от советской власти в качестве «народных избранников» (в конце концов они все же подчинились этому, приняв в последний день присланные для членов фракции билеты за подписью Урицкого [1]).

Что касается военной комиссии эсеров, то она, будучи далека от всех этих парламентских тонкостей, спешно готовилась к бою. «Последние дни перед 5 января проходили как в военной комиссии, так и в Комитете защиты — в лихорадочной работе. Масса народа толпилась за листовками, за справками, за конспиративными поручениями... Несколько комнат, занимаемых нами, были постоянно заняты конспираторами, с видом величайших заговорщиков и шопотом друг с другом разговаривающих» [2]). По предложению ЦК партии эсеров, военная комиссия устроила совместное заседание с

1) «Бюллетень Всероссийского учредительного собрания».

2) Соколов. «Защита Всероссийского учредительного собрания».

военным отделом Союза защиты и на нем был намечен боевой штаб из 3 лиц (подполковник генерального штаба Пораделов, Семенов и Онипко [1]). Задачей этого боевого штаба было выработать конкретный план вооруженного выступления, приуроченного ко дню открытия Учредительного собрания. Комитет защиты взял на себя открытую организацию якобы мирной манифестации, а военная комиссия должна была конспиративно подготовить вооруженное выступление, которое и возглавит эту манифестацию, придав ей необходимую силу. На заседании боевого штаба был принят план Семенова, заключавшийся в «инсценировке» народного восстания, которая, при благоприятных обстоятельствах, могла в дальнейшем вылиться в настоящий захват власти. Вот как описывает этот план Соколов: «Рабочие экспедиции заготовления бумаг (отличавшиеся всегда отсталостью. — *Н. Ш.* [2]) должны были собраться против здания своей фабрики на Фонтанке. Сюда же должны были направиться мобилизованные Комитетом защиты в Нарвском и Коломенском районах силы. Всю эту группу в 8—10 тысяч человек предполагалось двинуть к помещению, занимаемому броневым дивизионом... Демонстрация рабочих экспедиции, пополненная столь внушительной силой, как девять броневых машин,

---

1) Семенов. «Военная и боевая работа эсеров».

2) Они специально подбирались при старом режиме из благонадежных элементов.

должна была двинуться по Первой Роте к Технологическому институту. Против последнего был назначен другой сборный пункт, куда должны были собраться окрестные обыватели, студенты, технологи и рабочие Московской части. Центральным пунктом, особенно важным для военного выступления, был Семеновский полк... С помощью полкового комитета, полк должен был быть построен на площади. По мнению полкового комитета, в вооруженной демонстрации приняло бы участие не менее 3 тысяч человек, вооруженных и снабженных пулеметами. Все руководство этой частью выступления возлагалось на военную комиссию. С другой стороны, василеостровские группы демонстрантов, соединившись с выборгскими, которые частично предполагали принять участие в демонстрации, должны были подойти к казармам Преображенского полка» [1]). Вот какую стройную схему разработали эсеровские заговорщики. Однако при здравом анализе реальной действительности все эти трехтысячные полки преображенцев и семеновцев, все эти десятки тысяч рабочих превращались в такой же мыльный пузырь, каким были 2 тысячи дружинников, записанных на бумаге (на деле около 60) и 2 тысячи военных курсантов фиктивного университета (на деле 2—3 десятка). И ЦК партии эсеров был совершенно прав, когда, охлаждая пыл рву-

---

1) Соколов. «Защита Всероссийского учредительного собрания».

щихся в бой активистов, говорил, что нужно выждать время, чтобы не попасть впросак. Неудачи, связанные с юнкерским восстанием, которое возглавлялось эсерами, научило их на горьком опыте, что в массах у них нет базы и что даже за спиною семеновцев им не сломить отпора этих масс. Неуверенность в своих силах и боязнь погубить скороспелым и неудачным взрывом парламентскую симфонию, которая все-таки имела в глазах цекистов большие шансы на успех, заставили ЦК партии эсеров накануне решительного дня бить отбой. Все-таки, помимо трезвого учета своих сил, центральный комитет выявил в этом вопросе характерную черту своей тактики: ведь в течение целого месяца шли приготовления военной комиссии с его ведома и под его руководством и только в последнюю минуту, накануне выступления, он предложил военной комиссии занять выжидательное положение и лишь «в случае активного массового выступления, когда войска сами встанут на сторону восставших, когда движение выльется в стихийное вооруженное столкновение с большевиками — взять на себя руководство движением» [1]).

Таким образом, ЦК опять-таки не прочь был спровоцировать своей агитацией выступление, но хотел сделать это так, чтобы самому остаться в стороне на случай неудачи. Итак, трескучая гамма боевых

---

[1]) Семенов. «Военная и боевая работа партии с.-р.».

приготовлений эсеров завершилась внезапно сорвавшейся струной. Военная комиссия могла спокойно сидеть у моря и ждать пока это море выйдет из берегов во имя Учредительного собрания. Народная стихия мирно лежала в своих берегах и военная комиссия, послушная велениям ЦК, могла спокойно отдохнуть от «трудов праведных» в день краха своей святыни — буржуазного парламентаризма.

О конспиративных приготовлениях вооруженного выступления было, конечно, известно в советском лагере. Бутафория эсеровского вооруженного выступления, которая для нас теперь совершенно ясна, не могла еще обнаружиться перед лицом соучастников событий. Сами эсеровские работники так преувеличивали свои успехи и льстили себя такими радужными надеждами, что создавали впечатление чего-то более внушительного, чем это было на самом деле. Вот почему советская власть готовилась к серьезному отпору. Город был об'явлен на осадном положении, выработан был план отпора манифестантам. На некоторых пунктах, охраняющих подступы к Таврическому дворцу, устроены были завалы из толстых бревен, преграждающие пути предполагаемой манифестации. Воинские заставы были организованы таким образом, что каждая последующая была сильнее предыдущей, чтобы, в случае прорыва, манифестация могла встретить

более сильный отпор второго отряда. Накануне 5 января советская власть была особенно на-чеку. В наиболее важных пунктах, и, в частности, в Смольном дежурила усиленная охрана красноармейцев; повсюду в комиссариатах были установлены точные дежурства. «Новая жизнь» в № от 5 января 1918 г. сообщала: «До 5 часов утра в Смольном никто не ложился спать; все были на местах; во многих учреждениях были расставлены пулеметы. С часу на час ожидали вооруженного выступления с целью захвата власти. Лишь под утро, когда выяснилось, что выступление не состоялось, убрали пулеметы и усиленную охрану».

Тревога эта была вполне естественна ввиду того, что позиция Семеновского и Преображенского полков, а также 2-го Балтийского экипажа (принявшего резолюцию, сочувственную Учредительному собранию) могла казаться угрожающей, так как не успела еще тогда обнаружиться вся глубокая пассивность этого «сочувствия». В районе Таврического дворца, по сообщению «Русских ведомостей», «было сосредоточено 2 тысячи штыков и пулеметы. В районе Бассейной и Болотной улиц установлены многочисленные войсковые заставы». Всеми этими боевыми приготовлениями руководил чрезвычайный военный штаб.

Обращение Чрезвычайной комиссии по охране Петрограда к рабочим гласило: «Нами получены сведения, что на некоторых заводах враги народа

ведут усиленную агитацию среди мало политически развитых слоев рабочего класса и убеждают их выступить завтра против своей же советской власти... Только безумцы могут рассчитывать, что рабочие пойдут против своего правительства». Петроградский совет Р. С. и Кр. депутатов заканчивал свое воззвание словами: «Долой контр-революцию и их демонстрацию! Ни один рабочий, ни один солдат не пойдет 5-го числа на улицу вместе с шайкой врагов народа»! [1]). На заседании ЦИК было принято постановление, обезвреживающее попытку парламентским путем совершить переворот: «Вся власть принадлежит в Российской республике советам. Поэтому всякая попытка со стороны кого бы то ни было или какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или другие функции государственной власти будет рассматриваться, как контр-революционное действие» [2]). В это время буржуазная и «социалистическая» пресса в дружном хоре восторженно приветствовала Учредительное собрание. Союз защиты надрывался изо всех сил в высокопарных воззваниях: «В этот день все на улицу, все под знамена, под красные знамена защиты Учредительного собрания. Пусть в вашем привете увидят презрение враги и захватчики власти народной» [3]).

---

1) «Правда» от 5 января 1918 г.

2) Там же.

3) «Известия Союза защиты», № 93.

«Воля народа» в № 205 от 30 декабря 1917 г. звала петроградского обывателя на подвиги: «5 января должно быть огненными буквами выжжено в душе каждого гражданина... 5 января решаются судьбы родины и революции... К 5 января должны быть мобилизованы все физические и духовные силы страны для защиты Учредительного собрания. Граждане, готовьтесь же к исполнению своего долга! Организуйте же силы для защиты Учредительного собрания!».

Достойную оценку встречала вся контр-революционная шумиха на страницах советской печати: «Сегодня гиены капитала и их наемники хотят вырвать власть из рук советов...» писала «Правда» в аншлаге 5 января, а в статье «Манифестация или бунт?» она разоблачала: «Дело идет о жизни и смерти буржуазии и при таких условиях невинные попытки невинных манифестаций — бессмыслица... Но не хотят ли они под видом манифестации произвести бунт контр-революции? Несомненно — да!»

Демьян Бедный, всегда отзывающийся саркастическим стихом на злобу дня, писал:

Чьи исступленные мы слышим всюду вопли?
Кто защищается? Не барин ли? Не поп ли?
Кого хотят надуть все эти господа?
Какое нужно им собрание?
На что надеются они?
И чьих священных прав попрание
Их огорчает в наши дни?

Все тут они — гляди! Прикрылись новой шкурой
Свободолюбцы на словах
В борьбе с «народной диктатурой»,
Вопят о попранных правах...

Два стана, два мира находились друг против друга, разделенные непроходимой пропастью — мир труда и мир капитала. Вулкан Октябрьской революции обнажил эту пропасть, развеял туман лживых примиренческих иллюзий, скрывавший ее, раздробил все скрепы буржуазного государства... И не было уже в мире силы, которая могла бы перекинуть мост черз эту пропасть и установить «общенациональное об'единение». Беспомощные и жалкие марионетки своих конституционных иллюзий — метались эсеры, уже спаянные навсегда с лагерем буржуазии, пытаясь заманить народные массы в ловушку «чистой демократии и парламентаризма», чтобы водворить снова на прежнее место капиталистический порядок.

Левые эсеры, отколовшиеся от предательской политики своего ЦК, писали: «Почуяв небывалую еще в веках истории опасность, старый мир поднял на борьбу все силы вплоть до последнего инвалида, которыми только он мог располагать... Керенскому нужно превратить Учредительное собрание в траншею, откуда будет обстреливаться трудовая революция. Пусть знают Керенские,— не вернутся их

времена!. Их мечтания — несбыточные мечтания. Революция прошла через них и смела их навеки со своего пути!» [1]). Советский стан, опираясь на непоколебимую силу масс, не мог сомневаться в победе. Спокойно, уверенно, в сознании своей силы, готовился он к отпору.

VI. ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Наступил, наконец, решительный день 5 января, который должен был дать разряд накопленному электричеству раскаленной политической атмосферы. Вот как описывали журналисты «Новой жизни» (6 января) внешний вид Петрограда в этот день. «Большие магазины закрыты и заколочены деревянными щитами... Кое-где щиты совершенно свежие, видимо, только сегодня приложенные... В 10 часов утра появляются автомбили Союза защиты Учредительного собрания, разбрасывающие бюллетени Союза и воззвания к петроградскому гарнизону. Публика жадно набрасывается на них: одни читают тут же, другие торопливо прячут в карман, третьи с бранью разрывают листки в клочья...

---

[1]) Сборник левых эсеров. «Вокруг Учред. собрания», ст. Устинова.

Кое-где идет еще расклейка иллюстрированных воззваний Союза защиты, приглашающих на манифестацию в честь Учредительного собрания... Через всю Шпалерную сложены толстые двухаршинные бревна, образуя баррикады». Как мы видели выше, ЦК партии эсеров запретил военной комиссии от своего имени начать вооруженное выступление, но это вовсе еще не обозначало, что эсеры имели в виду придать манифестации невинный характер. Наоборот, они горели желанием, чтобы стихийным путем манифестация вылилась в бунт против советской власти, и тут уже наготове стояла военная комиссия, собиравшаяся возглавить это движение. Что эсеры даже после постановления ЦК не оставили своих мятежнических планов, доказывают показания Тимофеева на процессе эсеров: «Окруженные кольцом этой манифестации, мы думали, что оно (Учредительное собрание) будет, во-первых, чувствовать себя тверже и прочнее, во-вторых, мы ничего бы не имели против, если бы нами, даже насильственно, был отстранен караул, вами (большевиками) там самовольно поставленный... Во всяком случае, мы хотели одного: чтобы Учредительное собрание было опоясано верными, преданными гражданами и имело в своем распоряжении силу, чтобы защитить его заседания... Может быть, в этот момент мы сочли бы возможным не только защитить Учредительное собрание, но и пойти на штурм

Смольного, но мы предпочли бы другое, — чтобы вы двинулись из Смольного» [1]).

На дальнейшие вопросы государственного обвинителя Крыленко, он (Тимофеев) ответил: «Так как лучшая оборона есть наступление, то, во имя обороны, мы могли бы перейти в наступление». М. Н. Покровский, приведя эту цитату, задает по этому поводу ядовитый вопрос: «Это — мирная манифестация? Мирные манифестации всегда кончаются тем, что люди, насильственно удалив военный караул (чего без оружия, конечно, сделать нельзя), идут на штурм?» Действительно, «мирный характер» манифестации, — это был лишь своеобразный шифр, маскировавший заговор эсеров против пролетарской диктатуры. Итак, мы видим, что все меры предосторожности, принимаемые в этот день советской властью, были вполне уместны и целесообразны. Нужно было всеми средствами задержать толпы манифестантов, не допуская их скопления у стен Таврического дворца, не останавливаясь, в случае необходимости, и перед применением оружия. На карту было поставлено слишком многое, чтобы можно было рисковать полумерами, и всякое промедление или колебание в отпоре могло бы повести лишь к углублению авантюры и связанных с нею жертв и кровопролития. Манифестации двинулись по заранее намеченному плану от сборных

---

1) Цитата по кн. М. Н. Покровского. «Что установил процесс так называемых с.-р.»

районных пунктов. Вот их перечисление, которое давал в своих «Известиях» Союз защиты: «Стяги разных организаций подгрупп и районов пяти социалистических партий, союзов служащих, торгово-промышленных, почтово-телеграфных, городских, земских, городского союза, земского союза банковских служащих, целого ряда рабочих отдельных фабрик». Из этого описания нам сразу бросается в глаза картина доминирующего интеллигентски-чиновничьего состава; сюда же примыкал и разрозненный обыватель — мелкий буржуа, высыпавший на улицу, словно встревоженный улей, чтобы демонстрировать свое тяготение к господству капиталистической системы. «Среда, в которой семена, посеянные Комитетом защиты Учредительного собрания, дали богатую жатву, — пишет Соколов — была обывательская... И мне кажется, в факте, что десятки тысяч обывателей вышли на улицы Петрограда, известную и не малую роль сыграла деятельность Комитета» [1]). Это — слова не большевика, а эсера боевика, яростного защитника Учредительного собрания, следовательно, заподозрить его в намерении исказить картину, никак нельзя. И не подозревая, какой глубочайшей насмешкой над собственной партией звучат его слова, он продолжает: «Конечно, трудно предположить, что большинство

[1]) Соколов. «Защита Всероссийского учредительного собрания».

демонстрировавших были подлинными сторонниками Учредительного собрания. Но другое чувство, кроме любви к демократии, владело толпой: это была ненависть к большевикам. Обыватель-петроградец, в широком смысле этого слова, готов был всколыхнуться от своей пассивности и пойти даже за Учредительным собранием, если последнее найдет в себе достаточно сил, чтобы свергнуть большевиков...» И дальше Соколов выражает сожаление, что партия эсеров не сумела приспособить свои лозунги к этому мелкому обывательскому потоку, вышедшему из своих берегов под влиянием шторма в глубинах социального моря.

Как мы уже видели выше, некоторая небольшая часть рабочих была также вовлечена Союзом защиты в авантюру манифестации. Часть из них пошла, вследствие своей несознательности; другая, истомленная хозяйственной разрухой, была словно загипнотизирована эсеровскими посулами, обещавшими, в связи с открытием Учредительного собрания, открыть эру социального рая; наконец, третья, просто не успела еще так быстро освоиться с крутым поворотом истории, который превратил долгожданный лозунг «Вся власть Учредительному собранию» в лозунг реакции. Эти рабочие говорили: «зря, что ли, выбирали мы Учредительное собрание,— пускай будут и советы и Учредительное собрание».

Несомненно, однако, что все эти рабочие элементы не отдавали себе отчета в том, что манифестируя, они служат контр-революции. Вот почему, так быстро, даже в этих отсталых кругах, настроение это погасло после 5 января, после того как Учредительное собрание на деле выявило свою антисоветскую сущность. Главной ареной столкновения явился Литейный проспект, где скрещивались различные группы манифестантов, устремлявшиеся к Таврическому дворцу. «Таврический дворец, — пишет в своих воспоминаниях эсер Климушкин — представлял собой в полном смысле слова, укрепленный военный лагерь. Улицы, сходящиеся у этого центра, были заполнены вооруженными заставами, вначале из небольших отрядов, человек в 5 или 10, а по мере приближения к центру, эти заставы все увеличивались и, наконец, у самого дворца они состояли из нескольких сотен с пулеметами и артиллерией... У первой заставы обыкновенно начиналась обычная процедура окриков, брани и взаимного препирательства. Манифестанты эти первые заставы сминали без всякого боя, не подозревая, что в засаде сидит вторая застава, более мощная...» [1]). Манифестанты, встречаемые сначала предупреждениями, потом залпами в воздух, в большинстве случаев рассыпались. Однако некоторые части манифестации упорно про-

---

[1]) Климушкин. «Правда об Учредительном собрании».

рывались сквозь кольца заставы, и тогда приходилось прибегать к настоящим военным действиям, чтобы прекратить дальнейший прорыв к Таврическому дворцу. В иных случаях бывала, конечно, и некоторая поспешность в залпах, но это было вполне об'яснимо в атмосфере, накаленной до такой степени, когда винтовки сами начинают палить. Тем более, что среди манифестантов были замешаны единицы боевиков, бросавших бомбы и ручные гранаты в красногвардейцев.

По этому поводу «Правда» (7 января 1918 г.) сообщала: «У арестованных (манифестантов) отнимали не только револьверы, но бомбы. Несколько бомб было «мирно» брошено в красногвардейцев, но, к счастью, без вреда. Какая-то компания «мирно» обстреляла т. Урицкого». Что касается советских солдат в заставах, то они, отчетливо сознавая, что манифестации эти шли, чтобы отнять только-что завоеванные у «буржуев» землю, мир и волю, с озлоблением бросали навстречу манифестантам: «Буржуи проклятые, куда собрались итти?.. Вот задаст вам Ленин! Будете знать» [1]). А когда в руках у них, в качестве трофеев, оставались знамена с лозунгами «Вся власть Учредительному собранию», они торжественно сжигали их на кострах. Среди манифестантов солдаты встречались лишь одиночками. Пресловутые семеновцы и преображенцы, ко-

---

[1]) Соколов (по воспоминаниям).

торых эсеровские цекисты хотели спровоцировать на самостоятельное выступление, отказываясь в то же время дать санкцию этому выступлению от имени фракции Учредительного собрания, даже и не подумали итти на манифестацию: одни — потому, что были выведены из терпения двуличной политикой эсеров, а иные просто из благоразумия рады были остаться в стороне от сомнительной авантюры.

Общее число участников манифестаций трудно установить, но, во всяком случае, оно определяется тысячами (что касается Москвы, то там манифестация состояла лишь из нескольких сотен). Вскоре все манифестации были рассеяны. Жертв было немного: самая большая цифра, указанная в № 4 «Известий Союза защиты» — 20 человек убитых и около 100 раненых[1]). Мифическая народная стихия, к которой взывали эсеры, не вышла из берегов ради сомнительных учредиловских благ, и учредиловская авантюра потерпела полное поражение.

Что происходило в это время за стенами Таврического дворца, на фронтоне которого следовало бы в этот день написать «храм буржуазной реставрации»? Приведем образное описание эсера Климушкина: «Рано утром мы (фракция с.-р. Учр. собр.)

---

[1]) «Бюллетень членов Учредительного собрания» от 17 янв. 1918 г. называет цифру —15 убитых и 93 раненых.

собрались в какой-то чайной... окончательно условились относительно нашего поведения. Было предусмотрено все до мельчайших подробностей, вплоть даже до того, где кто должен сидеть, что говорить и что делать... Часов в 12, выстроившись длинной колонной, мы двинулись к зданию Учредительного собрания. Кругом было полное безмолвие... Дальше картина изменялась к худшему. Мимо мчались автомобили, наполненные матросами и красногвардейцами, проходили отряды, встречались испуганные лица обывателей. У самого Таврического дворца было что-то убогое, жалкое. Никаких манифестаций, ни встреч, ни приветствий. Отдельные испуганные фигуры... Таврический дворец был весь оцеплен войсками и в ограде стояло несколько пулеметов и пушек, глядевших своими холодными жерлами прямо в лицо депутатам» [1]). Собравшиеся депутаты разошлись на заседание фракций. Большевики медлили с открытием общего заседания, в связи с выяснением размеров и сил антисоветского движения. Трудно было предполагать, что весь эсеровский контр-революционный заряд так быстро будет ликвидирован. В 3½ часа зал заседаний был открыт при наличии 402 членов, из них большевиков и левых эсеров — 153 чел., правых эсеров и прочих партий — 244 чел. [2]). С самого же первого момента обнаружилась вся непримиримость

---

[1]) Климушкин. «Правда об Учредительном собрании».

[2]) В. Владимирова. «Год службы социалистов капиталистам».

позиций эсеров. У них заранее было условлено, что Учредительное собрание откроет самочинно старейший из депутатов, тем самым они хотели подчеркнуть, что Учредительное собрание совершенно не считается с существующей властью советов.

Вот как описывает начало заседания «Новая жизнь» в № 14 от 6 января 1918 г.: «В зале заседаний, на депутатских креслах наклеены крупные надписи, с обозначением мест фракций. Крайние левые места занимают большевики, за ними места левых эсеров, затем украинцев, в центре эсеров-центровиков и, наконец, направо от президиума национальная группа. Надписи фракции к.-д. нет. Когда стрелка остановилась на 4-х часах, из рядов партии эсеров поднимается Лордкипанидзе и, обращаясь к членам Учредительного собрания, предлагает поручить старейшему члену его открыть Учредительное собрание... На трибуну поднимается Швецов, встречаемый бурными аплодисментами правой части и центра, шумом и свистом большевиков. Трибуну окружают большевики и эсеры. Первые предлагают Швецову покинуть трибуну. Аванесов подходит к Швецову и берет у него звонок. В этот момент на трибуну поднимается председатель ЦИК Свердлов и начинает звонить для водворения порядка».

В такой атмосфере непримиримости открылось это Учредительное собрание, представлявшее из себя борьбу «вчерашнего дня революции» с ее «се-

годняшним днем». Свердлов, заняв председательское место, огласил «Декларацию прав трудящихся и эксплоатируемого народа» от имени ВЦИК. Эта декларация должна была послужить пробным камнем для выявлении позиции Учредительного собрания. Будь эта декларация принята, Учредительное собрание могло бы сыграть подсобную роль для укрепления советской власти, наоборот, непризнание ее делало ясным для всех, что Учредительное собрание отказывается от той дороги, которую массы проложили в Октябре, что оно хочет возврата назад, к капитализму. Главнейшие положения декларации были: об'явление России федеративной республикой советов Р.С. и Кр. депутатов, подтверждение декретов советской власти о земле, рабочем контроле, национализации банков, об образовании Красной армии, об аннулировании займов, а также признание той политики мира, какая уже проводилась советской властью.

«ЦИК выражает надежду,— говорил в заключение Свердлов,— что Учредительное собрание, поскольку оно правильно выражает интересы народа, присоединится к декларации... Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству — советам Р. С. и Кр. депутатов. Поддерживая советскую власть и декреты Совета народных комиссаров, Учреди-

тельное собрание признает, что его задачи исчерпываются общей разработкой коренных оснований социалистического переустройства общества... Об'являю, по поручению ЦИК советов Р. С. и Кр. депутатов, Учредительное собрание открытым. Предлагаю избрать председателя» [1]).

Слышатся возгласы: «Товарищи, Интернационал!» Одна часть депутатов восклицает: «Вся власть Учредительному собранию», другая — «Вся власть советам!» Так с самого начала заседания ноты непримиримой борьбы прозвучали в Учредительном собрании, и эти ноты звучали потом лейтмотивом на протяжении всего заседания. Напряженная ненависть двух непримиримых классовых врагов насыщала атмосферу заседания, словно электрическим током, и малейшая резкость в словах оратора вызывала взрыв негодования одного лагеря и взрыв аплодисментов другого. Галерка, заполненная революционными матросами и рабочими, экспансивно вибрировала в унисон с советской частью Учредительного собрания. После выборов председателя соотношение сил обозначилось ясно. Эсеры провели Чернова большинством 244 голосов, против 153, поданных за Спиридонову. Но вот выступил Чернов с необычайно длинною программною речью. Эта речь показала с очевид-

[1]) Протоколы Учредительного собрания.

ностью, что эсеры ничему не научились на своих коалиционных опытах, что они все также тяготеют к «всенародному единению» с буржуазией, все также мечтают о мире, заключенном совместно с «доблестными союзниками», и все также далеки от понимания текущего момента, видя лишь временную пену на гребнях волн там, где идет глубинный и длительный шторм, разбивающий устои старого мира. Всю его речь пронизывала главная идея: «Вся власть Учредительному собранию»,— вот какую программу намечало его большинство, т.-е. фракция эсеров. Начал Чернов свою речь с благозвучных фраз о том, что «русская революция родилась со словами мира на устах» и должна остаться верной лозунгам демократического мира, а кончил призывом «сорганизовать на национально-территориальных основах добровольческую армию», которая «пойдет в бой под красными знаменами социализма». Уж, воистину, «начал за здравие, а кончил за упокой». Идею создания новой добровольческой армии мог подсказать эсерам только союзник эсеров по коалиции — кадет, отсутствующий на собрании, но витающий незримо во всех речах и предложениях эсеров. Из подобной армии легко было бы, при условии возврата к буржуазному строю, создать прекрасную опору фашизму, — стоило лишь, как водится, поручить ее формирование и отбор генералам с солидным стажем. Измученная революционная армия будет, конечно, распущена по домам и...

«тут-то мы уже сами повоюем!»—с удовлетворением могла сделать вывод буржуазия. Разве неясно после этого, что кадетская пресса недаром обещала всю свою поддержку Учредительному собранию? Разве непонятны, ввиду этого, гимны Пуришкевичей и банкиров в честь этого собрания? Ведь при помощи этого плана в два счета можно было бы справиться с революцией, а там... подумать и о подходящем диктаторе.

Далее Чернов высказал свое негодование по поводу «предательского сепаратного мира», подверг осуждению всю конкретную политику советской власти, реально направленную к заключению мира, и вместо этого обещал в скором времени созвать «социалистический предконгресс», с участием представителей воюющих стран, который тотчас, магическим жезлом, установит этот мир. Окончательное же завершение мир найдет на высоком совещании союзных правительств в Париже. Словом, Чернов повторил слово в слово те смехотворные и фантастические проекты заключения мира, которыми в течение восьми месяцев морочили изнывающую в окопах армию и над которыми громко смеялись союзные правительства, а втихомолку в кулак посмеивалось правительство отечественное в лице кадетов. Для утопически мыслящего эсера, который не учитывает реального соотношения классовых сил, все дело в области заключения мира сводилось к словечку «давление», склоняемому на все

лады. Результаты этой политики были весьма показательны: доморощенные советские «аргонавты» раз'езжали по белу свету в поисках «золотого руна» [1]) — мира, пытаясь оказывать словесное давление и агитируя за созыв Стокгольмской конференции социал-патриотов, а тем временем иностранные послы Временного правительства расшаркивались перед союзными империалистами, извиняясь за нетактичность «советской делегации» и отмежевываясь от нее, как от «сепаратно-партийной». Стокгольмская конференция кончилась, конечно, крахом (правительства отказали социалистам в выдаче паспортов). А когда уже накануне Октября советы настояли на посылке своего делегата вместе с делегатом Временного правительства на Парижскую конференцию союзников, то в предпарламенте известный империалист Милюков выступил с огненной речью, где он едко высмеивал нелепость подобного наказа на конгрессе империалистических правительств и совершенно резонно указывал: «я не удивлюсь вопросам в иностранных палатах «Скажите, зачем едет этот господин и о чем мы будем с ним разговаривать?» [2]). И вот эту-то бесконечную канитель, заведомо обреченную на неудачу, давно потерявшую всякий кредит и доверие у разочарованных масс — эту канитель предлагал теперь снова возобновить В. Чернов от

---

1) Крылатое словечко Зензинова на IV с'езде партии эсеров.
2) «Русская воля», 19 октября 1917 г., № 248.

имени партии, случайно взявшей верх в Учредительном собрании. Подобно старой шарманке, играющей один и тот же нелепый и надоевший мотив, — мыслительный аппарат Черновых и К°, скованный своей мелкобуржуазной идеологией и неумением марксистски анализировать действительность, возвращается к старой песне, так жестоко осмеянной жизнью. Далее в его речи мы слышим призыв к заключению гражданского мира «с сынами Вольного Дона» (калединцами) и хлеборобами Украины (Украинской радой) для того, чтобы включить всех и вся в единые общенациональные об'ятия. Наконец, в аграрном вопросе он обещал «из области голых лозунгов и общих формул перейти, наконец, в область осуществления...» На это голоса слева и с галерки резонно ответили ему: «Поздно... Не вы ли расстреливали крестьян? Да здравствуют советы, передавшие землю крестьянам. Это сделано советами!» [1]) Обещания Черновых в этом вопросе не новы и цена им известна. Совершенно несомненно, что широковещательную программу эсеров в земельном вопросе никогда бы не под силу было провести эсеровской партии, не желающей выходить из рамок единения с господствующими классами. В конце концов, они, во имя гражданского мира, безусловно пошли бы в этом вопросе на компромисс в смысле выкупа по «спра-

---

1) Протоколы Учредительного собрания.

ведливой оценке», устрашенные призраком «экономической катастрофы». неспособные итти последовательно на ломку буржуазного строя.

Опыт самарского царствования эсеровских учредителей дал нам наглядное подтверждение справедливости этого вывода. Как метко выразился Бухарин на процессе эсеров, партию эсеров необходимо было «выпихнуть за дверь, да еще и прикрыть этой дверью» для того, чтобы можно было выполнить ее земельную программу, — выполнение этой задачи оказалось под силу только партии пролетариата. В конце своей речи, пустив слезу по поводу «беспорядочного расхищения народного достояния», осуществляемого советской властью, Чернов обещал народу в дальнейшем «методическое и размеренное социалистическое строительство», чуждое «азартных и рискованных опытов». Иными словами, он предлагал ликвидировать советскую власть с ее «рискованными опытами» обобществления средств производства и первых переходных шагов к социализму, и повернуть руль государственного корабля в прежнее капиталистическое русло, чтобы затем реформистским методическим путем, в рамках «самого совершенного парламента в мире»—продвигать этот государственый корабль к социализму. В конце своей речи Чернов выдвинул план грандиозных общественных работ, которые должны оплодотворить бесплодные земли, осушить заболоченные места, словом, открывал эру расцвета и

социального благоденствия и для рабочего, и для крестьянина, и для капиталиста.

Когда-то бойкий фельетонист Тан красочно описывал Чернова на демократическом совещании — это описание очень подходит и к речи его в Учредительном собрании. Вот выдержка из него: «Чернов на трибуне. Он говорит от сердца и от разума, с дрожью в голосе, даже руку прижимает к груди, совсем, как Качалов. Он повторяет на память свою собственную передовицу из «Дела народа», слово в слово повторяет, обещает трудиться за двоих, трудиться за кадетов и за всю цензовую Россию, за всю буржуазию. Величественное зрелище! Единственный Чернов трудится, потеет за всю буржуазию [1]). Как тут было не расчувствоваться русскому народу от черновских речей, сулящих в будущем золотые горы, а пока предлагающих оставить «рискованные опыты» социалистического строительства и лет на 200 впрячься опять в капиталистическую колесницу. И галерка, переполненная революционными рабочими и солдатами, действительно живо реагировала на эту речь, но увы, не от восторга. Как описывает Климушкин: «Во время речи Чернова, при некоторых его словах, стоял буквально рев в зале. Свист и стук то и дело прерывались выкриками: «Предатель. Буржуй. Изменник». Так борцы за социальную революцию, еще так недавно в бою

1) «Русская воля», 16 сентября 1917 г. В. Тан. «Из впечатлений Демократического совещания».

дравшиеся с Черновым и Церетели во время юнкерских восстаний, приветствовали обанкротившихся вождей, пришедших в Учредительное собрание навязывать свою волю революционному народу во всеоружии фальшивых мандатов «вчерашнего дня революции». Ленин, формулируя свои впечатления от этой речи, говорил на заседании ВЦИК 6 января:

> «Когда я попал из бьющего ключем Смольного в Таврический дворец, я почувствовал себя так, как будто я находился среди трупов и безжизненных мумий... Старой, древней заплесневелой стариной повеяло от речей Чернова и Церетели, этих отживших деятелей, продолжающих вс ныть о прекращении гражданской войны» [1].

После этой тягучей программной речи Чернова, переполненной перепевами старой эсеровской шарманки, прозвучал краткий и необычайно выразительный ответ от имени авангарда пролетариата. Словно свежий ветер революции, сдувающий вековую пыль и плесень, пронеслась эта речь, проникнутая глубоким пафосом революционного творчества... Тов. Бухарин говорил в своей речи об эсерах: «Можно, конечно, клясться Циммервальдом и можно быть в то же время изменником Циммервальда, можно говорить о трудовых массах и расстреливать эти массы разрывными пулями юнке-

[1] Ленин, соч., т. XV «Речь о роспуске Учредительного собрания».

ров... Можно говорить о воле к социализму и во то же время быть убийцей этого социализма».

Далее т. Бухарин вскрыл в своей речи, что вопрос о том, в чьих руках Учредительное собрание оставит власть,— в руках пролетариата или буржуазии,— является коренным вопросом, так как в зависимости от этого кардинально меняется сущность всей программы. В случае, если власть будет отдана снова в руки буржуазии, регулирование производства станет «каторжным капитализмом» для рабочих масс, передача земли общенародным органам превратится в предательский обман и закабаление крестьянства, национализация банков будет служить лишь укреплению буржуазного госкапитализма, а вооружение народа будет вооружением империализма. Эсеры хотят отдать власть «трижды презренной и трижды проклятой коалиции, где Церетели будет жать руку Бубликову», а через Керенского будет править Рябушинский. «Мы, товарищи, сейчас закладываем фундамент жизни человечества на тысячелетия... Самое последнее слово науки, которое преподносят нам наши политические противники — это есть создание теперь паршивенькой буржуазно-парламентской республики, такой, которая, подобно Американской республике, бьет электричеством своих социалистов, или такой, где, подобно Франции, — финансовая клика правит всем... В этот момент, когда заревом революционного пожара, если не сегодня, то завтра —

загорится весь мир, мы с этой трибуны провозглашаем смертельную войну буржуазно-парламентской республике... Мы, коммунисты, мы, рабочая партия, стремимся к созданию в первую голову в России великой советской республики трудящихся...» [1]).

От имени левых эсеров выступил Штейнберг. По поводу речи Чернова он сказал: «Это — речи не новые, речи давно нами слышанные и давно уже жизнью опровергнутые. Мы заявляем, что за 9 месяцев революции довольно уже наслышались таких речей...» Дальше он говорил: «Для Учредительного собрания есть лишь один путь: это — подчиниться воле трудового народа, изложенной в программе совета Р. С. и Кр. депутатов... Величайшее революционное достоинство Учредительного собрания, происходящего на 11 месяце революции, заключается в том, чтобы оценить, понять и преклониться перед царственной волей народа». Не будем передавать речи меньшевика Церетели, переполненной выпадами против советской власти. Для полосы величайшего строительства, «закладывающего фундамент жизни человечества на тысячелетия», он не находил иных определений, кроме — «азартная ставка», «роковые опыты с социализмом», «смертельный кризис революции», грозил анархией и гибелью, и в заключение провозгласил от имени своей фракции (состоящей из единиц): «Поэтому,

1) Протоколы Учредительного собрания.

социал-демократическая фракция призывает весь рабочий класс России отвергнуть неосуществимые и гибельные попытки... и грудью встать на защиту полновластья Учредительного собрания». Отвечал Церетели Скворцов (большевик): «Я удивляюсь, каким образом гражданин Церетели, казалось бы, марксист, может апеллировать к такому понятию, как общенародная воля. Марксист не знает общенародной воли, а знает волю эксплоататорских и эксплоатируемых классов... Вы пользуясь тем, что народ в вас не разобрался, крестьянство не разобралось... не различило в вас двух групп, из которых одна является действительным защитником крестьянства, именно левые эсеры... вы вошли сюда контрабандой, обманом... Мы хотим развеять тот туман, тот фетишизм, которым еще в глазах многих окружено Учредительное собрание. Вы этого боитесь и поэтому вы хотите отказаться от обсуждения нашей декларации, в этом — об'яснение вашего поведения».

После оглашения декларации левых эсеров, которая гласила, что «Учредительное собрание может рассчитывать на поддержку трудовых масс постольку, поскольку оно пойдет по пути подтверждения и развития завоеваний Октябрьской революции», вопрос о порядке дня был поставлен на голосование. Большинством 237 голосов против 146 был принят порядок дня, исключающий обсуждение декларации и, тем самым, Учредительное собра-

ние собственными руками подписало себе смертный приговор. Отклоняя обсуждение декларации, эсеры стремились замазать временно факт своего категорического расхождения с советской властью и выиграть этим время. Однако по требованию большевиков и левых эсеров, был тотчас об'явлен перерыв для фракционного обсуждения создавшегося положения; после него большевики покинули собрание, огласив перед уходом свою декларацию. В этой декларации говорилось:

«Громадное большинство трудящейся России — рабочие, солдаты и крестьяне — пред'явили Учредительному собранию требование признать завоевания великой Октябрьской революции — советские декреты о земле, мире и рабочем контроле и, прежде всего, признать власть советов Р. С. и Кр. депутатов. Большинство Учредительного собрания, однако, в согласии с притязаниями буржуазии, отвергло это предложение, бросив вызов всей трудящейся России... Учредительное собрание, в его нынешнем составе, явилось результатом того соотношения сил, которое сложилось до Октябрьской революции. Нынешнее контрреволюционное большинство Учредительного собрания, избранное по устаревшим спискам, выражает вчерашний день революции и пытается встать поперек дороги рабочему и крестьянскому движению... Не желая ни минуты

прикрывать преступления врагов народа, мы заявляем, что покидаем это собрание с тем, чтобы передать советской власти окончательное решение вопроса об отношении к контрреволюционной части Учредительного собрания».

После этого была зачитана Штейнбергом декларация левых эсеров, в которой они пытались сделать последний шаг к соглашению, требуя ультимативно немедленного обсуждения и признания политики мира, проводимой советской властью. Однако и это Учредительным собранием принято не было, и тогда покинули собрание и левые эсеры.

После ухода большевиков и левых эсеров Учредительное собрание лишилось 38% своего состава и превратилось фактически в заседание право-эсеровской фракции. Второпях и без всяких прений принялись эсеры печь, как блины, свои, никому ненужные законы, давно заготовленные ими во всевозможных комиссиях. Провозгласили Россию федеративной республикой (конечно, не советской, а буржуазной), приняли закон о земле (уже давно декретированный советской властью и проводимый ею в жизнь) и, наконец, состряпали обращение к союзникам, в котором, выражая сожаление по поводу советской политики в деле заключения мира, предлагали «приступить к совместному определению условий демократического мира», а для переговоров выбрали «полномочную делегацию».

Вот как описывает Соколов конец этого нелепого в своей глубочайшей исторической никчемности заседания: «На кафедре В. М. Чернов, председатель собрания. Читает декларацию. Читает он ее быстро, спеша, неразборчиво. Поминутно его прерывает возгласами галерка, уже уставшая, полусонная...» Наконец, в $4\frac{1}{2}$ часа утра заседание было прекращено. Эсеровские «учредители», мнившие себя героями народного дела, а на деле бывшие героями дела буржуазной реставрации, ожидали трагического заключительного аккорда в виде разгона, ареста и т. д., и т. п. На самом деле, за подписью Ленина, было получено караулом постановление: «Предписываю тов. солдатам и матросам, несущим караульную службу в стенах Таврического дворца, не допускать насилия к контр-революционным членам Учредительного собрания и свободно выпускать всех из Таврического дворца» [1]). И все «учредители» покинули беспрепятственно Таврический дворец, чтобы больше никогда в него не возвращаться.

Так закончился этот единственный день Учредительного собрания, как бесславная страничка из эпопеи контр-революции, пытавшейся под личиной демократизма и парламентаризма осуществить реставрацию капитализма. Но крепкие пролетарские ряды не удалось дезорганизовать и раздробить. Под руководством стальной ленинской партии пролета-

---

[1]) «Русские ведомости» от 10 января 1918 г.

риат отразил и этот удар, при поддержке многомиллионного крестьянства, осознавшего обман Учредительного собрания.

На следующий день ВЦИК принял декрет о роспуске Учредительного собрания, который гласил:

> «Трудящимся классам пришлось убедиться на опыте, что старый буржуазный парламентаризм пережил себя, что он совершенно не совместим с задачами осуществления социализма, что не общенациональные, а только классовые учреждения (каковы советы) в состоянии победить сопротивление имущих классов и заложить основы социалистического общества».

Так как господствующая партия Учредительного собрания отказалась признать программу советской власти, то

> «тем самым Учредительное собрание разорвало всякую связь между собой и советской республикой России...».

> «...Оставшаяся часть Учредительного собрания может в силу этого играть роль только прикрытия борьбы буржуазной контр-революции для свержения власти советов. Поэтому, ВЦИК постановляет: Учредительное собрание распустить».[1]).

В своей речи о роспуске Учредительного собрания (6 янв. 1918 г.) Ленин говорил:

---

[1]) Ленин, соч. т. XV. «Декрет о роспуске Учредительного собрания».

«Некогда, по сравнению с царизмом и республикой Керенского, Учредительное собрание было для нас лучше их пресловутых органов власти. Но, по мере возникновения советов, последние, конечно, как всенародные революционные организации, стали несравненно выше всех парламентов всего мира, и это явление я подчеркивал еще в апреле месяце... Народ хотел созвать Учредительное собрание — и мы созвали его. Но он сейчас же почувствовал, что из себя представляет это пресловутое Учредительное собрание. И теперь мы исполнили волю народа, — волю, которая гласит: «Вся власть советам!»... Когда Учредительное собрание опять из'явило готовность отложить все больные назревшие вопросы и задачи, пред'явленные ему советами, — мы им ответили, что не может быть ни одной минуты отсрочки... Учредительное собрание распускается и Советская революционная республика восторжествует во что бы то ни стало» [1]).

Посмотрим теперь, что делалось в антисоветском лагере после 5 января. Члены Учредительного собрания выпустили длинное и широковещательное воззвание, которое заканчивалось словами: «Остановите же насилие над правами народа, призовите вооруженных сынов своих к подчинению народной

[1]) Ленин, соч. т. XV. «Речь о роспуске Учредительного собрания».

воле». Эсеровская фракция Учредительного собрания взывала с исступлением: «5 января нанесен жестокий удар последней надежде русского народа... Отныне нет у нас свободы, не будет мира, не будет хлеба...» Союз защиты призывал: «Настоящая борьба только еще начинается! У кого есть дар слова — идите и агитируйте. Кто владеет пером, отдайте его народу в борьбе за народные права. У кого есть средства — жертвуйте в фонд защиты Учредительного собрания. Входите через социалистические партии и демократические организации в Союз защиты. Жертвуйте деньги через комитеты социалистических партий и редакции социалистических газет». Однако вся эта шумиха мало помогала «Учредительному», ибо факты — упрямая вещь и словом их не проймешь. А факты говорили вот что: вспомнил, как лихорадочно готовил ЦИК I созыва свой с'езд, предназначенный быть опорой Учредительному собранию. Результаты были, до курьеза, ничтожны, — с'ехалось всего 15 человек. Пришлось ликвидировать свою обанкротившуюся лавочку, под угрозой репрессий со стороны большевиков. «Ввиду того, что вооруженной силою заняты помещения Союза защиты Учредительного собрания, ЦК партии с.-р. и н.-с., разгромлен ЦИК I созыва, и члены его находятся под угрозой ареста, с'езд отменяется, с целью сохранения сил для дальнейшей неутомимой борьбы» [1]).

[1]) «Известия Московского союза защиты», № 5.

Таким же крахом кончилась и затея контр-революционного Исполкома совета крестьянских депутатов. Правда, на их зов с'ехалось, по недоразумению, до 300 делегатов, но когда дело выяснилось, они ушли в Смольный, а оставшаяся группа была вскоре безболезненно ликвидирована [1]). Так лопнули мыльные пузыри эсеровских с'ездов. Вообще советская власть после 5 января деятельно принялась за ликвидацию осиных гнезд контр-революции и черносотенной прессы, и вскоре эта последовательная борьба привела к благоприятным результатам. В Москве с 10 по 15 января происходило совещание земских и городских самоуправлений, на которое так надеялась эсеровская фракция Учредительного собрания. Совещание проявило очень энергичное настроение и готовность бороться до конца за власть самоуправлений на местах и за Учредительное собрание. И вот, какие меры собиралось оно предпринять:

«3) Всем городским самоуправлениям и земствам образовать денежный фонд в распоряжение Учредительного собрания путем ассигнований, сборов и отчислений для укрепления позиции Учредительного собрания. 4) Ускорять распад большевистских настроений в массах путем напряженной агитации в массах, принять участие в организациях Союза защиты Учредительного собрания на местах. 5) На

---

1) В. Владимирова. «Год службы социалистов капиталистам».

сходах по деревням проводить приговоры о немедленном возобновлении работ Учредительного собрания. 7) Принять все меры к тому, чтобы профессиональные об'единения по первому приказу Учредительного собрания могли выступить на его поддержку путем всероссийской политической стачки»[1]). Как видим, программа широко задумана, однако, не долго пришлось ею тешиться земствам и городам. Мощно развертывая свои силы, советы Р. С. и Кр. депутатов вскоре овладели всем хозяйственным механизмом на местах, а земства и городские думы, давно потерявшие доверие масс, тихо скончались, не успев приступить к выполнению своих контр-революционных замыслов.

И хотя вопли воззваний от «Учредительного» и от Союза защиты Учредительного собрания продолжали наводнять страну, однако, «народ безмолвствовал», ибо все яснее для него становилась картина исторической жизни и все теснее смыкались ряды многомиллионного крестьянства с рядами пролетариата.

Как же реагировали массы на декрет о роспуске Учредительного собрания? Митинги, которые были устроены большевиками, по всем заводам и фабрикам на следующий день показали с несомненностью, что рабочая масса в целом незыблемой стеной сто-

[1]) «Известия Московского союза защиты», № 5.

яла за свою пролетарскую власть. Некоторые заводы, принимавшие участие в манифестации, выносили вначале резолюции протеста, но вскоре даже те островки среди пролетариата, которые временно поддались на удочку «Учредительного», теперь, после отчетливого выявления его сущности, возвращались постепенно на правильную позицию.

Об этом, с болью в сердце, рассказывает нам Соколов, который, сравнивая картину настроения рабочих на некоторых заводах до 5 января и после него, вынужден констатировать резкую перемену. Так, например, на митинге 6 января в Экспедиции заготовления государственных бумаг, где эсеровщина пустила корни, не было уже заметно «возмущения большевиками, столь резко и ярко выраженного до 5 января, ни того преклонения перед демократией и идеей Учредительного собрания». А на Франко-русском заводе, где тоже значительная группа рабочих стояла за «Учредительное», — уже 6 января. «И сам Зиновьев встречается рабочими, как победитель, и его речи... принимаются с энтузиазмом» [1]). То же самое наблюдалось на полковом митинге в Измайловском полку (занимавшем ранее колеблющуюся позицию). «И само Учредительное собрание, — говорит Соколов, — представлялось им своего рода сфинксом, значение и силу которого

---

[1]) Соколов. «Защита Учредительного собрания».

они преувеличивали. И когда 5 января этот сфинкс так легко и грубо, а главное — безнаказанно, был разрушен большевиками, то солдатскую душу постигло разочарование». Соколов неправильно истолковывает этот резкий перелом: не в том, конечно, дело, что сфинкс был безнаказанно разрушен, а в том, что уста этого сфинкса, наконец, раскрылись, и те речи, которые услышали массы, разоблачили его контр-революционную сущность. Мог ли рабочий поддерживать то Учредительное собрание, которое призывало его оставить «азартные и рискованные опыты» социалистического строительства и опять послушно согнуться под ярмо капитала? Мог ли солдат встать на защиту того Учредительного собрания, которое отвергло политику мира советской власти, уже близкую к завершению, и предлагало вернуться к никчемной и предательской политике Временного правительства? И, наконец, мог ли выступить с поддержкой Учредительного собрания крестьянин, который довольно уже наслушался от Черновых о пресловутой социализации земли и давно привык им не верить ни на грош? Уход из Учредительного собрания левых эсеров, которые всегда выступали последовательными борцами за аграрную реформу в защиту интересов крестьянства, раскрыл глаза даже мало сознательным крестьянским слоям и в результате... «ни одна собака не тявкнула» в защиту того Учредительного собрания, которое немножко опоздало со своим ро-

ждением на свет. Исторический поток отбросил эту «коалицию в всероссийском масштабе», как превзойденный этап развития, чтобы строить новое здание советской государственности.

Что касается правого лагеря Учредительного собрания, то он собрался на следующий день в гимназии Гуревича. Доминирующим настроением было: «В Петрограде все потеряно, сил нет и нужно дать перегнить большевизму, выждать удобный момент, и тогда собраться где-нибудь в одном из крупных центров» [1]). На втором заседании было постановлено: «К 1 февраля всем с'ехаться в Киеве и оттуда начать борьбу за Учредительное собрание. Оставшееся время употребить на поездки по губерниям для доклада о петроградских событиях, выяснения настроения масс, организации сил». Для переговоров с Киевом немедленно была послана особая делегация.

От председателя Учредительного собрания было заявление: «Об'являю, что будут приняты все меры к скорейшему возобновлению занятий Учредительного собрания. О месте и времени следующего заседания Учредительного собрания будет об'явлено особо». Бурное развертывание гражданской войны не так скоро позволило «учредителям» выполнить свое намерение, и только в июне 1918 г. мы видим

---

1) Климушкин. «Правда об Учредительном собрании».

их снова на арене политической жизни в Самаре. В этот период, «учредители» смогли на деле показать тот социальный рай, который они обещали.

VII. ИТОГИ ВЫБОРОВ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И ИХ ОЦЕНКА

Посмотрим теперь, каковы были цифровые данные выборов в Учредительное собрание и какие причины их обусловили. «Воля народа», рисуя картину выборов, писала: «Пролетели три дня, похожие на карнавал, но безрадостный и горячечный. Плакаты, флаги, шествия, цветная мятель воззваний. Еще пестреют на тротуарах и мостовых обрывки листков, еще целы на заборах и стенах яркие заплаты, кричащие о большевиках, об эсерах, о кадетах, взывающие к долгу, угрожающие, сулящие хлеб, порядок, мир, землю. Три дня обыватель, гражданин, рабочий и буржуй *молча делали историю*, и вот сегодня сухие, скучные цифры говорят о воле *некоего коллектива*». Заключительная фраза этого описания особенно примечательна для характеристики той расценки выборов, которую делали все мелкобуржуазные партии. Для нее итоги выборов были неподлежащим сомнению и оспариванию — точным отражением воли народа; с ее точки зрения, избирательные бюллетени, опускаемые в урну, «делали историю». Мысль

мелкого буржуа, — не в силах перешагнуть за пределы идеологии, — навязанной ему окружающей капиталистической системой, которой он поклоняется; идеалистический подход к действительности мешает ему разглядеть сущность исторического процесса в его классовой глубине, и потому он склонен подменивать настоящую, живую историю, создающуюся в огне классовой борьбы ее отражениями в кривом зеркале парламентаризма. Исходя из этой ложной позиции, возводящей Учредительное собрание в полновластные «демиурги» [1]) (определение В. Чернова), партия эсеров, победившая на арене выборов, совершенно ошибочно вообразила себя «хозяином земли русской». На самом же деле их победа была лишь призрачным отражением в кривом зеркале парламентаризма уже изжитого периода, и бурное море революции взметнуло высоко эту партию по инерции на гребне уже уходящей волны, чтобы затем все новыми и новыми волнами смыть ее и погрузить на дно. И дальнейшая судьба этой партии доказала, как мало живая история считается с победой избирательного бюллетеня, она доказала, что классы проводят решение своих задач «не голосованиями, а всеми формами классовой борьбы» (Ленин). Только острый нож марксистского диалектического анализа может вскрыть движущие пружины исторического процесса, анатомируя явление вплоть до его глубочайшей сущно-

[1]) Демиург — творец.

сти, и учитывая при этом его динамическую изменяемость. Блестящим образчиком применения марксистского анализа в исследовании является ст. Ленина «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата». На ее основную канву мы и будем опираться в дальнейшем анализе выборов.

Цифровые данные по выборам в Учредительное собрание были собраны членом Учредительного собрания, эсером Святицким, который, как истый апологет этого учреждения, приложил все старания, чтобы собрать возможно более полный материал. Несмотря на это, материал ему удалось собрать только по 54 избирательным округам, из общего числа 78. Все же по этим данным мы можем получить представление о выборах в Европейской России (кроме 8 губерний). Совершенно не вошли в обследование Святицкого Северный и Южный Кавказ, Степной край и Туркестан.

Вот что дает составленная Лениным окончательная сводка всех поданных голосов:

I.	За партию пролетариата	9,02 млн., гол , или 25%
II.	За партию мелкобуржуазн. демократии (с.-р., с.-д. и проч.)	22,62 » » » 62%
III.	За партию помещиков и буржуазии .	4,62 » » » 13%
	Итого . . .	36,26 млн. гол., или 100%

(Во II категорию мелкобуржуазной демократии включены: 1) эсеры — 20,9 млн., 2) меньшевики —

668.064, 3) народные социалисты — 312 тысяч, 4) «Единство» — 25 тысяч, 5) Украинские социалисты — 507 тысяч, 6) немецкие социалисты — 44 тысячи, 7) финские социалисты — 14 тысяч. В III категорию помещиков и капиталистов вошли: 1) к-д — 1 млн. 856 тысяч, 2) Союз земельных собственников — 215 тысяч, 3) правые группы — 292 тысячи, 4) старообрядцы — 73 тысячи, 5) националисты: еврейские — 550 тысяч, мусульманские — 576 тысяч, башкирцы — 195 тысяч, латыши — 67 тысяч, поляки — 155 тысяч, немцы — 130 тысяч, белоруссы — 12 тысяч, казаки — 79 тысяч, и списки разных организаций — 418 тысяч).

На основании этой таблички мы можем ясно видеть, что правый лагерь помещиков и буржуазии потерпел на выборах полный крах, что 13% собранных ими голосов не могли представлять прямой угрозы для завоевания революции.

Контр-революция в ее неприкрытом виде была достаточно различима даже и для отсталых слоев масс. Даже самая левая из буржуазных партий — к.-д., как мы уже видели выше, имела свою Ахиллесову пяту — в пункте о передаче земли крестьянству «по справедливой оценке», что отрезывало ей всякий путь к поддержке деревни. Правда, в городах она сделала чрезвычайно большие успехи, отбив у эсеров широкие кадры мелкобуржуазных обывателей, однако в общей массе населения они не составляли значительного процента. Кроме того, голоса

правого лагеря сильно страдали от распыления, так как, несмотря на консолидацию всех сил вокруг партии к.-д., все-таки Союз земельных собственников и крайние правые не решались доверить свои голоса этой партии, питая надежду на самостоятельный успех. В итоге они провели лишь по одному депутату — на Украине и в Нижегородской губернии (хотя Союз земельных собственников на Украине собрал всего 2% голосов и мог бы получить 4 полномочия по округу, если бы не разбились голоса). Что касается к.-д., то они в общем стоят на третьем месте по количеству собранных голосов (1.856.639 голосов, что составляет 5% всех избирателей). По числу собранных голосов они могли бы получить 30 депутатских мест, но, вследствие распыления голосов, получили лишь 14 мест (т.-е. у них пропало 66% голосов). Итак, известная политическая зрелость крестьянства на 9-м месяце революции дала ему возможность ясно разглядеть своего классового врага в лице помещичьих и буржуазных партий, и вызвала их провал на выборах. Тем не менее, крестьянство запуталось в капиталистические тенета, расставленные при помощи эсеров, под фальшивым лозунгом: «Земля и воля», который, в переводе с языка фраз на язык фактов, означал на деле, — ни земли, ни воли!

Ценою своих революционных лозунгов, которым эта партия непрерывно изменяла на протяжении всей революции, она купила себе доверие мелко-

буржуазной крестьянской массы. Однако в течение своего восьмимесячного хозяйничания эсеры и меньшевики сумели достаточно выявить свою соглашательскую природу, явно потворствуя удержанию буржуазией ее позиций. Рабочий класс, в силу своей классовой сознательности, быстро зрея под лучами революционного солнца, ярко освещающего классовую природу всех партий, очень скоро отшатнулся от соглашательских иллюзий и окончательно отказал в доверии меньшевикам, пытавшимся его отравить ядом оппортунизма. Об этом ярко свидетельствует то ничтожное количество голосов, которое меньшевики получили на выборах (668 тысяч за меньшевиков против 9 миллионов за большевиков). Гораздо легче было удержаться на своих позициях партии эсеров, свившей себе гнездо в среде крестьянских масс, воспитанных во тьме беспросветной кабалы царского режима, достаточно отсталых, чтобы не различить под личиной многообещающих лозунгов того же классового врага, только в другом наряде.

Прелюдией к выборам в Учредительное собрание были в деревне выборы в волостные и уездные земства. И эти выборы вскрывали безрадостную картину того, как легко фальсифицировался, при помощи избирательного бюллетеня, голос трудового крестьянства. Как известно, настоящая революция в деревне закипела только после Октября, когда под руководством компартии прошла линия четкого

размежевания беднящких и середняцких слоев крестьянства от буржуазной кулацкой верхушки. В рассматриваемый нами период кулачество еще имело полную возможность вести за собою деревню.

Вот как рисует положение дел в своей деревне солдат, уволенный в отпуск: «Я нашел крестьянскую массу совершенно дезорганизованной и беспомощной. У власти стоят люди, не пользующиеся доверием населения, хотя им самим выбранные. Выборы происходили неправильно, и с подтасовкой. Подумайте, дорогие товарищи, о судьбе Учредительного собрания. Кто может пройти туда при таком положении вещей?» [1]). Этот простой солдатик, не в пример своим вождям, хорошо понимал уже несоответствие избирательного бюллетеня с волей родного села, которое без пролетарского руководства неизбежно подпадает под власть кулачья, им же избранного. Письмо из дер. Горбуново, Орловской губернии, гласит: «Никто не понимал избирательных записок, один писал за всех и за всех подавал; остались те же старосты и десятские» [2]). Злоупотребления совершались самые вопиющие: например, в Патриаршинской волости, Задонского уезда, обнаружено было плутовство писаря, вписавшего за неграмотных имена угодных ему кандидатов. То же самое подтверждает хроника местной

---

[1]) Эти письма взяты из очерка «Советы и Учредительное собрание».

[2]) Там же.

прессы, а сколько таких фактов осталось незамеченными! Известия Псковского губернского исполнительного комитета крестьянских депутатов сообщают о раскрытии злоупотреблений при выборах в Паниковской волости [1]. Неграмотные крестьяне и крестьянки обратились к местному писарю с просьбой проставить на записках номер и доверчиво опускали свои записки в урну. «Некоторыми было, однако, замечено, что цифра один является просто палочкой, а на записке, после помощи писаря, остается какой-то крючок». В результате раскрылось, что писарь вписывал номер списка земельных собственников.

Приведенные примеры достаточно ярко рисуют нам деревню накануне выборов в Учредительное собрание, деревню, брошенную во взбаламученное море избирательной процедуры, которая в избирательном бюллетене воплощала худшие гримасы выборной механики.

Деревня в муках неведения обращалась с трогательными письмами в совет Р. К. и С. депутатов (I созыва) насчет раз'яснений. Вот, например, письмо крестьян деревни Белчище, Псковской губернии: «Как мы живем в глухом краю, далекой и суровой Сибири, и не видим никакого свету образования, имею честь просить вас, товарищи депутаты, выслать нам какие-нибудь наставления, как нам

[1] «Крестьянское дело», № 4, 20 октября 1917 г.

быть и чем вы можете сохранить нас, не попасть в просак» [1]). Из Могилевской губернии пишут: «Товарищи, если для вас возможно выслать для нашего села наставление и программу для борьбы и наставления деревенской темноты, ничего мы не знаем, за какую партию постоять для подготовки к Учредительному собранию». Из Приморской области крестьянин горько жалуется: «А мы все темные, ни к чему не подготовленные, не знаем, что такое Учредительное собрание, и что такое демократическая республика. Влейте вы свет в нашу темноту, чтобы нас не смутили разные провокаторы» [2]).

Вот какая картина раскрывается перед нами из этих писем,— картина деревни, мятущейся в муках неведения. Октябрьская революция еще не успела вдвинуть свой могучий пролетарский рычаг в эту многомиллионную массу, не успела развязать в ней те силы, которые вывели ее на верную дорогу.

Правда, опыт восьмимесячного правления Временного правительства, в котором эсеры ежедневно и ежечасно компрометировали себя, кое-чему успел научить крестьянство. Это воочию доказал крестьянский с'езд губернских советов, где оппозиция, в лице левых эсеров, руководила уже почти половиной с'езда. В этой оппозиции чувствовалось уже

---

1) Хазан.— Советы и Учредительное собрание (издание ВЦИК I созыва).

2) Там же.

веяние Великого Октября, чувствовалось, что Черновы и Масловы до дна исчерпали терпение крестьянства. Каковы же, однако, были причины, которые мешали крестьянству при выборах в Учредительное собрание обрести классово-правильную линию и выбраться из буржуазных тенет эсеровщины на торную дорогу союза с пролетариатом? Одна из причин ярко вскрыта в крестьянских письмах: это — отсутствие четкого размежевания различных слоев деревни, ведущее к голосованию скопом, всей деревней (под руководством кулачья). Другую причину нужно видеть в том, что

> «...капитализм не был бы капитализмом, если бы он... не осуждал м а с с ы на состояние забитости, задавленности, запутанности, распыленности, темноты» [1]).

Помимо этого, как мы подробно видели в главе о партии эсеров, само построение этой партии, допускавшее широчайшую амплитуду колебаний между двумя ее полюсами, — революционно-демократическим и буржуазно-оппортунистическим, сбивало с толку крестьянина, неискушенного в политических тонкостях.

Левое крыло партии эсеров, тяготеющее к союзу с пролетариатом, к сожалению, во-время не порвало со своей партией и, тем самым, спасло ее авторитет, резко расходясь с нею по всему фронту револю-

1) Ленин, т. XVI. «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата».

ционной борьбы. Зоркий политический глаз Чернова «косил направо и налево» и, с одной стороны, использовывал революционный пыл «левых» для удержания голосов крестьянства, с другой,— поддерживал и полукадетское крыло воленародцев, улавливающих для партии голоса городского мещанства. Где же было понять эту хитрую партийную механику мужику, еле протирающему еще свои глаза от политической спячки царской темницы? Где было ему осознать, что руководящее ядро этой партии только из дипломатических соображений, для уловления крестьянских масс, не порывает пока связи с левым крылом, а на самом деле клонит все более вправо, к буржуазии, готовя предательский удар тому крестьянству, за которое ратовала ее выветривавшаяся программа? Итак, левые элементы партии эсеров и, в особенности, ее деревенские низовые работники, которые были спаяны с этими массами общей трудовой жизнью, — вот кто спасал еще кредит своей партии в крестьянской среде. Какой-нибудь эсеровский волостной земельный комитет, близко стоящий к крестьянину и, вопреки инструкциям Временного правительства и ЦК партии, все-же под угрозой ареста, защищающий этого крестьянина от кровавых обид помещичьего зубра,— укреплял тем самым в деревне пошатнувшуюся репутацию партии. Крестьяне не отдавали себе отчета в том, что все то полезное, что порою осуществляли на местах эсеры левого фланга, на

самом деле проводилось помимо официальных директив партии, и даже, вопреки этим директивам. Если представить себе гипотетически мыслимый случай, что раскол в партии эсеров произошел бы задолго до выборов в Учредительное собрание, дав тем самым возможность крестьянской массе осмыслить этот раскол, то результаты выборов, безусловно, сильно изменились бы в пользу левых эсеров, и тогда они, вместе с большевиками, составили бы в Учредительном собрании советское большинство. Ведь главную роль в успехе партии эсеров в деревне играло то обстоятельство, что партия эта почти везде шла под прикрытием общего списка с губернским советом крестьянских депутатов. Между тем, составление этих списков происходило часто задолго до Октябрьской революции, при невыявленном еще расколе в партии эсеров. Но стоило только на губернских с'ездах начать полемику между двумя фракциями эсеров — левой и правой, разорвавшими партийные скрепы, как тотчас и в среде крестьянства терялось прежнее единодушие, и оно становилось в своем подавляющем большинстве на сторону левых эсеров. Такой пример видим мы в Харьковской губернии, где губернский с'езд происходил поздно, и к этому времени левые эсеры успели размежеваться. В результате за резолюцию левых эсеров голосовал весь с'езд [1]) (за резолюцию

[1]) Доклад харьковского делегата на I с'езде левых эсеров (протоколы).

правых эсеров — 7 человек), а на выборах эсеры провели 6 своих делегатов, в то время как список правых, возглавляемый бабушкой (Брешко-Брешковской), с треском провалился. Однако пример Харьковской губернии был из единичных случаев. В большинстве случаев раскол в партии эсеров оформлялся слишком поздно, уже после того как губернские с'езды советов крестьянских депутатов утверждали списки кандидатов, заполненные, по директивам ЦК, видными именами вожаков правого уклона; и только где-нибудь на 10-м месте стояли скромные имена левых эсеров (например, Саратовская губерния провела в Учредительное собрание 9 правых эсеров и 1 левого, Пензенская губерния — 8 правых и 1 левого, Пермская — 10 правых и 1 левого, Воронежская — 12 правых и 1 левого).

В иных местах левых эсеров включали в списки только под давлением крестьянского с'езда. Так, например, на I с'езде левых эсеров саратовский делегат рассказывает: «Что касается списка в Учредительное собрание,— положение дел скверное. Туда попали только два левых эсера (и то на последнем месте), их включили только по настоянию губернского совета крестьянских депутатов. Сомнительно только, чтобы они оба прошли. На первом месте в списке Керенский» [1]). Совершенно ясно, что крестьянство голосовало не за Керенского, но за извест-

[1]) Протоколы I с'езда левых эсеров.

ных ему местных работников левого крыла, зарекомендовавших себя революционной политикой. Таким образом, благодаря преступной игре с левым флангом, ЦК протаскивал свои самые правые кандидатуры. Конечно, в большинстве мест, где левые эсеры откололись лишь накануне выборов в Учредительное собрание, уже после закрепления списков губернскими с'ездами, там отдельные лево-эсеровские списки потерпели на выборах крах, это со злорадством подчеркивает в своей книжке Святицкий. Однако его насмешка бьет мимо цели: совершенно естественно, что вопрос раскола не мог еще быть осознан крестьянством, и оно, по инерции, пошло за тем списком, который возглавлялся его губернским с'ездом. Интересно еще остановиться на Калужской губернии, где в свое время был произведен возмутительный разгром совета Р. и С. депутатов комиссаром Галиным (правым эсером), стоявшим во главе карательной экспедиции. Благодаря этому событию левый фланг эсеров обособился здесь раньше, чем в других местах, в результате чего в Учредительное собрание прошли только левые эсеры. Этим фактом еще раз подтверждается, что будь раскол оформлен ранее,— успех левых эсеров был бы обеспечен. Из всего вышеприведенного обнаруживается с полной ясностью, что крестьянство было введено в заблуждение замаскированным партийным расколом, который еще не успел явно обнаружиться, и поэтому-то оно отдало партии

эсеров 20 миллионов голосов, обеспечив ей господствующее положение в Учредительном собрании. Самый большой процент голосов эсеры получили в земледельческих районах, как то: Черноземный край и Нижнее Поволжье дали им 70% всех голосов (в 9 губерниях). Украина дала им 70% голосов (в 8 губерниях), Сибирь — 75% всех голосов (в 7 губерниях) и Восточно-уральская область — 62% всех голосов (в 4 губерниях). Приведем табличку итогов выборов в Учредительное собрание, составленную Лениным по цифрам Святицкого:

Число поданных голосов в тысячах

Области	За эсеров	%	За большевиков	%	За кадетов	%	Всего
Северная	1.140,0	38	1.177,2	40	393,0	13	2.975,1
Центр.-пром.	1.987,9	38	2.305,6	44	550,2	10	5.242,5
Поволож.-черноземн.	4.733,9	70	1.115,6	16	267,0	4	6.764,3
Западная	1.242,1	43	1.282,2	44	48,1	2	2.961,0
Восточно уральская	1.547,7	62	443,9	12	181,3	5	3 583,5
Сибирская	2.094,8	75	273,9	10	87,5	3	2.786,7
Украина	1.878,1	77	754,0	10	277,5	4	7.581,3
Армия и флот	1.885,1	43	1.671,3	38	51,9	1	4.363,6

Интересно отметить, что некоторые губернии, примыкающие к фронту Западной области, дают высокий процент за большевиков (например, Минская—63%, Смоленская—55%, Витебская—51%).

Своим декретом о земле советская власть показала крестьянству на деле, что одна только партия пролетариата способна осуществить его революционные требования. Однако выборы в Учредительное собрание происходили лишь спустя две недели после Октябрьской революции, и потому декрет этот еще не мог быть реализован. Волны октябрьского прибоя не успели даже еще докатиться до всех глухих углов нашей огромной и непроезжей страны; в иных, отдаленных от центра, местностях, спустя месяцы после переворота, сохранялась еще, в силу инерции, прежняя социальная установка, пока, наконец, туда доходили вести и люди из нового мира. Поэтому крестьянство еще не успело ярко почувствовать, что земельная реформа, благодаря новой власти, смело и бесповоротно сдвинулась с мертвой точки. А иногда случалось и так, как это было в Воронежской губернии, что эсеровские земельные комитеты совершали настоящий плагиат. Получив известие о перевороте, они поспешили от своего имени издать закон о переходе земель в руки земельных комитетов, якобы опираясь в этом на предположении Временного правительства, и тем самым незаслуженно присвоили себе благодарность и доверие крестьянства [1]). Кроме того, они сумели демагогически использовать конфликт военно-революционного комитета с губернским советом кре-

---

[1]) «Голос трудового крестьянства», № 24 (Воронеж).

стьянских депутатов, и в результате провели там 80% своих делегатов. Большевизация крестьянских советов проявилась значительно позднее, когда уже повсеместно закипела земельная реформа, под руководством местной большевистской власти — когда крестьянин изо дня в день убеждался на деле, что надежным защитником его интересов выступают именно большевики. Однако социальные сдвиги не происходят никогда молниеносно, а лишь постепенно расчищают себе русло среди остатков старой эры. Это был еще тот переломный этап, когда классовая позиция крестьянства, уже получившая экономически надежную установку на союз с пролетариатом, все еще не приобрела достаточного оформления, — идеологического и организационного. «Ход вещей опережает всегда ход идей» [1]) и сознание масс отстает от развития социальных отношений. Вот почему, когда экономически уже вполне созрел плод смычки пролетариата с крестьянством в процессе осуществления аграрной реформы — идеологически он все еще не оформился, и крестьянство продолжало по инерции, «по старой памяти», итти привычным руслом, выбирая на с'езды прежних делегатов-соглашателей. Хотя на совещании представителей дивизий и армейских комитетов, а также представителей губернских и уездных крестьянских советов от 10 ноября, об'явившем себя

---

[1]) Изречение Плеханова.

затем чрезвычайным с'ездом, было 100 левых эсеров, 55 большевиков и 30 представителей остальных партий, но это об'яснялось присутствием на с'езде большого количества делегатов от крестьянских комитетов армии, уже давно большевизированной. Когда же 26 ноября открылся II Всероссийский крестьянский с'езд, то оказалось, что деревня послала на него еще изрядную толику правых эсеров, отколовшихся от с'езда и выбравших свой исполнительный комитет. И только III крестьянский с'езд, состоявшийся 15 января, выявил уже вполне четко картину советизации деревни, которая зрела уже давно, но оформилась только теперь (большевиков на этом с'езде было 800—900, а левых эсеров — 400 человек). Этот диалектический процесс постепенного развертывания сознания масс вслед за изменениями в его социальных отношениях об'ясняет нам, почему деревня в период выборов не могла еще итти за списками большевиков: динамическое сформирование новой установки крестьянства на союз с пролетариатом было еще в это время лишь в начальной стадии своего развития.

Кроме этих основных причин, на выборы отрицательно влияли некоторые привходящие обстоятельства, местами приводившие к значительным искажениям. Эти причины коренились в том, что вся механика избирательного производства была, по положению о выборах, возложена на комиссии

из представителей от городских и земских управ, состав которых был эсеровский и частью кадетский; отсюда, ввиду сильнейшего антагонизма и обостренной ненависти этого лагеря к большевикам, происходили всевозможные злоупотребления. Вот, что об этом сообщает «Правда», перечисляя ряд жалоб, поданных во Всероссийскую комиссию: «В целом ряде губерний избирательные списки были опубликованы поздно или не выставлены для обозрения. Наблюдались неправильности в раздаче бюллетеней. Во многих уездах списки выдавались только кадетам или давались только тем, кто обещал голосовать за кадетов. В других уездах списки выдавались только эсерам. Были случаи лишения граждан участия в выборах по целым заводам (например, сахарные заводы) и деревням. В Уфимской губернии на целом ряде заводов тысячам рабочих было отказано в выдаче списков большевиков. Во многих местах списки уничтожались. В Моршанском уезде, Тамбовской губернии, агитация большевиков запрещена была под угрозой. Особенно легко было подтасовывать волю неграмотных: грамотным выдавались все списки, а неграмотным — только кадетские (село Курово, Курской губернии). По некоторым губерниям практиковались прямые подлоги, например, уничтожение в нескольких волостях конвертов с большевистскими списками и замена их другими». Несомненно, в атмо-

сфере той жгучей ненависти, которую старый мир питал к пролетарской власти, все методы борьбы, вплоть до подлогов, считались допустимыми во время выборов в Учредительное собрание. Итак, все вышеизложенные причины в своей совокупности обусловливали тот факт, что состав Учредительного собрания уже совершенно не соответствовал картине новых социальных отношений, которые еще не успели оформиться.

Из этого можно сделать определенный вывод: если бы Учредительное собрание было созвано на несколько недель позже, то можно полагать с уверенностью, что оно имело бы советское большинство в лице большевиков и левых эсеров. Мысль эту хорошо формулировал М. Н. Покровский:

> «На самом деле... эта избирательная победа только что низвергнутой партии (эсеров) не отражала собою действительного соотношения сил в стране. Большевики, несомненно, поторопились с выборами (производившимися, мы помним, через 2 недели после революции). Благодаря этому, выборы прошли при наличности на местах, особенно в деревне, старой эсеровской администрации: новая власть успела взять управление в руки только в крупных городских центрах, и, что особенно важно, выборы прошли по старым спискам.
>
> Всякому понимающему механику выборов ясно, что должно было получиться из этой

комбинации — старой администрации и старых списков. Все то давление, какое правительства буржуазных демократий оказывали обыкновенно на выборы, на этих выборах было на стороне партии эсеров. А новая власть, хотя и успела издать декрет о земле, но провести его в жизнь еще не имела времени; для практического крестьянина это все еще были слова, была только писаная бумага, а бумаги, исписанной хорошими словами, крестьянин видел уже достаточно!..» [1]).

Таким образом, нужно констатировать, что несколько недель могли сыграть в данном случае решающее значение. Однако тактику большевиков можно было бы считать ошибочной, если не учитывать всех обстоятельств, связанных с окружающей общественно-политической обстановкой. С одной стороны, требование созыва Учредительного собрания неслось отовсюду, в виде непрерывного потока резолюций, и на оттяжках выигрывала лишь демагогическая антисоветская агитация; с другой стороны, необходимо было положить конец деятельности всевозможных контр-революционных союзов защиты, отравляющих своей агитацией малосознательные слои. Отсюда вполне естественно было стремление большевиков возможно скорее разрубить Гордиев узел.

---

[1]) М. Н. Покровский. «Что установил процесс так называемых с.-р.»

Мы разобрали выше, каким образом эсерам удалось осуществить парламентский трюк, который дал им перевес при выборах в Учредительное собрание уже не соответствующий соотношению сил, являющийся искаженным отражением превзойденного этапа «вчерашнего дня революции». В этом обстоятельстве кроется причина того, почему крестьянин, выбиравший эсеровское большинство, и не подумал даже стать на защиту этого большинства, когда Учредительное собрание было распущено советами. Конкретно, изо дня в день убеждаясь в том, что советская власть на местах есть власть, защищающая его кровные нужды, и видя в конфликте Учредительного собрания желание упразднить эту власть; с другой стороны, осознав раскол в партии эсеров и причину ухода левых эсеров — крестьянин даже и пальцем не шевельнул во имя «Учредительного».

Посмотрим теперь, что показала своим голосованием армия, вобравшая в себя весь цвет народных сил. Армия в своем большинстве состояла из крестьянства, более развитого политически, и поэтому господствующее в ней настроение можно считать показателем тех тенденций, которые намечались и в деревне, но пока еще лишь в потенциальном не развернутом виде. Посмотрим табличку выборов по армии и флоту, взятую у Ленина:

Число голосов в тысячах

	За эсеров	За большевиков	За кадетов	За национальные и др. группы	Всего
Северный фронт	240,0	480,0	?	60,0	780,0
Западный »	180,5	653,4	16,0	125,2	976,0
Юго-западн. »	402,9	300,1	13,7	290,6	1.007,4
Румынский »	679,4	167,0	21,4	260,7	1.128,6
Кавказский »	360	60,0	?	—	420,0
Балтийский »	—	120,0	—	—	120,0
Черноморский флот . .	22,2	10,8	—	19,5	52,5
Итого . . .	1.885,1	1.791,3	51,8	756,0	4.484,5

Итоги выборов по армии и флоту показывают, что на ближайших к центру фронтах — Северном, Западном и Юго-западном за большевиков было чуть не вдвое больше, чем за эсеров (1.433.000 большевистских голосов против 923.000 эсеровских). Отдельные фронты — Кавказский и Румынский дали значительный перевес эсерам. Солидный Балтийский флот целиком отдал свои голоса большевикам, а маленький Черноморский флот дал $^{2}/_{3}$ своих голосов эсерам. Если мы подведем общий итог по армии и флоту, за вычетом одного лишь Румынского фронта (который, вследствие своей отдаленности, не мог играть решающей роли), то все-таки значительное большинство голосов останется за большевиками (1.624,3 за большевиков, против —

1.205,6 за эсеров). Как правильно отметил М. Н. Покровский на выборах в армии также отрицательно сказалось то обстоятельство, что с Учредительным собранием слишком поторопились. Он пишет: «И, наконец, новая ошибка большевиков, — выборы были произведены до заключения перемирия, т.-е. раньше, чем новая власть успела показать, что она не только хочет, но и может умеет прекратить ненавистную народным массам бойню».

Однако даже та картина, которую мы видим при выборах, уже дала достаточно благоприятные результаты. Ленин пишет:

> «Но имея почти половину голосов в армии, вообще мы имели подавляющий перевес на фронтах, ближайших к столицам, и вообще расположенных не чрезмерно далеко... Следовательно, в армии большевики тоже имели уже к ноябрю 1917 года политический «ударный кулак», который обеспечивал им подавляющий перевес сил в решающем пункте в решающий момент. Ни о каком сопротивлении со стороны армии против Октябрьской революции пролетариата не могло быть и речи» [1]).

Не могло быть и речи также о какой-нибудь поддержке Учредительному собранию после его роспу-

---

[1]) Ленин, соч. т. XVI. «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата».

ска, так как те слова о мире, которые раздались оттуда, осуждали ближайшее осуществление этого мира, твердо начатое советской властью, и предлагали тянуть дальше волынку с союзными империалистами. Мы уже видели выше, что армия, поскольку ей приходилось отрицать советы во имя Учредительного собрания, не шла на эту ловушку и выдвигала взамен лозунг примирения Учредительного собрания с советской властью.

Но когда явно обнаружился непреодолимый конфликт, когда Учредительное собрание выявило свою антиреволюционную позицию, отрицая все декреты советской власти — тогда армия осталась незыблемо стоять на страже своих советов и «учредители» могли безвредно изливать свои воззвания. На их защиту солдат не пошел, так же, как не пошел и крестьянин, ибо единственный день Учредительного собрания многому научил его.

Посмотрим теперь, каким избирательным бюллетенем выразил свою волю рабочий класс. Святицкий, разбивая районы выборов по географическому принципу, тем самым перемешал индустриальные районы с земледельческими, и поэтому его порайонные данные затушевывают голоса пролетариата.

Вот почему Ленин рассматривает вопрос иначе, выделяя в особую группу губернии с развитой промышленностью. Такой анализ доказывает с явной очевидностью перевес большевиков во всех таких

округах (причем необходимо помнить, что голоса пролетариата выступают здесь разбавленные эсеровской водицей деревенского населения).

Так, например, Петроградская губерния дает 50% своих голосов большевикам (25% эсерам), Московская губ — 56% большевикам (25% эсерам), Москва — 50% большевикам (8% эсерам), Петроград — 45% большевикам (16% эсерам), Лифляндия — 72% большевикам, Владимирская губерния — 56% большевикам (32% эсерам), Тверская — 54% большевикам (39% эсерам), Тульская — 46% большевикам (45% эсерам), Костромская — 40% большевикам. В среднем, по всем названным губерниям большевики получили 52%.

Таким образом, во всех промышленных округах за большевиков было подано больше половины голосов, причем нужно принять во внимание, что население промышленных городских центров разбавлялось в этих округах погубернскими голосами мелкой буржуазии. Ленин обращает внимание на данные Москвы и Петрограда, которые показывают, что голоса, поданные здесь за большевиков, перевешивают не только эсеровские голоса, но и сумму голосов, полученную эсерами и кадетами вместе. Всего по Москве и Петрограду было подано 1.765,1 тыс. голосов, из коих эсеры и кадеты получили 218 тыс. + 515 тыс. = 733 тыс., а большевики получили 837 тыс. Произведя расчет в процентах, мы

увидим, что 58,2% голосов было подано здесь за большевиков и лишь 14,9% — за эсеров.

«Столицы, — говорит Ленин, — или вообще крупнейшие торгово-промышленные центры... в значительной степени решают политическую судьбу народа — разумеется, при условии поддержки центров достаточными местными, деревенскими силами, хотя бы это была не немедленная поддержка» [1]).

Интересную картину раскрывает перед нами приведенная Святицким сравнительная таблица выборов по 80 городам, с одной стороны, и по всей стране — с другой. Эта таблица показывает нам как далеко ко дню выборов шагнула вперед политическая позиция городов по сравнению с отсталой деревней.

Приводим эту таблицу в несколько сокращенном виде:

Проценты всех голосов

	в стране	в 80 городах	
Эсеры	46	15	— 31
Большевики . .	25	38	+ 13
Кадеты . . .	5	25	+ 20

Примечание: 46% получили русские эсеры, но вместе с эсерами других национальностей, эта партия собрала по всей стране 58% голосов. Тогда разница выразится не в 31%, а в 43%.

---

1) Соч. т. XVI. «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата».

С неоспоримой убедительностью говорят нам эти цифры о глубочайшем сдвиге, происшедшем в городах, этих экономических и политических аванпостах страны. Путь, который явственно намечался здесь, был потенциально заложен уже по всей стране, но город выявил его гораздо раньше, чем это сделала деревня, обреченная в силу социально-экономических условий на неизбежное отставание в темпе своего политического развития.

Из этих данных мы видим, как партия эсеров, скомпрометированная в процессе коалиционных опытов, теряет всякий кредит в городах, где от нее уходят к большевикам последовательно-демократические элементы и к кадетам все правые группы городских обывателей, жаждущих порядка. Разница отношения к этой партии города и деревни выражается в огромной цифре — 43%. И даже эта цифра все-таки преуменьшена вследствие того, что здесь не противопоставляется город и провинция в чистом виде (графа «по всей стране» включает ведь и города). Таким образом, налицо факт катастрофического падения удельного веса партии эсеров в городах.

Совершенно обратную картину видим мы у большевиков. Процент, поданных за них голосов в городах, составляет 35, а по всей стране — 25; разница составляет 10% (разница эта и здесь тоже преуменьшена, по той же причине, что и выше).

Города, как более диференцированные в классовом отношении, дают плюс и партии к.-д., которая имела здесь больше возможностей, чем в провинции, сплотить вокруг себя правые элементы.

В заключение посмотрим еще одну сравнительную табличку, взятую у того же Святицкого, и вскрывающую разницу между летними выборами в городские думы и выборами по 80 городам в Учредительное собрание:

Процент поданных голосов [1])

	Летние выборы в городские думы по 44 городам	Выборы в Учредительное собрание по 80 городам
Эсеры	44	15
Большевики	15	38
Кадеты	21	32

В этих данных мы находим новое подтверждение той же тенденции. Процент эсеровских голосов понижается в течение 3—4 месяцев в городах с 44 до 15, т.-е. на 29%. Процент большевистских голосов повышается с 15 до 38.

«Сколько бы мелкобуржуазные демократы, называющие себя социалистами и социал-демократами (Черновы, Мартовы, Каутские, Лонге, Макдональды и К°), ни разбивали себе лба

[1]) Святицкий. «Итоги выборов в Учредительное собрание»

перед богинями «равенства», «всеобщего голосования»... или «последовательной демократии», от этого не исчезнет экономический и политический факт неравенства города и деревни. Это — факт неизбежный при капитализме вообще, при переходе от капитализма к коммунизму в частности. Деревня не может быть равна городу в исторических условиях этой эпохи. Город неизбежно ведет за собой деревню. Деревня неизбежно идет за городом». Вопрос только в том, какой класс из «городских классов сумеет вести за собой деревню, осилить эту задачу, и какие формы это руководство города примет»[1]).

Октябрьская революция выдвинула к власти пролетариат, который и взял на себя отныне руководство деревней. Победа большевиков в Октябре могла казаться чудом только для верующих в силу «святого избирательного права» и не видящих реальных движущих сил в борьбе классов; на самом деле, победа эта была естественным последствием того, по словам Ленина, «могучего ударного кулака», который создался в лице концентрированных в столицах рабочих масс и поддержки армий ближайших фронтов, что обеспечило большевикам «подавляющий перевес сил в решающий момент,

---

1) Ленин, соч. т. XVI. «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата».

в решающем месте». А победа советской власти над Учредительным собранием в январе показала, что крестьянство, под руководством пролетариата, преодолело тот тупик, в который загнал его избирательный бюллетень, и твердо направилось по пути союза с пролетариатом, убедившись, что только пролетарская власть способна осуществить его чаяния.

Имея только четверть голосов в парламенте, авангард пролетариата имел за собой реальную поддержку масс, которые в конфликте Учредительного собрания и советов стали на сторону советской власти и, тем самым, подписали смертный приговор буржуазному парламентаризму во имя Республики Советов.

Так пролетарский молот, мощным ударом раздробивший избирательную урну, в которой была заключена фальсифицированная «воля народа», воплощавшая «вчерашний день» революции, принес массам освобождение от тенет буржуазного парламентаризма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когда советская власть распустила Учредительное собрание, заграничный социал-демократический лагерь II Интернационала поднял на страницах своей прессы неистовую кампанию травли советской власти, которая этим актом якобы изменила заве-

там социализма. На самом деле все эти ядовитые пули рикошетом попадают в самое сердце II Интернационала, выявившего в этих протестах свой полный разрыв с революционным учением Маркса. Проблема парламентаризма является составной частью общей проблемы так называемой «чистой демократии», включающей, с одной стороны, по выражению Маркса, «генеральный штат свобод», с другой — равенство граждан перед законом и перед избирательной урной. «Декларация прав человека и гражданина» была провозглашена на пороге новой эры капитализма, идущей на смену феодализму; она созрела, как плод идеологии класса буржуазии, пробивающей себе дорогу к власти в борьбе с средневековыми традициями.

В противовес идеологии феодала, предопределяющей незыблемо каждого человека к известному положению в обществе, — буржуазная идеология развязывала путы личности, выставляя ее как самоцель. Эта теория как нельзя лучше гармонировала с буржуазным строем, покоящимся на товарном хозяйстве, где атомизированные личности противопоставлены друг другу в водовороте обмена — этой единственной общественной связи между ними. В борьбе с квасными, застойными формами социальной жизни феодальной эпохи требования «свобод» раскрепощения личности представляли немаловажный прогрессивный фактор; однако эти требования касались лишь внешнего юридического раскрепо-

щения, гостеприимно раскрывая ворота перед закрепощением экономическим. Критикуя «Декларацию прав человека и гражданина», Маркс говорит:

> «Ни одно из этих прав не выходит за пределы эгоистического человека, — человека, как члена гражданского общества, т.-е. как индивида, ушедшего в себя, в свои частные интересы и свою частную волю и обособившегося от общежития» [1]).

Эта эгоистическая личность, личность-самоцель получает широкий простор для пользования своими силами, причем, само собой разумеется, что экономически более сильный приобретает на основе этого право на эксплоатацию более слабого. Таким образом, знаменитая декларация расшифровывается в живой действительности капитализма как право на эксплоатацию со стороны «свободных личностей» — капиталистов над такими же «свободными личностями» — пролетариями, которые, будучи лишены средств производства, получили в награду от декларации великое право располагать свободой своей личности и беспрепятственно продавать капиталисту свою рабочую силу. Формальная свобода и равенство нужны были для буржуазии лишь как новая оболочка для древней, как мир, эксплоата-

---

1) Цитирую по ст. В. Полянского сб. «На идеологическом фронте борьбы с контр-революцией».

ции, которая предстала теперь в видоизмененном наряде капиталистической эры.

«Буржуазная демократия,—говорит Ленин,—будучи великим историческим прогрессом по сравнению с средневековьем, всегда остается,—и при капитализме не может не оставаться,—узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной, раем для богатых, ловушкой и обманом для эксплоатируемых, для бедных»[1]).

Мы видим, что пресловутая «чистая демократия» выливается здесь в демократию типично буржуазную и является не чем иным, как одной из составных частей грандиозного механизма капиталистического угнетения эксплоатируемых масс.

Маркс, критикуя «генеральный штат свобод» этой буржуазной демократии, говорит:

«Каждая из свобод провозглашается безусловным правом французского гражданина, но с неизменной оговоркой, что она беспредельна, поскольку она не ограничена одинаковыми правами других и общественной безопасностью или законами, долженствующими привести в гармонию права граждан и общественную безопасность... Каждый параграф конституции содержит в самом себе свою собственную проти-

[1]) Ленин, т. XV. «Пролетарская революция и ренегат Каутский».

воположность, свою собственную верхнюю и нижнюю палату: свободу — в общей фразе, упразднение свободы — в оговорке» [1]).

Эта характеристика буржуазно-демократической «свободы», данная Марксом еще в 1848 г., остается совершенно свежей и живой и для настоящего времени. Буржуазная демократия во всех европейских государствах великолепно прилажена на запятках капиталистической колесницы в качестве услужливого лакея, который по требованию своего барина «капитала» либо мирно убаюкивает массы «белых рабов» бесперебойным жужжанием парламентского веретена при содействии вождей II Интернационала, либо в случае надобности пускает в ход диктаторский кнут во имя обеспечения «общественной безопасности». Торжество буржуазной демократии во всех европейских странах принесло с собой трудящимся массам под видом свобод и парламентаризма, на основе всеобщего избирательного права, лишь замаскированную форму диктатуры буржуазии, где «волю народа», воплощенную в избирательных бюллетенях, заставляют плясать по указке некоронованных королей—Морганов и Рокфеллеров.

В лице II Интернационала, восхваляющего блага этой «демократии», блага формального равенства с эксплоатируемого — с эксплоататором блага умирать «свободно» с голоду для пролетария, — капи-

---

1) Маркс. «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта».

тализм обрел верного сторожевого пса своих интересов.

> «Предатели социализма, — говорит Ленин, — рисуют дело в таком виде, как будто бы буржуазия принесла трудящимся в дар чистую «демократию», как будто бы буржуазия отказалась от сопротивления и готова подчиниться большинству трудящихся, как будто бы в демократической республике не существовал и не существует государственный аппарат для подчинения рабочих капиталу» [1]). (Курсив мой. — *Н. Ш.).*

В самых демократических из республик царят террор и диктатура буржуазии, проявляющиеся открыто каждый раз, когда власть начинает как будто бы терять почву под ногами. Точка зрения социал-демократов, приписывающая «демократии» характер какой-то надклассовой святыни, парящей на крыльях вечности, вне времени и пространства, над грешною землей — эта точка зрения является типичной для идеологии мелкого буржуа, ищущего примирения классового антагонизма и думающего, что он обрел целительный бальзам от всех недугов капитализма под видом «чистой демократии». Эта «чистая демократия» выступает в его сознании как фетиш, как идол, перед которым он

---

[1]) Ленин, собр. соч., т. XVI. «Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатура пролетариата» (4 марта 1919 г.).

смиренно преклоняет колени, не желая замечать под декоративной оболочкой демократизма классового ядра буржуазной диктатуры. «Чистый парламентаризм», являющийся составной частью «чистой демократии», представляет собой особенно ядовитый обман масс. Социал-реформисты используют формальное равенство эксплоатируемого и эксплоататора перед лицом избирательной урны, чтобы внушить массам лживую мысль, что они владеют мощным средством для мирного преобразования капитализма в социализм — путем простого завоевания большинства голосов в парламенте. На самом деле, буржуазия, опираясь в парламентских выборах на свое «охраннсе войско» — в лице мелкобуржуазной массы и их партий — великолепно справляется с осуществлением своей диктатуры, для которой парламент является весьма подходящей декорацией. На многочисленных примерах современной жизни мы видим, что приход к власти в парламенте «ручных» партий, вроде эсдеков или рабочей партии Англии, возглавляемых социал-реформистами, ни в малейшей мере не колеблет господства буржуазии, и вот почему она время от времени допускает подобную игру кошки с мышкой; однако, если предположить, даже гипотетически невероятный случай, что в парламенте взяла бы верх подлинно-революционная партия, то это тотчас повело бы к обнаружению диктаторского лица капитала из-под маски демократизма и к применению ввиде противоядия

«сключительного положения» ради охраны «общественной безопасности». И лишь в пламени гражданской войны, в буре социальной революции, огненными письменами пролитой на баррикадах крови — может пролетариат запечатлеть свою победу над беспощадным врагом — капиталом, зажав его затем железной уздою своей диктатуры.

На недавнем партейтаге германской социал-демократии в Киле, Гильфердинг в своем докладе на тему «Задачи социал-демократии в Республике» говорил:

«Исторически неверно говорить о буржуазной демократии... Я напомнил бы о том, сколько пролито пролетарской крови за завоевание всеобщего избирательного права. Демократия означает совершенно иное понимание государства. Раньше воля германского рейхстага была пустяковиной, потому что ей противостояла воля милитаризма высшей бюрократии, монарха. Теперь, действительно, государственная воля образуется не иначе, как итог, слагаемый из государственных воль отдельных граждан. Теперь господствующие должны превращаться в граждан и должны подкреплять свое господство в постоянной идейной борьбе с нами за большинство. Без этого прекращается их господство на почве демократии» [1]).

---

[1]) «Правда». Статья «Новые откровения Рудольфа Гильфердинга». 1927 г.

Эта цитата показывает нам воочию, каким туманом иллюзий окутывают вожди II Интернационала «государственную волю» в лице парламента, которая слагается в итоге — не шутите — «из государственных воль отдельных граждан», иначе сказать, — является подлинной всенародной волей. Неизвестно только, с какой это поры исчисляет Гильфердинг счастливую эру, когда воля германского народа перестала быть «пустяковиной» в сравнении с волей магнатов капитала; не с тех ли пор, когда социал-демократические предатели, Носке и К°, бросили снова германский пролетариат в жерло этого капитала? «Идейная борьба за большинство» в парламенте вполне удовлетворяет г-на Гильфердинга, как достаточная компенсация пролетариату за жесточайшую эксплоатацию капиталистов. Так отравляют сознание рабочего класса ренегаты типа Гильфердинга и Каутского, утешая его тем, что «Ротшильд, который кровь и слезы мира перечеканил в наполеондоры своих барышей, имеет один голос на выборах», и что «темный землекоп, который не умеет подписывать имени, всю жизнь спит не раздеваясь и бродит в обществе как подземный крот,— является, однако, носителем народного суверенитета и равен Ротшильду перед судом и на выборах в парламенте» [1]). Это призрачное формальное равенство, по мнению Гильфердингов, должно искупить реальное экономическое неравенство, должно

---

[1]) Троцкий. «Терроризм и коммунизм».

утешить голодающих пролетариев тем, что они тотчас обретут райское блаженство на земле, стоит им лишь провести в парламент достаточное количество своих представителей.

Посмотрим теперь, что говорил Маркс по этим вопросам. Если мы заглянем в его книгу «18 брюмера Луи Бонапарта», мы найдем здесь не мало строк, едко иронизирующих над фетишизмом мелкобуржуазной демократии перед представительными собраниями. Вот что он, например, пишет в ней по поводу плебисцита, подарившего Франции Наполеона II:

> «В те роковые дни французский народ, несомненно, совершил смертный грех по отношению к демократии, которая изо дня в день взывает на коленях: «Святое избирательное право, молись за нас!» Верующие во всеобщее избирательное право не хотят, разумеется, отказаться от той чудодейственной силы, которой они столь многим обязаны, которая Бонапарта II превратила в Наполеона, Савла в Павла, Симона в Петра. Дух народа глаголет им из глубины избирательных урн, как бог пророка Езекиила мертвым костям... Так рек господь бог своим костям: «Я вдуну в вас дух живой, и будете жить».

Так и наши эсдеки верят, что в мертвую труху парламентского тлена «воля народа» может, каким-то

чудом при засилии буржуазной диктатуры вдохнуть живой дух социализма...

Уже в одной вышеприведенной остроумной насмешке Маркса можем мы видеть совершенно несомненно, как относился он к фетишизму всеобщего избирательного права. Но посмотрим далее, как он относился к тому Учредительному национальному собранию, в котором после Февральской революции воплотился «реагирующий дух наций». Вот что он пишет:

> «Пролетариат, завоевавший республику с оружием в руках, наложил на нее свою печать и провозгласил ее социальной республикой... В то время, как парижский пролетариат еще сиял радостью ввиду открывшейся ему великой перспективы и предавался серьезнейшим прениям о социальных вопросах, старые общественные силы сгруппировались, опомнились и нашли неожиданную опору в народной массе, в крестьянах и мелких буржуа, устремившихся разом на политическую сцену после падения перегородок июльской монархии... Открывшее свои заседания 4 мая 1848 г., Национальное собрание — продукт всенародных выборов — представляло нацию. Это собрание было живым протестом против притязаний февральских дней и должно было низвести результаты революции до буржуазного уровня» [1]).

---

[1]) Маркс. «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта».

Каутские и им подобные ренегаты должны были бы здесь воскликнуть: «Святое избирательное право, молись за нас!» — и затем призвать французский пролетариат подчиниться всенародной воле, «глаголющей из глубины избирательных урн», так же как они призывали русский пролетариат безропотно подчиниться воле Учредительного собрания в лице Черновых и К°. Не то говорил Маркс. Когда Французское учредительное собрание (подобно нашему) заявило, что «требования пролетариата — это пустые утопии, которым надо положить конец», тогда «парижский пролетариат ответил июньским восстанием, этим грандиознейшим событием в истории европейских гражданских войн». И Маркс не только не осуждает пролетариат за то, что он не подчинился «всенародной воле» Национального собрания, но преклоняется и восхищается тем беззаветным героизмом, той небывалой силой, с которой пролетариат бросается на борьбу с этим Учредительным собранием, в котором воплотился «реагирующий дух наций».

И, несмотря на то, что буржуазия вышла из этого боя победительницей вследствие того, что историческая почва еще недостаточно созрела для пролетарских побед — несмотря на это, Маркс с восхищением говорит:

«Пролетариат падает с почетом в великой всемирно-исторической борьбе. Не только Фран-

ция, — вся Европа дрожит от июньского землетрясения»[1]).

Мы видим таким образом, что Маркс оценивал факт восстания пролетариата против Учредительного собрания как этап классовой борьбы двух непримиримых врагов — пролетариата и буржуазии; эта точка зрения, как небо от земли, далека от мелкобуржуазного фетишизма Каутских, «зараженных парламентским кретинизмом, который приколдовывает пораженных им к фиктивному миру и лишает их всякого смысла, всякой памяти, всякого понимания грубого внешнего мира»[2]). Маркс дал великолепное определение парламента:

> «В парламенте нация возводила в закон свою всеобщую волю, т.-е. возводила закон господствующего класса в свою всеобщую волю»[3]).

Конечно, Каутские и Гильфердинги не смогут никогда принять безоговорочно этой формулировки Маркса, иначе рухнула бы вся их стройная теория «чистой демократии», которая носится, как дух святой над земными водами, в надклассовом эфире.

Посмотрим теперь, что говорил Маркс о Национальном собрании эпохи Парижской коммуны 1871 г., более близкой по времени и по духу к нашей

---

1 К. Маркс «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта».
2) Там же.
3) Там же

пролетарской революции. Вот какую характеристику дает Маркс революционному Парижу:

«Трудящийся, мыслящий, борющийся, истекающий кровью, но сияющий вдохновенным сознанием своей исторической инициативы, Париж почти забывал о людоедах, стоявших пред его стенами, всецело отдавшись строительству нового общества»[1]).

Этому революционному Парижу противостояло Национальное собрание — «дух и воля народа» для фетишистов всеобщего избирательного права. Вот как его характеризовал Маркс:

«И лицом к лицу с этим новым миром Парижа стоял старый мир Версаля — это собрание отрепьев всех отживших порядков... жаждущих растерзать труп народа... Париж весь — истина. Версаль весь — ложь» [2]).

С таким же правом могли и мы в нашей великой пролетарской революции провозгласить: «Советы — истина, Учредительное собрание — ложь». Маркс в своем анализе событий спускается в самую гущу классовой борьбы, разбившей некогда Францию на два непримиримых лагеря по обе стороны баррикад, подобно тому как это позднее случилось в нашей революции. Как там, так и у нас весь старый мир сплотился вокруг Учредительного собрания, чтобы вырвать власть из рук пролетариата. Демократиче-

---

[1]) Маркс. «Гражданская война во Франции в 1871 г.»
[2]) Там же

ская декорация всеобщего голосования, под которую спрятался старый мир, эта декорация, украшавшая собой внутреннюю гниль отрепьев старой Франции, могла бы ослепить только филистеров типа Каутского, но она не могла ни на минуту затуманить острого взора Маркса. И он констатирует:

«Коммуна имела полное право об'явить крестьянам: «Наша победа—это ваша надежда!» [1]).

Маркс считает, что «самой наглой клеветой, пущенной в ход в Версале и разнесенной по всему белому свету достославными башибузуками европейской печати, было утверждение, что помещики Национального собрания являлись представителями французских крестьян» [2]). И здесь мы можем провести аналогию с нашим Учредительным собранием, где собрались пособники капиталистической реставрации, обманувшие крестьянство посулами «земли и воли», — только у нас весь этот обман народа носил более замаскированный облик. И у нас пролетариат мог с полным правом сказать крестьянству: «Наша победа — это ваша надежда». Маркс указывает далее на целый ряд преимуществ и благ, которые могли бы дать «непосредственное господство Коммуны — и только Коммуны — французским крестьянам», и что благодаря этому туман крестьянских предрассудков «не мог бы устоять против апелляции Коммуны к жизненным интересам и на-

---

1) Там же.
2) Там же.

сущным потребностям крестьян». И так, Маркс концентрирует свое внимание не на искаженном отражении «воли народа» в зеркале парламентаризма, а на подлинном динамическом формировании этой воли в процессе революции путем прямого воздействия пролетарской власти Коммуны на обманчивые иллюзии и предрассудки крестьянства.

Наша революция, идущая по заветам великого учителя, осуществила это на деле. Не придавая значения «парламентским голосованиям», она прошла мимо Учредилки по пути реального удовлетворения крестьянских интересов и, тем самым, завоевала крепкий союз с ним.

> «Коммуна, — пишет далее Маркс, — хотела подчинить сельских производителей умственному руководству окружных городов и обеспечить им в лице городских рабочих естественных представителей их интересов» [1].

Чувствуется, как в каждом слове Маркса трепещет живая струя нового пролетарского творчества, отбрасывающего весь хлам застойных доктрин, в том числе и ходячую монету формального равенства, ибо в переходный период от капитализма к социализму деревня не может быть равна городу, и пролетариат должен в этот период выступить в роли гегемона, ведущего за собой деревню, воспитывающего и подготовляющего эту деревню для социалистического строя.

---

[1] К. Маркс. «Гражданская война во Франции в 1871 г.».

Но что же представляла из себя коммуна? Не была ли она сколком парламентского правления?

«Коммуна, — говорит Маркс, — должна была быть не парламентским учреждением, а деловой коллегией, соединившей в себе как исполнительную, так и законодательную власть... Всеобщая подача голосов до сих пор служила народу для выбора каждые три года или каждые шесть лет какого-нибудь члена господствующего класса, который представлял и подавлял народ в парламенте, теперь она должна была служить народу, организованному в коммуны». (Курсив мой.— *Н. Ш.)*[1]).

Так, Маркс, базируясь на опыте Коммуны, гениально наметил вехи для будущих органов пролетарской диктатуры — советов.

Из всех проанализированных нами взглядов Маркса — выступает совершенно явственно та глубочайшая пропасть, которая отделяет его революционное учение, квалифицирующее демократию и парламентаризм с точки зрения классовой сущности от лже-марксизма Каутских и Гельфердингов.

Нет никакого сомнения, что будь он жив, он бы с восторгом приветствовал роспуск нашего Учредительного собрания, как первый могучий удар, нанесенный доктрине буржуазной демократии аван-

---

[1]) К. Маркс. «Гражданская война во Франции в 1871 г.».

гардом русского пролетариата во имя победы пролетарской демократии.

В своей полемике с Каутским, у которого «гвоздь всей брошюры» заключался в вопросе о судьбах нашего Учредительного собрания, Ленин говорит:

> «Не надо было разгонять Учредительного собрания, — это и значит: не надо было доводить до конца борьбу с буржуазией, не надо было свергать ее, надо было помириться пролетариату с буржуазией. Если было возможно помирить буржуазию с пролетариатом, почему же при меньшевиках примирение не удалось?.. А на деле как раз более чем полугодовой (для революции это громадный срок) опыт меньшевистского соглашательства попыток примирения пролетариата с буржуазией и убедил народ в бесплодности этих попыток» [1].

Каутский с точки зения вечных истин «чистой демократии», конечно, осудил разгон Учредительного собрания, конечно, возмущался попиранием такой святыни, как эсеровская учредилка, которая шла под лозунгом «назад к капитализму».

> «Пусть гибнет революция, пусть буржуазия торжествует над пролетариатом, лишь бы процветала «чистая демократия. Fiat justitia, pereat mundus» [2].

---

1) Ленин, собр. соч., т. XV. «Пролетарская революция и ренегат Каутский».

2) Там же.

Каутского не интересует вопрос о классовом содержании Учредительного собрания; раз оно Учредительное собрание,—значит «сие место свято»; верность лозунгу «чистой демократии» предписывает безоговорочное подчинение этой надклассовой святыне.

Впрочем, он стремится все-таки затушевать свою позицию слишком уж откровенного защитника Учредительного собрания, несущего с собой капиталистическую реставрацию и поэтому изрекает в заключение следующий перл своей ренегатской премудрости: «Сомнительно получил ли пролетариат в смысле действительных, практических завоеваний, не декретов, — в советской республике больше, чем он получил бы от Учредительного собрания, в котором, точно так же, как и в советах, преобладали социалисты, хотя и другой окраски».

Для того, чтобы Каутскому убедиться в этом сомнении, ему стоило бы только спросить рабочего и крестьянина Поволжья и Сибири, с проклятием выговаривающего ненавистное слово «учредилка», много ли благ принесло ему хозяйничание Комитета Учредительного собрания в Самаре. Если бы, по рецептам Каутского, пролетарская революция преклонила колени перед «святым избирательным правом» — она погубила бы себя и обрекла бы трудящиеся массы на капиталистическое ярмо. То, что кошмарной страницей вошло в историю нашей гражданской войны, под названием «колчаковщины»,—

прокатилось бы тогда по всей нашей стране от края до края огнем и мечом — вот какие перспективы готовило нам господство «социалистов» другой окраски, типа Чернова и Церетели, которых Каутские и К° берут под свое покровительство. И если статическое отражение «воли народа» в искаженном зеркале парламентаризма дало бы нам бесподобную палату социал-предателей, то динамическое отражение этой воли в советах дало нам картину неуклонной их большевизации: на I с'езде было 13% большевиков, на II — 51%; на III — 60%; на IV — 64%; на V — 65%; на VIII и на IX — 93%. Так, советы, «непосредственная организация самих масс, облегчающая им возможность самим управлять государством» [1]) — отражали подлинную волю трудящихся масс, чего не мог бы дать ни один парламент.

> «Было бы величайшей нелепостью предположить, — говорит Ленин, — что самая глубокая революция в истории человечества, первый переход власти из рук меньшинства эксплоататоров в руки большинства эксплоатируемых, произойдет в рамках старой, буржуазной парламентарной демократии без величайших потрясений, без создания новых форм демократии, новых установлений, новых условий их применения» [2]).

---

[1]) Ленин, собр. соч., т. XV. «Пролетарская революция и ренегат Каутский».

[2]) Ленин, собр. соч., т. XVI. «Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатура пролетариата».

Чтобы притти к социализму, необходимо прежде пройти целый ряд градаций диктатуры пролетариата, необходимо, разбив в самом начале государственную машину капитализма, вынести затем жесточайшую борьбу с колоссальным сопротивлением эксплоататоров, необходимо обуздание этих эксплоататоров железной диктаторской рукой пролетариата.

> «История нас учит, — говорит Ленин в тех же тезисах, — что еще никогда угнетенный класс не получал и не мог получить власти без предшествовавшего периода диктатуры, т.-е. без завоевания политической власти и насильственного прекращения самого отчаянного, дикого, не отступающего ни перед каким преступлением сопротивления».

Старый капиталистический мир можно переплавить только в горниле пролетарской диктатуры, для того, чтобы выковать новые формы этого мира, могущие вместить социализм. Доктрина «чистой демократии», которая в свое время, на грани зарождения капитализма, сыграла глубоко революционизирующую роль, опрокидывая все старинные средневековые перегородки сословных привилегий, — эта доктрина отжила свой век. Прошел час истории, исчисленный веками, и эта доктрина, повинуясь диалектике исторического развития, из лозунга революции превращается в свою антитезу — в лозунг реакции, который

острием своим обращается уже против нового грядущего этапа диктатуры пролетариата. Доктрина «чистой демократии», убаюкивая массы посулами социальных благ, достижимых без революционной борьбы, на основе парламентского голосования, развращает эти массы иллюзиями реформизма, расслабляет их волю к борьбе с эксплоататорами. Но напрасно она в бешенстве противится идее диктатуры пролетариата, открывающей эру социализма. Как некогда в пору зарождения капиталистической эпохи лозунг демократии играл роль фермента, приводящего в брожение старое общество, так в наше время, на грани величайшей эры социализма, роль такого фермента играет лозунг социальной революции и диктатуры пролетариата, призванной смести всю ветошь старого буржуазного мира, в том числе всю ложь и иллюзии, связанные с «чистой демократией».

На смену демократии буржуазной, воплощающей в замаскированном виде диктатуру буржуазии, идет демократия пролетарская при диктатуре пролетариата.

Эти тезис и антитезис в дальнейшем диалектическом завершении истории дадут великий синтез социалистической демократии, когда не будет уже ни формальной демократии, покоящейся на эксплоатации и индивидуализме, не будет и ее антитезы демократии пролетарской диктатуры, основанной на руководстве со стороны пролетарского авангарда

коллективом трудящихся и на подавлении эксплоататорского слоя на переходном этапе,— но воцарится общечеловеческая демократия бесклассового общества, в основе которой будет заложен глубочайший коллективизм спаянного в единую семью человечества, и на фоне его небывало прекрасным цветком расцветет свободная личность, не изолированная, но корнями вросшая в общественный коллектив. Наша переходная к социализму эпоха диктатуры пролетариата призвана закладывать фундамент для этого будущего социалистического общества. Вот почему этому этапу невиданного еще в мире строительства свойственно дробить бесстрашными ударами рутину старого мира и пролетарскою рукою писать великие письмена новой исторической жизни. К нашей революции обращал свой гениальный взор Маркс, когда он говорил:

> «Социальная революция XIX века не может черпать свою поэзию из прошлого: она должна черпать из будущего. Она не может стать сама собой, не отказываясь от всякого суеверного почитания старины. Прежним революциям необходимы были всемирно-исторические воспоминания о прошедшем, чтобы заглушить в себе мысль о собственном содержании. Революция XIX века должна предоставить мертвецам хоронить своих мертвых, чтобы уяснить себе собственное содержание» [1]).

[1]) Маркс. «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта».

Цена 1 р. 50 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:
Торговый Сектор Издательства
МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
Москва—Центр, Кузнецкий Мост, 7.
Ленинград, Просп. Володарского, 53-а
ПОЧТОВЫЙ ОТДЕЛ ИЗДАТЕЛЬСТВА
Москва—Центр, Моховая ул., 24, 3-й книжный
магазин Издательства „Московский Рабочий"